

Выпуск № 2, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2025. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2025. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.

Registry entry III № ФC 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Филипповский Г.Ю., Зимина Л.И. Пушкинская «Русалка» и ее истоки 5
- Копытова Е.А., Тюленева Е.М. Л.В. Гарелина — первая ивановская писательница:
к проблеме формирования ивановского текста 20
- Джамалова Я.Я. Традиция vs новаторство: «новые люди» Зинаиды Гиппиус 34
- Киселева И.С. Сон и житнетворчество в пьесе Макса Фриша «Санта-Крус» 42
- Полужктова Т.А., Прудюс И.Г. «Фотограф» Д. Лефевра, Э. Гибера, Ф. Лемерсье
как (фото)графический роман: репрезентативная специфика жанра 48

Языкознание

- Зимина М.В., Москалева С.И. Особенности перевода русского слова *ещё*
на немецкий язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») ... 57
- Губанов С.А. Эпитетация имени собственного в поэзии М. Цветаевой 65
- Кузьмина И.С., Мосягина М.С., Владимирова С.М. Функции вестиментарных
описаний в англоязычных произведениях для детей 72
- Ананьина М.А. Прототип как форма реализации аллюзивного
антропонимического концепта 83

История

- Атдаев С.Д. Махтум-Кули-хан, или «Тяжела папаха хана» 91
- Никитенко С.Д. Военные маневры американских войск у форта Райли в 1902 г.
в донесениях военного агента Н.Н. Распопова 102
- Решетов Е.А. Борьба дипломатов РСФСР/СССР за признание
Швецией советского государства в 1920—1924 гг. 112
- Рыжов И.В., Дубинин А.И. Ближневосточные этноконфессии и система
региональных международных отношений в XXI веке 123
- Юдин К.А. «Советы не должны недооценивать нашей решимости»,
или «давайте заниматься культурой»: специфика советско-американского
«холодного» диалога в конце 1970-х — 1980-е гг. 135
- Тумаков Д.В. Северная Осетия в оценках российской прессы начала 1990-х гг. 146

Философия

- Саяпин В.О. Теория индивидуации Жильбера Симондона
и её роль в осмыслении цифровых социальных сетей 155
- Докучаев Д.С., Стробыкин К.А. Региональная политическая повестка:
понятие, акторы и механизмы формирования 165
- Николаева А.С. Модель современного медиадискурса в контексте синергетики
и квантовой теории поля 176
- Асланян А.О. Глобальный аудит и гуманитарная экспертиза:
к вопросу оценки человеческого качества 185
- Асланян А.О., Смирнов Д.Г. Философия технологии ноосферного аудита:
опыт концептуализации 192

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Filippovsky G.Y., Zimina L.I.** Pushkin's "Rusalka" and its origins 5
- Kopytova E.A., Tyuleneva E.M.** L.V. Garelina — the first Ivanovo woman writer:
to the problem of the formation of the Ivanovo literary text 20
- Dzhamalova Ya.Ya.** Tradition vs innovation: Zinaida Gippius' "new people" 34
- Kiseleva I.S.** Sleep and life creation in Max Frisch's play "Santa Cruz" 42
- Poluektova T.A., Prudius I.G.** D. Lefèvre, E. Guibert, F. Lemercier's "Le Photographe"
as a (photo)graphic novel: representative specificity of the genre 48

Linguistics

- Zimina M.V., Moskaleva S.I.** Features of the translation of the Russian word *still*
into German (based on the material of the novel by M.A. Bulgakov
"The Master and Margarita") 57
- Gubanov S.A.** Epithetation of a proper name in M. Tsvetaeva's poetry 65
- Kuzmina I.S., Mosyagina M.S., Vladimirova S.M.** Functions of vestimentary
descriptions in English-language works for children 72
- Ananyina M.A.** Prototype as a form of realization of an allusive anthroponymic concept 83

History

- Atdaev S.J.** Mahtum-Kuli-Khan, or "Heavy is the head that wears the crown" 91
- Nikitenko S.D.** Military maneuvers of the American troops at the Fort Riley
in 1902 in the reports of military agent N.N. Raspopov 102
- Reshetov E.A.** The struggle of RSFSR/USSR diplomats for recognition
the Soviet state by Sweden in 1920—1924 112
- Ryzhov I.V., Dubinin A.I.** Middle Eastern ethnic confessions and the system
of regional international relations in the 21st century 123
- Yudin K.A.** "The Soviets should not underestimate our resolve", or "let's engage
in culture": the specifics of the Soviet-American "cold" dialogue
in the late 1970's — 1980's 135
- Tumakov D.V.** North Ossetia in the assessments of the Russian press in the early 1990's 146

Philosophy

- Sayapin V.O.** Gilbert Simondon's theory of individuation
and its role in understanding digital social networks 155
- Dokuchaev D.S., Strobykin K.A.** Regional political agenda: concept, actors
and formation mechanisms 165
- Nikolaeva A.S.** A model of modern media discourse in the context
of synergetics and quantum field theory 176
- Aslanyan A.O.** Global audit and humanitarian expertise:
on the question of assessing the human quality 185
- Aslanyan A.O., Smirnov D.G.** Philosophy of noospheric audit technology:
an experience of conceptualization 192

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 5—19.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 5—19.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

EDN <https://elibrary.ru/ayavfe>

DOI: 10.46726/И.2025.2.1

ПУШКИНСКАЯ «РУСАЛКА» И ЕЕ ИСТОКИ

Герман Юрьевич Филипповский, Лариса Ивановна Зимина

Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена мотиву русалки в творчестве А.С. Пушкина и его истокам в мировой литературе и культуре. Ближайшим источником для Пушкина послужила баллада В.А. Жуковского «Рыбак» (1818), переложение баллады Гёте “Der Fischer” (1778—1779). Пушкин создал целую галерею произведений на эту тему, начиная со стихотворения «Русалка» (1819), драматические сцены «Русалка» (1826—1832), балладу «Яныш королевич» из цикла «Песни западных славян» (1833—1835). В стихотворении «Русалка» появляется образ монаха, с которым ранее в лицейской лирике отождествлял себя сам поэт, имея в виду свои увлечения, в том числе любовные. Образ русалки встречаем во вступлении к поэме «Руслан и Людмила» (1820) вместе с образом легендарного Лукоморья и древнего дуба (с острова Хортица в низовьях Днепра). Мотив водной девы и водной стихии вдохновлял Пушкина в период его ссылки в Причерноморье. Мотив русалки в мировой культуре восходит к глубочайшей древности (палеолит, минойская, греческая, римская культура) и далее проявляется в Средневековье. Особенно важна в этом плане богатая античная мифология, культура и литература, которую еще в лицее преподавал своему любимому ученику профессор Н.Ф. Кошанский. Прекрасно знаком был с античным наследием и Иоганн Вольфганг Гёте, начиная с раннего страсбургского периода и в течение всей своей жизни. Гёте вдохновлялся образом своей возлюбленной Фридерики Брион, называя ее Каменной, т. е. нимфой, водной девой. В 1820 году Пушкин пишет стихотворение «Нереида», следуя образам греко-римской мифологии. В 1826 году создает отрывок «Как счастлив я, когда могу покинуть ...» — монолог героя, обращенный к русалке (наброски будущего текста драмы «Русалка»). Не только древняя античность, но и славянский фольклор подвиг Пушкина на создание баллады «Яныш королевич» из цикла «Песни западных славян» с образами русалки Елицы как водяной царицы и ее дочери Водяницы, с которыми встречается и разговаривает герой баллады.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русалка, И.В. Гёте, баллада, античная мифология, средневековая культура и литература, фольклор

Для цитирования: Филипповский Г.Ю., Зимина Л.И. Пушкинская «Русалка» и ее истоки // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 5—19.

А.С. Пушкин в своем творчестве неоднократно обращался к таинственному и интригующему мотиву *русалки*, персонажу мировой, прежде всего европейской мифопоэтической культуры. Истоки его уходят в древность и средневековье. К этимологии слова *русалка*: в санскрите *rasa* — жидкость, влага, вода; в кельтском субстрате (языках, культурах) *ros, rus* — озеро, пруд; в латинском языке *ros* — роса. Популярная в среде учёных этимология: *русалка* от европейских *rosalia*, весенних праздников, — у авторов статьи вызывает сомнения (хотя, и русалки, как образ, и древнерусские русалии, несомненно, имеют прямое отношение к весенне-летним фольклорным праздничным ритуалам). Другое дело, несомненная связь *русалки* с водной стихией, прямо-таки ее манифестация, выступает определяющей. В древнегреческой мифологии нимфы, населяющие пресные водоемы, назывались наяды (от дрелогреческого *νᾱῶ* течь, струиться) [Мифы... 2: 205]. Тесно связанный с Пушкиным Жуковский использовал слово наяды в своем стихотворении «Моя богиня (из Гёте)» 1808—1809 гг.: «... свежей гирляндой / Венчаю веселую, / Крылатую, милую, / Всегда разноридную / Всегда животворную / Любимицу Зевсову / Богиню-фантазию. ... Играет с наядами / По гладкой поверхности / Потока дубравного...» [Жуковский: 63]. Фантастический образ полурыбы-полудевы существовал у разных народов в мифологии и легенде (правда, в легенде, достаточно поздней, средневековой). Фундаментальный указатель В.Л. Кляуса фольклорных сюжетов и сюжетных ситуаций (прежде всего в текстах заговоров восточных и южных славян) [Кляус] содержит огромное число ситуаций, где фигурируют женщина и вода.

Связь женского естества с водой отмечена и в образе палеолитической обнаженной женщины с традиционно стертым лицом и с наполненным рогом в вытянутой руке в пещерных изображениях Франции. Знак воды («беунок», волна) отмечает множество минойских, кипрских, микенских фигурок-идолов, рельефов. На золотой печатке перстня из Тиринфа микенской культуры II тысячелетия до н. э. изображена процессия водных чудовищ с чешуеподобными плащами и чертами женского естества (перед троном сидящей Великой богини) [The dawn...: 217]. На древних серебряных монетах из Сиракуз (декадрахма V в. до н. э.) представлен образ нимфы Аретузы в окружении дельфинов [Dictionary...: 120]; на монете из Аргигентума (тетрадрахм V в. до н. э.) с изображением Сциллы — женского чудовища с развевающимися волосами-змеями, телом гидры, с хвостом и с огромным крабом рядом [Там же: 104, 133, 140, 201].

В литературных текстах поздней античности был популярен сюжет Геро и Леандра [Словарь античности: 133; The reader's: 242], где тема трагической любви объединяет героиню и героя с водной стихией. Древняя легенда говорит, что прекрасный юноша Леандр из Абидоса (колония Милета), с побережья Троады каждый день переплывал Геллеспонт к своей возлюбленной, жрице Афродиты по имени Геро из Сеста на греческой стороне пролива. Но однажды случилась трагедия: буря погасила фонарь, которым Геро подавала сигнал Леандру, и он утонул. Безутешная Геро бросилась с высокой башни в воды Геллеспонта и погибла. В Константинополе, а затем в Стамбуле сохранилась Девичья башня с подобной легендой. Сюжет Геро и Леандра есть в «Грустных элегиях» Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.), в поэме позднеримского поэта Мусея Грамматика V—VI вв. н. э. [Словарь античности: 133].

Древний сюжет о трагической любви с участием водной стихии дожил до Средневековья и до XVIII века.

В средневековой романской культуре VII — XII вв. сюжет водной деви, *русалки* с одним или раздвоенным хвостом представлен, например, в резьбе портала ц. Сан-Микеле в Павии, в фасадном рельефе баптистерия в Парме (XII в.) [Капников: 68, 79], на капителях романских колонн ц. Марии и Сан Сиджизмонда в Риволта д'Адда XII в. (Ломбардия) [Романское искусство: 338—339]. Некоторые учёные соотносят этот фантастический образ с Мелюзиной — персонажем средневекового романа. Автор книги «Романское искусство» Рольф Тома так комментирует эти образы: «Средневековый человек постоянно мысленно восстанавливал связь между внешним видом предмета и сверхъестественным миром, высшей реальностью» [Там же: 339]. Тот же исследователь цитирует известного голландского медиевиста Йохана Хейзинга: «Люди постоянно имели в виду, что всякий предмет был бы лишён смысла, если его значение ограничивалось бы его прямым назначением и видом, и что все предметы имели глубокие корни в потустороннем мире» [Там же: 338].

Характерно, что подобные изображения на стенах храмов в Ломбардии, на севере Италии, связаны с работой художественных артелей с озера Комо, с культурой лангобардов — германского племени, пришедшего в Италию с севера Европы в раннее Средневековье. Образ водной деви восходит, возможно, к легендам о. Комо или к мифологическими преданиям о русалках-ундинах германо-балтийского региона (римское *unda* — волна). Изображение русалки, водной деви, читается, например, на археологическом артефакте XII века — фрагменте резной костяной фибулы из раскопок 1967 г. в Великом Новгороде. Работа могла быть местной, но, скорее всего, прибалтийского мастера с о. Готланд или из одного из городов европейского побережья Балтийского моря, с которыми у Новгорода были тесные торговые связи. До сих пор русалка представлена на официальном гербе города Варшавы. Конечно, мотив нимф был популярен в римской культуре (на виллах и в римских усадьбах обычно бывал *нимфей* — обиталище нимф, а также фонтаны и водные бассейны) [Словарь античности: 381]. Следует добавить, правда, что образы *прекрасных женских существ* с хвостами русалок появились не в древности, а только с эпохи Средневековья.

Интересно, что молодой А.С. Пушкин в своем первом упоминании образа *русалки* в поэме «Руслан и Людмила» опирался на очень древние предания, дошедшие чуть ли не со скифских времен. Первые строки поэмы: «У Лукоморья дуб зеленый; / Златая цепь на дубе том...», и на этом дубе «русалка на ветвях сидит ...» [Пушкин 1936: 3] (поэту, очевидно, была ясна связь русалок не только с водой, но и с растительностью). Речь идет однозначно о легендарном огромном древнем дубе с острова Хортица, перед выходом Днепра в море, — языческом святилище, известном с незапамятных времен. И это не просто предание — древний дуб дожил едва ли не до XIX века, и во все времена плывшие по Днепру к морю приносили к этому дубу традиционные подношения. Так что уже молодой Пушкин хорошо чувствовал колорит древности (приведший его вскоре к «Песни о вещем Олеге»), обратился к образу русалки, который вылился сначала в его стихотворение «Русалка» 1819 г., затем драму 1826—1832 гг. и в другие произведения с этим фантастическим (но и романтическим) сюжетом.

Следует сразу сказать, что юный Пушкин, автор «Руслана и Людмилы», руководствовался отнюдь не только устными преданиями и легендами. Он был близко знаком со староитальянскими средневековыми сюжетами (во французских переводах), а также с древнерусскими источниками в интерпретации

Н.М. Карамзина (речь идет о его «Истории государства Российского» [Карамзин], описаниях походов славян, а затем варягов на Царьград из Киева на низовья Днепра, в Черное море). В древнерусских текстах женские образы и образ воды весьма значимы во многих произведениях: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (середина XI века), «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» игумена Василия (ПВЛ под 1097 год), «Слово о полку Игореве» (начало XIII века).

Весьма любопытно, что образ «днепровской русалки» несомненно повлиял, как уже говорилось, на начало первой большой поэмы Пушкина. Н.Я. Берковский, Ю.М. Лотман [Берковский: 84—111; Лотман: 598—599] отметили, что эпизод из второй главы романа «Евгений Онегин» навеян известной тогда петербургской публике оперой «Днепровская русалка». Эта опера, премьера которой состоялась в столице 26 октября 1803 года, представляла собой русскую переработку австрийской комической оперы «Donauweibchen» («Дева Дуная»), текст Генслера, музыка Ф. Кауэра [Берковский]. Русский текст Н. Краснопольского, музыкальные дополнения принадлежали С. Давыдову. Опера пользовалась популярностью, Пушкин о ней, безусловно, знал. Наиболее известна была ария русалки Лесты. Конечно, этот сюжет и образы повлияли на последующую работу поэта над текстом драмы «Русалка», которая началась с 1826 года и продолжилась до 1832 года. При жизни Пушкина драма «Русалка» не была опубликована по цензурным соображениям. Первое издание ее относится к 1837 году, после гибели поэта, когда В.А. Жуковский и другие обнаружили рукопись, правда, без названия, в бумагах погибшего поэта [Томашевский: 849].

Если вернуться к образу *русалки*, то на этот счет существует весьма обширная фольклорно-этнографическая и фольклорно-мифологическая научная литература. В известной энциклопедии «Мифы народов мира» академик В.В. Иванов включил статью «русалка» во втором томе [Мифы... 2: 390]. Правда, оригинальной информации у него почти не было, он опирался на известные научные источники, прежде всего на монографию В.К. Соколовой «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в.» [Соколова]. В фундаментальной энциклопедии «Славянские древности: Этнолингвистический словарь» Л.Н. Виноградова в 4-м томе поместила статьи: «русалка», «русалии» [Славянские древности: 495—501], а Т.А. Агапкина — статью «русальная неделя» [Там же: 501—503]. Здесь приведен обширный фольклорно-этнографический материал, в том числе полевые записи. Можно добавить, что и в XIX — начале XX века материалы о русалках были включены в достаточно многочисленные сборники и издания. Таков, к примеру, переизданный недавно (Москва, 1990) факсимильно сборник 1880 года М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» [Русский народ...: 57—66]. Или же солидный двухтомник Н.М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси»: т. 1. Харьков, 1916; т. 2. Москва, 1913, переизданный факсимильно в Москве, издательство «Индрик», 2000 [Гальковский 1: 60—68].

Возможно, уместно, если один из авторов данной статьи хотел бы поместить собственные наблюдения по обсуждаемой теме. Речь пойдет о его совсем юном возрасте, когда он оказался свидетелем тайного русальского ритуала. Его жизнь протекала в деревянном доме на окраине Ярославля в доме бабушки, вчерашней вятской крестьянки (с русской печкой и козой Бертой, которую он водил в стадо). В один из июньских дней 1946 года бабушка, мать и мальчик, приехавшая из Лодейного Поля пожилая родня женщины собрались

и поехали на Троицу в г. Тутаев, где посетили знаменитый Воскресенский собор, праздничную службу. На следующий день рано утром все женщины отправились вместе с маленьким мальчиком по насыпи в сторону Ярославля (начиналась русальная неделя; четверг перед Троицей именовался «русалкой», а эти дни — «зелеными святками»). Примерно через 40 минут спустились с насыпи в долину, поросшую ольхой, где протекал ручей. Было раннее пасмурное утро, но долина не была пуста, хотя выглядела фантастично и призрачно, заполненная многими совершенно обнаженными женщинами, пожилыми и помоложе. Они рвали куски белой простыни и навязывали их на ветки деревьев, передвигаясь очень медленно. Весь наш поход был «к источнику», к нему и подошли: родник бил внутри полуразрушенной деревянной кади. Пили родниковую воду и брали с собой. Подошли из бывших там три женщины, их лица запомнились своей бледностью (в литературе она отмечается как характерная черта русалок вообще, черта потусторонности, ибо русалками считали либо утопленниц, либо малых детей, умерших некрещёнными). Спросили у матери: «Мальчик-то вроде бы большенький». На что мать с пылом пыталась объяснить, что мальчик совсем маленький (мне картина не казалась странной, поскольку мать до тех пор водила меня с собой в женскую баню). Много позже узнал, что куски белой ткани предназначались русалкам на одежду, а сам эпизод представлял собой древний запретный для непосвященных ритуал русальной недели (для мужчин, случайно подвернувшихся, он был небезопасен, но, видимо, повлияло, что мне еще не было 4 лет).

Подобный материал, конечно, отразился в богатой фольклорно-этнографической научной литературе, но как-то типологично, не до такой степени, чтобы это были чьи-то личные документальные наблюдения. Много позже, уже в 1976 году, преподавателем Ивановского государственного университета проводил летнюю фольклорную практику в группе вечерников в окрестностях г. Лух, на одноименной реке. В ряду записей местного фольклора появилась «быличка»: при впадении речки Добрицы (со светлой водой) в реку Лух (с темной водой) на купальскую ночь якобы происходит нечто фантастическое. Всплывает плот, на котором стоят девушки в венках, что-то поющие и расчесывающие свои длинные волосы. По прошествии некоторого времени и плот, и, надо полагать, *русалки*, уходят обратно под воду. Поблизости, за рекой Лух, на высокой горе находилось урочище Троица (местные называли «село Троица», хотя никакого села там не было, а множество диких камней, березы и церковь наверху). Здесь на праздник раньше собирался народ, водили хороводы, бились кулачные бойцы «до первой крови». Это явно был отголосок древнерусских русалий, «игрищ межю сёлы». Всё описанное было частью основных весенне-летних ритуалов, обычаев, традиций, верований, уходявших глубоко в языческое прошлое.

Возвращаясь к основной пушкинской теме, необходимо отметить, что на образ русалки в поэме «Руслан и Людмила» молодого Пушкина (1820) повлияла отнюдь не австрийская опера о русалке (это влияние проявилось позже, уже в михайловский период, время создания «Евгения Онегина»). Исследователи справедливо отмечают, что образ пушкинской русалки был навеян переводом В.А. Жуковского 1818 года знаменитой баллады Гёте (1778—1779 гг.) “Der Fischer” («Рыбак») [Жирмунский]. Речь идет не о том, что Жуковский был лично знаком с Гёте, встречался с ним в его доме в Веймаре, и даже не о том, что Жуковский рано обратился к средневековому в принципе, европейскому жанру баллады. Необходимо прояснить другое: каким образом автор

«Фауста», гениальный учёный-универсалист, поклонник Спинозы, Гёте в своей балладе 1778 г. «Рыбак» обратился к образу потустороннего существа, в сущности, чудовища. Что его подвигло на подобный поэтический поступок?

В этом случае нужно вернуться к молодому Гёте страсбургского периода (1770—1771 гг.). Учёба в Лейпциге закончилась болезнью, признаками туберкулёза, и он вернулся к отцу во Франкфурт. Болезнь Гёте затянулась. Зимой 1769 года он находился под воздействием матери, а также лечащего врача, заинтересовался алхимией и «натуральной магией». Впоследствии Гёте писал в своей знаменитой автобиографии «Поэзия и правда»: «Мы обратились к сочинениям Теофраста Парацельса, Базилия Валентина, а также Гельмонта, Старкея и других, учение и предписания которых, основанные более или менее на природе и воображении, мы старались понять и применить. Мне особенно нравилась Aurea Cotena Homeri (золотая цепь Гомера), где природа изображается хотя и фантастически, но в прекрасной связи ... Мы потратили много времени на эти диковинки, ... более находили забавы в самих этих тайнах, чем могло бы принести раскрытие их» [Канаев: 12]. Его внимание привлекла «натуральная магия» Диппеля (1747): «Наука о тайных силах и природных телах». Этими «тайными силами» были «духи», выражениями которых являлись предметы природы, фантастическая система анимизма. Под влиянием этих книг Гёте устроил дома лабораторию, занялся алхимическими опытами. И.И. Канаев пишет, что «“солидное” знание магии оказало большое влияние на молодого поэта и нашло отражение» затем в Фаусте; «Гёте не сразу преодолел обаяние магии и отзвуки впечатлений от неё можно найти, и в других размышлениях Гёте» [Там же: 13].

Гёте вскоре переезжает в Страсбург, где знакомится с Гердером [The reader's...: 241], воззрения которого оказали серьёзное, можно сказать решающее, влияние на становление поэта. Под влиянием Гердера Гёте записывает фольклор рейнской области Эльзаса во время прогулок по деревням. Мальчуков Л.И. отмечает: «Направляющая рука Гердера обратит интересы молодого поэта к изучению старины, и прежде входившей в круг его бессистемного чтения — архитектуры и живописи прошлого, редких рукописей, диковинных фолиантов «чёрной магии» и стародавних хроник. Старину, причём живую — народные обычаи и песни, он найдёт в своих странствиях по идиллическим окрестностям Страсбурга и прирейнским селениям. Там же забьёт родниковый ключ гётевской поэзии — лирический поток “Зезенгеймских песен”» [Мальчуков: 8].

В небольшой деревне Зезенгейм Рейнской области в окрестностях Страсбурга Гёте найдёт свою первую любовь — дочь пастора Фридрику Брион. Ей он посвятит цикл «Зезенгеймских песен», любовную лирику, первые баллады и ряд последующих произведений. По сути, она становится его первой музой. Стихотворение «Фридерике Брион» заканчивается строками: «Вот песнь моя! / Я вырвался из плена / Назревших строф. / Красавица! Камена! / Услышь мой зов!» (перевод В. Левики) [Гёте 1975: 31—33].

Энциклопедия «Мифы народов мира» даёт следующую статью «Камены»: «В римской мифологии нимфы ручья в посвящённой им в Риме у Капенских ворот роще, где они имели небольшое святилище и получали жертвоприношения из воды и молока. Из ручья весталки черпали воду для нужд храма Весты. Не позже начала 3 в. до н.э. камены были отождествлены с музами» [Мифы... 1: 619]. 1771 год — исток поэтического дара Гёте, когда в его стихи входит не только любовная, но и древнегреческая, мифологическая тематика. В том же цитированном стихотворении, обращённом к Фридерике Брион, поэт

награждает её и именем Камена — нимфа, муза, но и именем Филомела («Чу! Смолкла Филомела!») Можно пояснить, что имя «Филомела» — сестра фракийской царицы, ставшая благодаря воле богов, по греческой версии, ласточкой, по римской — соловьём; в культуре нового времени — поэтическое именование соловья [Словарь античности: 608].

В 1770—1772 гг. под воздействием своей первой любви и под влиянием Гердера Гёте обратился к поэтическим истокам: не только древнегреческой мифологии и поэзии, но и к народным легендам. Так появились «Майская песня», «Прекрасная ночь», романтические этюды, обращённые к Фридерике с налётом тайны: «Рассвет седой, туманный / Мой милый дол покрыл, / Туманами затканый, / Мир тихо опочил» [Гёте 1975: 27—34]. Фридерика стала не только его первой музой, но его нимфой, околдовавшей его русалкой (хотя собственно баллада «Рыбак» появилась позже). В 1772 году в «Страданиях молодого Вертера» появляется образ Мелюзины, фантастического женского существа с хвостом (из средневекового европейского романа) [Мифы... 2: 136—137]. Позже в состав романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гёте введёт отдельную новеллу «Новая Мелюзина». В автобиографии «Поэзия и правда» поэт вспоминает свою сказку о Мелюзине, которую он рассказывал в зезенгеймской беседке и которую впоследствии он обработает в данной новелле [Гёте 1987: 330].

Внимание Гёте и Гердера обратилось к жанру средневековой баллады, истоки которого восходят к Провансу XII века, весенней песне трубадуров. В Страсбурге Гёте (1771) пишет свои баллады «Дикая роза», а также «Фульский король» (перевод Б. Пастернака) с мотивом кубка, который в финале король бросает в водную бездну (это образ-символ погибшей любви, подарок от умершей возлюбленной) [Там же: 52—54]. Уже здесь появляется мотив потусторонности, характерный для сюжета русалки, уже намеченного образом Фридерики Брион как нимфы [Словарь античности: 381—382], камены.

На излёте страсбургского периода в 1772—1774 гг. Гёте, увлечённый натурфилософией Спинозы, но сохранивший интерес к древностям, создаёт первый вариант Фауста, а также небольшие поэмы “Der Wanderer” (в переводе Жуковского «Путешественник и поселянка») и «Прометей». Две последние прямо обращены к древнегреческим мифологическим реалиям. Например, место действия стихотворения “Der Wanderer” — легендарные Кумы, обиталище древней Кумской Сивиллы, в окрестностях Неаполя и Везувия, в древнейшем месте греческих влияний на римской земле. «Прометей» интерпретирует древнюю легенду о Зевсе — титаноборце (не без этих влияний — древних, пророческих, обращённых в будущее, — появился термин “Sturm und Drang”) [The reader’s...: 502—503].

Гердер собрал и издал затем фольклорный сборник разных народов. Его дружба с Гёте [Там же: 218—221] продолжалась всю жизнь. В 1775 году Гёте по приглашению Карла Августа, герцога Саксен-Веймарского, переезжает в Веймар, а в 1776 году вслед за Гёте переезжает и Гердер на должность главного церковного чиновника, их сотрудничество продолжается. Следует отметить, что Гердер, выходец из Восточной Пруссии, окончил Кёнигсбергский университет, рано стал убеждённым последователем идей Жан-Жака Руссо — возвращения к мировым чистым истокам народной культуры [Там же: 463—467], Гердер и Гёте ставили во главу угла тему природы со всеми её тайнами. В оппозиции к ригоризму эпохи классицизма создаётся известное движение, по сути, предромантическое [Там же: 457—460], которое известно под названием

“Sturm und Drang”, его возглавляют Гёте и Гердер, а также Бюргер с его «Ленорой», чуть позже Шиллер с его балладами и драмами. Гёте и Гердер страсбургского периода испытали влияние Лессинга, его статей о Шекспире. Однако наиболее сильное и значимое влияние исходило также из Англии, от «Песен Оссиана» Макферсона [Там же: 383—384] (начало 1760-х, итоговый сборник 1765 г.), а также от сборника 1765 года английских и шотландских народных песен и легенд епископа Перси. «Оссианское» движение быстро охватило Европу, уже в 1760-х годах появились французские переводы. Возникла европейская мода на Оссиана. В частности, баллада Бюргера о мёртвом женихе представляла собой реплику аналогичной баллады из сборника Перси [Левин].

Выше уже упоминался сюжет о мёртвом возлюбленном в легенде о Геро и Леандре эпохи эллинизма, поздней античности и раннего средневековья. В новое время эта легенда возродилась в поэме Кристофера Марло в шекспировскую эпоху. Позже к ней обратился в своём сборнике Перси, а далее также чувствительные к наследию Шекспира и его времени немецкие поэты Sturm und Drang, включая Гердера, Уланда, Гёте, Шиллера. Последний создал балладу на сюжет Геро и Леандра. И.М. Семенко, говоря об атмосфере таинственности, концепции «двух миров», отмечала, что «романтическому мироощущению, явившемуся реакцией на просветительское понимание мира и человека, прежде всего свойствен дуализм, личность и окружающий её мир мыслятся катастрофически разобщёнными» [Семенко: 99]. Универсализм Гёте ковался прежде всего на почве преодоления пограничий миров (в широком смысле этого слова). Таков, в частности, и путь от баллады 1771 года «Фульский король» к балладе 1778 года «Рыбак».

Несомненно, что мотив русалки, водной девы (в древнегреческой традиции — наяды, камены-нимфы) в поэзии XVIII века наиболее ярко возродил с эпохи романского средневековья именно Гёте в своей балладе «Рыбак». Средневековый жанр здесь сочетается с ещё более древней элегией. Пушкин в наброске рецензии на «Стихотворения Евгения Баратынского» (1827), «определяя оригинальный и подражательный элегизм, ... отметил у Гёте преобразование древнего стихотворного жанра в современную лирику» [Данилевский: 105]. В одной из записей 1827 года Пушкин относит Гёте к гениям, обладающим «высшей смелостью: смелостью изобретения, создания, подобно Шекспиру и Данте» [Там же].

Романтическое «там» В.А. Жуковского-переводчика ярко проявляется уже в первой строфе баллады Гёте «Рыбак»: «Бежит волна, шумит волна! / Задумчив, над рекой / Сидит рыбак; душа полна / Прохладной тишиной. / Сидит он час, сидит другой; / Вдруг шум в волнах притих... / И влажною всплыла главой / Красавица из них» [Жуковский: 236—237]. Жуковский видит в образах природы присутствие тайной мистической жизни, той самой, которой пронизана поэтическая культура романского средневековья. Образ русалки неотделим от водной стихии, совсем неслучайно балладу Гёте — Жуковского открывает строка: “Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll” («Бежит волна, шумит волна») [Goethe: 116]. Далее следует та же тема воды, на фоне которой является русалка: “teilt sich die Flut empor; / aus dem bewegten Wasser rauscht / ein feuchtes Weib hervor” («Вдруг шум в волнах притих... / И влажною всплыла главой / Красавица из них»).

Рыбак на берегу вод подчеркнуто элегичен: “ein Fischer saß daran, / sah nach dem Angel ruhevoll, / kühl bis ans Herz hinan” («Задумчив, над рекой / Сидит рыбак; душа полна / Прохладной тишиной»). Водная стихия отнюдь

не спокойна (как бы на контрасте с элегической умиротворённостью рыбака). Вдруг из водных глубин является водная дева, которая поёт чудную песню и «...манит лик молодой», “Kehrt wellenatmend ihr Gesicht nicht doppelt schöner her?”. Дуальная магия двоемирия (не только рыбака и водной девы, но и миров) подчеркнута у Гёте — Жуковского самой структурой баллады. Финальная строфа открывается той же строкой, что и начало произведения: “Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll” («Бежит волна, шумит волна»). Стихия двоемирия захватывает и персонажей: “netzt' ihm den nackten Fuß; / sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll, / wie bei der Liebsten Gruß. / Sie sprach zu ihm, sie sang zu ihm; / da war's um ihn geschehn: / Halb zog sie ihn, halb sank er hin” («На берег вал плеснул! / В нём вся душа тоски полна, / Как будто друг шепнул! / Она поёт, она манит — / Знать, час его настал! / К нему она, он к ней бежит...»). Баллада заканчивается строкой “und ward nicht mehr gesehn” («И след навек пропал») [Goethe: 116—118]. Здесь, как и в древней романтической легенде о Геро и Леандре, финал не просто драматичен. В соответствии с кредо Гёте-предромантика и Жуковского-романтика и в тексте, и в финале: трагически-неизъяснимое, трагически-необъяснимое, трагически-невыразимое. Примерно об этом рассуждает Ефим Эткинд в своей статье «Магия музыкального слова: (о балладе «Рыбак», поэтическом манифесте Гёте-Жуковского)» в сборнике к 100-летию академика М.П. Алексеева «Россия, Запад, Восток: Встречные течения [Эткинд: 417—428].

Р.Ю. Данилевский, соотнося личности Гёте и Пушкина, пишет, в частности, что «Пушкин, младший его современник, соотносил своё творчество с достижениями Гёте, из его произведений черпал идеи, темы, мотивы. Получал стимулы для создания ряда образов и характеров» [Данилевский: 99]. Автор утверждает, что «историческая миссия Пушкина в русской национальной литературе и культуре в целом, состоявшая в качественном их преобразовании и придании им всемирного значения, аналогично миссии Гёте в культуре стран немецкого языка, что современники отдавали себе отчёт в этом функциональном сходстве двух гениев». Весьма правдоподобные сведения сохранились в переписке польской пианистки Марии Шимановской: в 1827 году Гёте принимал В.А. Жуковского в своём доме в Веймаре и передал через него своё перо для Пушкина с посвятителем четверостишием “Goethes Feder an***”. Стихотворение Жуковского «К Гёте», где немецкий поэт был поставлен почти вровень с Богом, Пушкин высоко оценил (в письме к Жуковскому не позднее 24 апреля 1825 года) [Там же: 105].

В том самом 1818 году, когда Жуковский перевёл балладу Гёте «Рыбак», Пушкин, тесно общаясь с ним, создал едва ли не лучшие свои строки «К портрету Жуковского» (тому самому портрету, где были написаны знаменитые слова: «Победителю-ученику от побеждённого учителя»): «Его стихов пленительная сладость Пройдёт веков завистливую даль, И, внемля им, вздохнёт о славе младость, Утишится безмолвная печаль, И резвая задумается радость» [Пушкин 1993: 170]. И почти следом создаётся «Записка к Жуковскому», где упоминается Гёте: «Штабс-капитану, Гёте, Грею, / Томсону, Шиллеру привет! / Им поклониться честь имею, / Но сердцем истинно жалею, / Что никогда их дома нет» [Там же: 17]. Молодой Пушкин буквально на следующий год, в 1819 году создаёт своё стихотворение-балладу «Русалка» (как бы по следам перевода Жуковским гётевской баллады). Как и в своих эпиграммах, он не может удержаться от присущей его молодым опусам дерзости — вместо гётевского рыбака русалкой пленяется монах: «Над озером в глухих дубровах, /

Спасался некогда монах, ... / На воды стал глядеть монах, ... / И видит: закипели волны ... / И вдруг, легка как тень ночная, бела, как ранний снег холмов, / Выходит женщина нагая / И молча села у берегов. / Глядит на старого на её красы. Она манит его рукою, / Кивает быстро головой ... / И вдруг — падучею звездою — / Под сонной скрылася волной» [Там же: 198—199]. Старик монах всю ночь не спит, молится целый день, но видит «чудной девы тень»: она «глядит, кивает головою, / Целует издали шутя, / Играет, плещется волною, / Хохочет, плачет, как дитя, / Зовёт монаха, нежно стонет ... / «Монах, монах! Ко мне, ко мне!» ... / И вдруг в волнах прозрачных тонет; / И всё в глубокой тишине». Три дня отшельник страстный «близ очарованных берегов, / Сидел и девы ждал прекрасной ...». Финал баллады трагичен: «Заря прогнала тьму ночную: / Монаха не нашли нигде, / И только бороду седую / Мальчишки видели в воде» [Там же: 199].

Пушкинская баллада, безусловно, идёт по следам шедевра Гёте — Жуковского, но она весьма оригинальна, в том числе по звукописи и изобразительности, по-молодому дерзка и оригинальна. Прежде всего тем, что основным персонажем представлен не рыбак, а монах. Вопрос состоит в том, откуда взялся такой образ, откуда он пришёл? Поразительно, но в учёном мире ответа на него никто не искал. А между тем всё довольно просто. Поэт создаёт переложение баллады Гёте—Жуковского буквально следом за своим лицейским периодом (хотя она написана уже в Петербурге новоиспечённым чиновником Пушкиным. Однако он всё тот же, среди друзей, в будущем околodeкабристском окружении, бурлящем, ищущем, неординарном. Если посмотреть на пушкинские лицейские послания, то, начиная с ранних произведений 1814 года «К сестре» (1814), «К Наталье» (1814) и в других Пушкин прямо называет свой лицей «келья и неволя», а о себе пишет так: «чернец я небогатый»; «в монастыре / При бледном свеч сиянье, / Один пишу сестре»; «сквозь слёз смотрю в решётки, / Перебирая чётки»; «оставлю тёмну келью, / Поля, сады свои... / Под стол клубук с веригой / — И прилечу расстригой / В объятия твои». И вместе с тем поэт признаёт: «Фантазия, тобою / Одной я награждён, / Тобою пронесенный / К волшебной / Иппокрене, и в келье я блажен». Он обращается к Наталье: «Взгляни на окна загражденные, / На лампы там зажжены... / Знай, Наталья, — я — монах» [Там же: 5—7; 16—20]. В эти же годы на полях рукописей поэта появляется его образ в облики монаха. Конечно, во всём этом сказывается игра ума и молодого таланта, дерзость и парадоксальность его мышления, вскоре приведшего его к фактически подсудной интерпретации Писания («Гавриилиада»). Но таков был Пушкин, таков был его дерзкий гений. Именно он и проявился в ранней интерпретации выдающейся баллады Гёте—Жуковского на сюжет *русалки*.

Вместе с тем не только сюжет *русалки* привлекал внимание молодого Пушкина. В том же 1820 году, когда образ русалки возник во вступлении к «Руслану и Людмиле», возникло стихотворение «Нереида»: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду, / На утренней заре я видел Нереиду. / Сокрытый меж деревьев, едва я смел дохнуть: / Над ясной влагою полубогиня грудь / Младую, белую как лебедь, воздымала / И пену из власов струею выжимала» [Там же: 211]. Небольшое по размеру, оно примыкает к богатому пласту античной поэзии, близкому Пушкину ещё с лица. Там его любимым профессором был Николай Фёдорович Кошанский, владевший латынью и греческим языком, а также основными европейскими языками, преподаватель риторики, античной мифологии и литературы. Нереида — нимфа, морская водная дева, как

и русалка. Она — персонаж древнегреческой мифологии, одна из пятидесяти дочерей морского бога Нерея [Словарь античности: 178], сына Понта и Геи. Среди nereид наиболее известна Амфитрита, супруга Посейдона, а также Галатея и Фетида, мать знаменитого героя Ахилла. Храм-памятник nereид существовал в Ксанфе (Ликия) в V в. до н. э., есть его реконструкция, а изумительной красоты скульптуры nereид оттуда сохранились в Британском музее Лондона [Мифы... 2: 212—213].

Образы античной мифологии богато рассыпаны в стихотворениях Пушкина лицейского периода. Например, «К другу стихотворцу» (1814): «Арист! И ты в толпе служителей Парнаса! / Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса; / За лаврами спешишь опасною стезей ... / На Пинде лавры есть, но есть там и крапива, / Страшись бесславия! — / Что, если Аполлон, / Услышав, что и ты полез на Геликон, / С презреньем покачав кудрявой головою, / Твой гений наградит спасительной лозою?» [Пушкин 1993: 10]. Можно добавить, что гора Пинд — обиталище муз, а Геликон — обиталище Нерея и nereид. Стихотворение «Нереида» Пушкиным не забыто, хотя и мало. Пушкин этого периода — обитатель Причерноморья, и образ моря, поэзия моря, обычны в его стихах 1820—1822 гг. Свою «Нереиду» он напечатал в 1824 году в альманахе «Северные цветы» под рубрикой «Подражания древним», а в 1826 году включил в свой изданный сборник стихов.

Тем самым образ водной девы переключался из постлицейского и периода южной ссылки в произведения, созданные в Михайловском. Но здесь, по-видимому, этот сюжет в поэтическом сознании Пушкина начинает обрастать новыми подробностями. Об этом свидетельствует отрывок, обнаруженный в бумагах поэта с датой 23 ноября 1826 года. Это монолог, который впоследствии превратился в эпизод князя в драме «Русалка», а также затем в балладе «Яныш королевич» из «Песен западных славян»: «Как счастлив я, когда могу покинуть, / Докучный шум столицы и двора / И убежать в пустынные дубровы, / На берега сих молчаливых вод. // О, скоро ли она со дна речного / Подымет, как рыбка золотая?» [Пушкин 1936: 360—361]. Здесь и «берега молчаливых вод», и «дно речное» с «рыбкой золотой». Здесь и лунная ночь, и тихие волны, и Она, окутанная зелёными волосами, «сидит на берегу крутом». «У стройных ног, как пена белых, волны / Ласкаются, сливаясь и журча». Её глаза «как на небе мерцающие звёзды», но «Пронзительно сих влажных синих уст / Прохладное лобзанье без дыханья, томительно и сладко». Русалка касается «игривыми перстами кудрей моих», «и сердце громко бьётся, томительной любовью замирая» [Там же: 360—361]. Герой даже готов оставить жизнь и «пить её лобзанье и речь её...». Поразительно, но поэт сравнивает эти звуки не только с журчанием вод или младенца первым лепетом, майским шумом небес. Здесь поэту (вслед за героем) слышатся «звонкие Бояна Славья гусли». Пушкин не забывает своего «Руслана и Людмилу», где также появляется образ русалки, но и образ певца Бояна с его гуслиями. Можно предположить, что уже в 1826 году Пушкин начинает свой путь к работе со «Словом о полку Игореве», трагически оборвавшейся в 1837 году. Что касается сюжета «Русалки», то фактически начатый в 1826 году, он продолжен в 1827 году, а закончен (неокончательно) в 1832 году. Рукопись без названия, как известно, была обнаружена Жуковским в бумагах поэта после его гибели и опубликована в конце 1837 года под заголовком «Русалка». Это замечательное произведение, история и поэтика текста великолепно исследованы в работе Н.Я. Берковского «Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка»)» [Берковский: 83—111].

В балладе «Яныш королевич» из цикла «Песни западных славян» (1833—1835) Пушкин возвращается уже в последний раз к сюжету русалки, создавая несколько иную версию общения героя, уже не князя, а королевича, с русалкой. В драме «Русалка» монолог князя — это сетования о прошлой утраченной любви в сцене у мельницы на берегу Днепра, а финал — неоконченный текст опять же сетований князя у Днепра, куда к нему выходит дочка-русалочка. Финальная фраза героя: «Что я вижу! Откуда ты, прекрасное дитя?». В балладе «Яныш королевич» герой обращается к вышедшей из воды дочери Водянице, а она ему отвечает: «Родила меня молодая Елица, / Мой отец Яныш королевич, / А зовут меня Водяницей». Герой просит дочь, чтобы русалка, царица водяная Елица, назначила ему свидание «на зелёном берегу Моравы». На другой день приходит Яныш королевич на берег, «поднялась царица водяная», и ей объясняется королевич в любви, но она отвергает, говоря, что старую любовь не вернёшь: «Слаще прежнего нам не целоваться, / Крепче прежнего меня не полюбишь» [Пушкин 1936: 454], и она оставляет героя наедине с его любовью. Здесь, как видно, Пушкин пошёл несколько дальше драматических сцен «Русалки», но герой по-прежнему остался одиноким.

Тема *русалки* оказалась богатой и плодотворной для пушкинской поэтической лаборатории. Ее жанровый диапазон необычайно широк: здесь и романтическая баллада, и короткое стихотворение, здесь и поэма, и драматические сцены, а в итоге даже часть обширного поэтического цикла. Пушкин демонстрирует здесь свою традиционную любовь к Античности (с первых лицейских стихотворений и до последних кратких афористичных стихов). В отличие от своего учителя Жуковского он не использует слово *наяда*, зато в избытке — нимфа, nereida, русалка. Античность (и средневековая культура) вполне «привиты» к славянским и русским народным традициям, фольклору. Вместе с тем, несомненным является интерес Пушкина к Гёте и его творчеству (включая баллады Гёте, конечно, также и с темой русалки), но и к «Фаусту». Совсем не случайно Пушкин говорит о Гёте как о «великане романтической поэзии». Образ русалки и у Гёте, и у Пушкина знаменует романтическое начало в их творчестве. Отличие, пожалуй, состоит в том, что у Гёте он появляется в ранний период *Sturm und Drang* (для Европы скорее предромантический период), а у Пушкина с буквально постлицейской поэзии, на протяжении всего михайловского периода и до зрелости середины 1830-х годов.

Список источников

- Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, Харьков, 1916; Т. 2, Москва, 1913. Репринтное издание. М.: Индрик, 2000. 308 с.
- Гёте Иоганн Вольфганг. Избранные стихотворения и проза / пер. с нем.; сост. и автор вступ. ст. Л.И. Мальчуков. Петрозаводск: Карелия, 1987. 335 с.
- Гёте Иоганн Вольфганг. Лирика. М.: Детская литература, 1975. 190 с.
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1906. Т. 1. 587 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Юрайт, 2024. Т. I—II. 268 с.
- Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 464 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. 671 с.; Т. 2. 719 с.
- Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забытым: Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М.: Книга принтшоп, 1990. 607 с.

- Пушкин А.С. Сочинения / сост. и коммент. Б.В. Томашевского. Ленинград: Художественная литература, 1936. 975 с.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 5 т. Стихотворения 1813—1836. СПб.: Библиополис, 1993. Т. 1. 599 с.
- Словарь античности / сост. Ирмшер Й., Йоне Р. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
- The dawn of civilizations. The first world survey of human cultures in early times, ed by St. Piggott, London: Thames and Hudson, 1961, 404 p.
- Dictionary of Ancient Greek Civilization, London: Methuen Co Ltd, 491 p.
- Goethe, Johann Wolfgang von: Berliner Ausgabe, Poetische Werke: 1—16 b., Berlin 1960, b. 1, s. 116—118.
- The reader's companion to world literature, New York: The New American Library, 1973, 577 p.

Список литературы / References

- Берковский Н.Я. Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // Русская литература. 1958. № 1. С. 83—111.
- (Berkovsky N.Ya. Folk-lyrical tragedy of Pushkin ("Rusalka"), *Russian literature*, 1958, no. 1, pp. 83—111. — In Russ.)
- Данилевский Р.Ю. Гёте // Пушкин. Исследования и материалы. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004. Т. XVIII—XIX. С. 99—105.
- (Danilevskiy R.Yu. Goethe, *Pushkin. Studies and materials. Pushkin and world literature. Materials for "Pushkin Encyclopedia"*, St. Petersburg, 2004, vols. XVIII—XIX, pp. 99—105. — In Russ.)
- Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Л.: АН СССР, 1937. 674 с.
- (Zhirmunsky V.M. Goethe in Russian Literature, Leningrad, 1937, 674 p. — In Russ.)
- Канаев И.И. Иоганн Вольфганг Гёте. Очерки из жизни поэта-натуралиста. М.; Л.: Наука, 1964. 261 с.
- (Kanaev I.I. Johann Wolfgang Goethe. Essays from the life of the poet-naturalist, Moscow; Leningrad, 1964, 261 p. — In Russ.)
- Каптиков А.Ю. Романская архитектура Италии: Ломбардия — Эмилия — Романья — Тоскана — Апулия — Сицилия. Екатеринбург: Tatlin, 2012. 120 с.
- (Kaptikov A.Yu. Romanesque Architecture of Italy: Lombardy — Emilia — Romana — Tuscany — Apulia — Sicily, Ekaterinburg, 2012, 120 p. — In Russ.)
- Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Ленинград: Наука, 1980. 212 с.
- (Levin Yu.D. Ossian in Russian literature (the end of the XVIII — the first third of the XIX century), Leningrad, 1980, 212 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство, 2005. 624 с.
- (Lotman Yu.M. A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentary, *Lotman Yu.M. Pushkin*, St. Petersburg, 2005, 624 p. — In Russ.)
- Мальчуков Л.В. Человек на все времена // Гёте. Избранные стихотворения и проза. Петрозаводск: Карелия, 1987. 335 с.
- (Malchukov L.V. The man for all times, *Goethe. Selected poems and prose*, Petrozavodsk, 1987, 335 p. — In Russ.)
- Романское искусство. Архитектура, скульптура, живопись / сост. Р. Томан. Köln: Köne-mann, 2001. 704 с.
- (Romanesque Art. Architecture, sculpture, painting, comp. by R. Toman, Köln, 2001, 704 p. — In Russ.)

- Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Художественная литература, 1975. 256 с. (Semenko I.M. Zhukovsky's life and poetry, Moscow, 1975, 256 p. — In Russ.)
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общей редакцией Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с. (Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols., ed. by N.I. Tolstoy, Moscow, 2009, vol. 4, 656 p. — In Russ.)
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979. 286 с. (Sokolova V.K. Spring and summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belarusians. XIX — early XX, Moscow, 1979, 286 p. — In Russ.)
- Томашевский Б.В. Комментарии // Пушкин А.С. Сочинения. Ленинград: Художественная литература, 1936. 975 с. (Tomashevskiy B.V. Comments, Pushkin A.S. Works, Leningrad, 1936, 975 p. — In Russ.)
- Эткинд Е. Магия музыкального слова: (о балладе «Рыбак», поэтическом манифесте Гёте-Жуковского) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. Сборник статей к 100-летию академика М.П. Алексеева. СПб.: Наука, 1996. С. 417—428. (Etkind E. The magic of the musical word: (on the ballad “The Fisherman”, Goethe-Zhukovsky's poetic manifesto), *Russia, West, East: counter currents. Collection of articles for the 100th anniversary of Academician M.P. Alekseev*, St. Petersburg, 1996, pp. 417—428. — In Russ.)

PUSHKIN'S “RUSALKA” AND ITS ORIGINS

German Yu. Philippovsky, Larisa I. Zimina

Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl,
Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the mermaid motif in poetic works of A.S. Pushkin and its origins in world literature and culture. The closest source for Pushkin was V.A. Zhukovsky's ballad “The Fisherman” (1818), a creative translation of Goethe's ballad “Der Fischer” (1778—1779). Pushkin wrote a whole gallery of works on this theme, starting with short poem “Rusalka” (1819), the dramatic scenes “Rusalka” (1826—1832), the ballad “Yanysh Korolevich” from the cycle “Songs of the Western Slavs” (1833—1835). In the poem “Rusalka” appears the image of a monk, with whom earlier in the lyrics of the Lyceum period the poet identified himself, referring to his interests, including amorous ones. We meet the motif of a mermaid at the introduction to the poem “Ruslan and Lyudmila” (1820) together with the image of the legendary Lukomorye and an ancient oak tree (from the island of Khortitsa in the lower reaches of the Dnieper). The motif of the water maiden and the water sphere inspired Pushkin during his exile at the Black Sea coast. The mermaid motif in world culture dates back to the deepest antiquity (Paleolithic, Minoan, Greek, Roman culture and the Middle Ages). Especially important in this regard is the rich ancient mythology, culture and literature, which at the lyceum times was taught to his favorite student by professor N.F. Koshansky. Johann Wolfgang Goethe was also well acquainted with the ancient heritage, starting from the early Strasbourg period and throughout his life. Goethe was inspired by the image of his beloved Friederike Brion, calling her Camena, i.e. nymph, water maiden. In 1820 Pushkin created the poem “Nereida”, following the images of Greco-Roman mythology. In 1826, he wrote the passage “How happy I am when I can leave ...”, — a monologue of the hero, addressed to the mermaid (sketches of the future text of the drama “Rusalka”). Not only ancient antiquity, but also Slavic folklore moved Pushkin to create the ballad “Yanysh Korolevich” from the cycle “Songs of the Western Slavs” with the images of the mermaid Elitsa as a water queen and her daughter Vodyanitsa, with whom the hero of the ballad meets and talks.

Keywords: A.S. Pushkin, mermaid, I.W. Goethe, ballad, ancient mythology, medieval culture and literature, folklore

For citation: Filippovsky G.Y., Zimina L.I. Pushkin's "Rusalka" and its origins, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 5—19.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 23.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 23.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Филипповский Герман Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru, SPIN: 6487-0509

Philippovsky German Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

Зими́на Лариса Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, larissazimina@mail.ru, SPIN: 4005-7874

Zimina Larisa Ivanovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the department of theory of language and German language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, larissazimina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 20—33.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 20—33.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN <https://elibrary.ru/enplka>

DOI: 10.46726/И.2025.2.2

Л.В. ГАРЕЛИНА — ПЕРВАЯ ИВАНОВСКАЯ ЖЕНЩИНА-ПИСАТЕЛЬНИЦА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИВАНОВСКОГО ТЕКСТА

Елена Александровна Копытова

Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина,
г. Иваново, Россия, ekopytova@yandex.ru

Елена Михайловна Тюленева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. В статье вводится представление о Л.В. Гарелиной как первой ивановской женщине-писательнице. Любовь Васильевна Гарелина (1821—1885) — наследница известной ярославской купеческой династии Соболевых, жена ивановского купца и промышленника, одного из первых глав города и инициаторов его образования, мецената, краеведа Я.П. Гарелина — вместе с тем выступает как автор поэтических сборников, драматических произведений, переводов и книг для детей, изданных в 1860—1870 годы. Систематизируются известные на сегодняшний день факты ее биографии и творческой деятельности. Феномен Гарелиной рассматривается в контексте средне-сословной (неаристократической) женской литературы, что позволяет определить уникальность ее творческой ситуации, а также в целом расширить представление об этом, весьма немногочисленном, пласте литературного процесса. Выдвигаются предположения о причинах непроявленности фигуры Гарелиной в социальной жизни села Иванова и города Иваново-Вознесенска, а также степени автобиографичности ее произведений. Резюмируются основные индивидуализирующие ее творчество параметры: литературный слух и чутье на новые явления и тенденции, только появляющиеся в литературном пространстве; интерес к эксперименту и разным типам высказывания, обусловливающий жанрово-родовое и стилистическое разнообразие; широкий диапазон диалога с «большой» литературой: от подражания и заимствования до предложения собственных версий и финалов; глубинное знание реалий и быта купеческой и промышленной среды, дающее возможность показать их жизнь практически изнутри и др. В заключении делается вывод о возможности пересмотра истории ивановской литературы этого периода, до сих пор представавшей по большей части бытописательской, сатирико-публицистической и ориентированной на социальную критику, тогда как литературные опыты Гарелиной обращают ее к другим сферам и вопросам, в том числе и собственно литературным.

Ключевые слова: Л.В. Гарелина, женская литература, женский провинциальный текст, ивановский текст, Иваново, Иваново-Вознесенск

Для цитирования: Копытова Е.А., Тюленева Е.М. Л.В. Гарелина — первая ивановская писательница: к проблеме формирования ивановского текста // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 20—33.

В активно изучающейся истории женской литературы почти непроявленным остается феномен среднесословной женской литературы XIX века и, соответственно, литературное творчество женщин, принадлежащих к неаристократическим слоям. Причины вполне объективны: степень образования, финансовых возможностей и в целом — статус и роль женщины в общественном сознании того времени определяли те крайне редкие случаи женского писательства, которые нам известны. Причем под писательством мы имеем в виду не женские альбомы, семейные сценки или тексты на случай — речь идет об отчетливо выраженной творческой деятельности, системной работе, осознании себя пишущим человеком и даже публикационной активности.

В истории женской литературы первых десятилетий XIX века писательницы из купеческого и других «средних» сословий практически не встречаются. По сути, известны лишь несколько имен. Екатерина Алексеевна Авдеева (урождённая Полевая, 1788—1865), происходившая из купеческого рода и не получившая даже домашнего образования, жила в Иркутске, много путешествовала, написала одну из первых русских этнографических книг «Записки и замечания о Сибири» (1837), известна также как собирательница и издательница русских песен и сказок [Русский биографический словарь 1: 30—31]. Надежда Сергеевна Теплова (1814—1848) — родилась в Москве в купеческой семье и, напротив, получила хорошее образование, в особенности литературное и музыкальное. Поэтические сочинения Тепловой, одобрительно принятые критикой, публиковались в журналах и альманахах, а также выходили отдельными сборниками, в том числе благодаря помощи ее литературного наставника М.А. Максимовича [Там же 20: 470—471]. Джудит Воулз в своем обзоре русской женской поэзии первой половины XIX века среди авторов недворянского происхождения называет еще одно имя — дочь деревенского пономаря из Рязанской губернии Домну Анисимову (1812 — после 1868) [Vowles: 62—63]. Потеряв зрение еще в раннем детстве, свои стихотворения она надиктовывала. Собственно слепота и сделала ее известной — молва дошла до губернатора, который известил о том президента Императорской академии наук Д.Н. Блудова, и с его подачи в 1838 году Императорской Академией наук был издан сборник «Стихи девицы Онисимовой, слепой дочери деревенского пономаря, сообщённые в Императорскую Российскую Академию и от неё изданные».

Дополняет этот список Любовь Васильевна Гарелина (1821—1885) — наследница влиятельной ярославской купеческой династии Соболевых, жена ивановского купца и промышленника, одного из первых глав города и инициаторов его образования, мецената, коллекционера, библиофила, краеведа Я.П. Гарелина.

Л.В. Гарелина интересна как минимум в трех аспектах: она представляет 1) литературу формирующегося промышленного города — при ее жизни село Иваново проходит все стадии урбанизации, становясь городом Иваново-Вознесенском; 2) провинциальный неаристократический женский текст; 3) жанрово-стилевые возможности женской литературы 2-ой половины XIX века.

Л.В. Гарелина выступала как поэтесса, драматург, автор детских книг, переводчица. Свои сочинения она публиковала под псевдонимами «Л. Г.», «Надежда Либина», «Несказаева», «Лилина». На сегодняшний день известны¹

¹ Л. Г. (Гарелина Л.В.) Элегии. М.: Типография Грачева и Комп., 1864. 47 с.; Л. Г. (Гарелина Л.В.). Молитва русского народа // Владимирские губернские ведомости. 1866. № 29 (16 июля); Л. Г. (Гарелина Л.В.) На 4-е апреля 1866 года //

сборники ее поэтических и драматических произведений, изданные в 1864, 1867 и 1870 годах, книга «Масленица и пост в провинции» (1870), ею переведена с английского языка детская книга (автор не известен), которая в русском издании получила название «Катя и Лиза» (1878), существует также ряд отдельных поэтических публикаций во «Владимирских губернских ведомостях». Со слов потомков Гарелиной известно также, что Любовь Васильевна писала для «Владимирских губернских ведомостей» и этнографические очерки. Однако «Указатель содержания неофициальной части “Владимирских губернских ведомостей” с 1838 по 1900 год включительно и “Владимирских епархиальных ведомостей” с 1865 по 1900 год включительно» 1902 года дает только две ссылки — обе они на стихотворения Гарелиной, и вместе с тем приводит 30 публикаций ее супруга Я.П. Гарелина [Указатель: 37]. Возможно, Любовь Васильевна в традициях того времени является неназванным автором или соавтором некоторых из них, поскольку известен факт переписки Гарелиной с главным редактором «Владимирских губернских ведомостей» К.Н. Тихонравовым. И переписки, видимо, довольно близкой, поскольку в одном из своих писем к К.Н. Тихонравову Гарелин замечает: «Почему жена писала вам о моем серженье, я не знаю!» [Материалы...: 368].

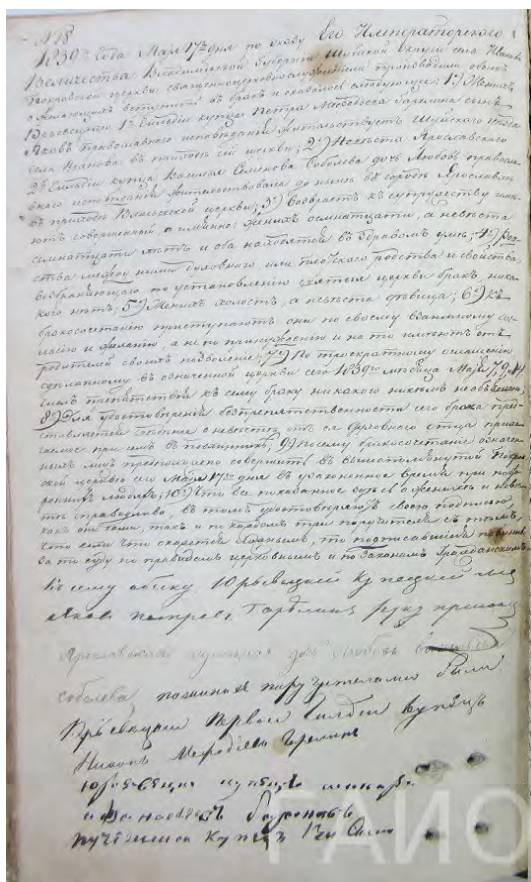
Биографические сведения о Л.В. Гарелиной и подробности её литературной деятельности крайне скудны. Любовь Васильевна родилась в Ярославле в богатой купеческой семье виноторговцев Соболевых 11 сентября 1821 года². Отец Любви Васильевны — Василий Семенович Соболев (1788—1858) вместе с братом Иваном Семеновичем были крупнейшими торговцами иностранными и российскими винами не только в Ярославской губернии, но и в России. Семья имела высокое социальное положение: В.С. Соболев был потомственным почетным гражданином и трижды избирался городским головой. В 1831 г. принимал в своем доме посетившего Ярославль принца П.Г. Ольденбургского, а в 1837 г. сопровождал в прогулке по Волге наследника престола, будущего императора Александра II. Любовь Васильевна получила прекрасное образование, о чем свидетельствуют современники [Смирнов: 97], и что подтверждается ее владением языками (настолько, чтобы переводить с английского и немецкого) и активным использованием в литературных произведениях отсылок к отечественной и западноевропейской литературе.

Показателен один из тех немногочисленных документов, на котором сохранилась подпись Любви Васильевны. Это Брачный обыск о купеческом

Владимирские губернские ведомости. 1866. № 29 (16 июля); Гарелина Л.В. Сочинения Л. Г...ной: Сцены. [I. Сиротинка ох! а за сиротинкой Бог. II. Тогда и цену мы узнаем, когда на веки потеряем. III. Игра судьбы]. Владимир: тип. Александровского, 1867. 210 с.; Гарелина Л.В. Сочинения Л. Г...ной. Стихотворения элегические, лирические и дидактические. Том II. Владимир: тип. Губернского правления, 1867. 273 с.; Гарелина Л.В. Сочинения Л. Г.: в 2 ч. Ч. 1: Драматические сочинения; Ч. 2: Стихотворения Надежды Либиной. М.: тип. Бахметева, 1870. 195 с.; 234 с.; Гарелина Л.В. Драматические сочинения Надежды Либиной. М.: тип. Бахметева, 1870. 195 с.; Гарелина Л.В. Игра судьбы. Драматические сцены в трех действиях. Сочинения Н. Либиной [Рукопись]. Российская национальная библиотека. Шифр хранения: 9658; Гарелина Л.В. Масленица и пост в провинции. [Стихотворение] Несказаевой. М.: тип. Бахметева, 1870. 12 с.; Гарелина Л.В. Катя и Лиза: [Рассказы для детей] / пер. с англ. [из «Holiday's Album»] Либиной. М.: тип. А. Клейн, 1878. 35 с.

² Запись из метрической книги Власьевской церкви от 11 сентября 1821 года (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1-5. Д. 8206. Л. 394 об.)

сыне Я.П. Гарелине и ярославской купеческой дочери Л.В. Соболевой от 17 мая 1839 года³. Брачный обыск — типовой документ, который составлял проводивший венчание священник (в данном случае — Покровской церкви с. Иванова). Он подтверждал отсутствие родственных связей новобрачных, а также их «добровольное волеизъявление» на вступление в брак. На этом документе сохранились подписи жениха и невесты — весьма аккуратные, твердые и уверенные, свидетельствующие о частой письменной практике. Что в случае с 18-летней купеческой дочерью видится крайне редким — достаточно посмотреть на галерею купчих, представленную в Ярославском художественном музее (портреты ярославского художника Н.Д. Мыльников)⁴: и типажи, и гипертрофированно парадные одежды свидетельствуют о крайне патриархальном укладе жизни и иных сферах интересов. Заметим, что портрет 19-летней Любови Соболевой разительно отличается своим минимализмом как в количестве декора, так и цветовой палитре.

Н.Д. Мыльников.
Портрет Л.В. Гарелиной. 1840
(Ивановский государственный
историко-краеведческий музей
имени Д.Г. Бурылина)

Брачный обыск о купеческом сыне
Я.П. Гарелине и ярославской
купеческой дочери Л.В. Соболевой
от 17 мая 1839 года (ГАИО)

³ ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20.

⁴ Ярославский художественный музей, портретная галерея ярославских купцов (художник Н.Д. Мыльников): https://yarartmuseum.ru/upload/iblock/98b/2020_09_03-15_13_05.jpg

Такова предыстория появления Любви Васильевны в селе Иванове⁵ и ее замужества. О ее дальнейшей семейной жизни можно судить лишь по косвенным источникам. Из метрических книг известно, что в течение 20 лет с 1840 по 1860 год родились 8 или 10 ее детей (есть разнящиеся сведения о датах рождения и о том, что следующие дети назывались именами предыдущих умерших): Александра (1840—?), Николай (1844—1848), Анатолий (1845—1845), Екатерина (1852—?), Владимир (1853—1853), Антонина (1856—1907), Герман (1857—1880), Вера (1860—1884). Сын Герман, по общему мнению, разделял интерес родителей к писательству, по крайней мере историко-публицистическому, его статьи отец направлял во «Владимирские губернские ведомости», и смерть юноши в 23 года стала трагедией для семьи.

О непосредственном участии Любви Васильевны в выборе жизненных ценностей для своих детей и единодушии супругов Гарелиных в необходимости хорошего образования для них сообщает А.В. Смирнов в своем пяти-томном труде «Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: (Материалы для био-библиографического словаря)»: «При том положении в обществе, которое занимал в нем Я.П. Гарелин, видевший в детях (“красныя детки”) всю свою радость и все семейное счастье, естественно — старики⁶ Гарелины желали и старались дать детям самое лучшее, какое только могли, воспитание и образование. Яков Петрович и вообще — надо сказать — был поклонник образования, он слишком много заботился и для детей своих сограждан. Его жена, мать Германа и дочери Веры, сама в молодости получившая приличное и надлежащее воспитание и образование, вполне сочувствовала желаниям своего мужа» [Смирнов: 97—98]. Уникальной видит Смирнов и особую «литературность, среди которой протекала жизнь» семьи, упоминая причастность самого Гарелина к литературе (имея в виду его исторические, этнографические и связанные с изучением специфики текстильного производства публикации) и аттестуя Любовь Васильевну: «с 1860-х годов стоит в ряду женщин-писательниц» [Смирнов: 45]. Судя по тому, что некоторые детали Смирнов подает как полученные непосредственно от Я.П. Гарелина, можно предположить, что и подробности литературной деятельности Любви Васильевны он узнает от ее мужа: так, Смирнов перечисляет псевдонимы Гарелиной и вышедшие книги. Современные краеведы считают, что Яков Петрович «гордился, что его жена — это не надутая от важности купчиха, а передовой и образованный человек» [Семененко: 134].

⁵ Официально город Иваново-Вознесенск будет образован в 1871 году вследствие объединения села Иванова, ранее принадлежавшего графу Шереметеву, и свободного поселения — Вознесенского посада.

⁶ А.В. Смирнов начинает заниматься краеведением после окончания учебы в Московском университете и возвращении во Владимирскую губернию в 1882 году, и из этого времени Гарелины видятся ему уже стариками. К тому времени с родителями остаются, видимо, только Герман и Вера — младшая дочь, по крайней мере Смирнов сообщает, что «этим ограничивалась семья Гарелиных» [Смирнов: 97]. На самом деле процесс образования и воспитания детей Гарелины начали совсем молодыми родителями: первый ребенок появился, когда Якову Петровичу было 20 лет, а Любви Васильевне — 19 лет. И соответственно, к моменту рождения последнего ребенка Якову Петровичу было 40 лет, Любви Васильевне — 39, их старшей дочери Александре — 20, а Герману — 3 года.

Благодаря «Каталогу Иваново-Вознесенской общественной публичной библиотеки» можно составить представление об объеме домашней библиотеки Гарелиных и широте их читательских интересов: здесь находились труды богословского содержания, книги по философии, истории, географии, биологии, экономике, другим направлениям научной мысли и, конечно, текстильному делу; хорошо была представлена и художественная литература, присутствовали как произведения уже признанных классиков, так и современная литература российских и зарубежных авторов, порой модная массовая, причем как авторов мужчин, так и женщин [Каталог]. Очевидно, всем этим пользовалась и Любовь Васильевна. На одной из поздних фотографий она сидит, облокотившись на книгу.

Любовь Васильевна Гарелина. Не позже 1885 г.
Фото из личного архива Е.В. Святовой, передано А.В. Ларионовым

К слову, именно Я.П. Гарелин — создатель первой публичной библиотеки в Иванове. На первом этаже своего дома он еще в 1865 году устроил общественную библиотеку, пожертвовав 1473 тома личных книг [Бутрин 2021b: 7]. Как писал сам Гарелин, библиотека имела порядочное количество книг по различным отраслям науки, но большинство томов относились к беллетристике [Гарелин: 84].

Заметим и другой интересный факт, что именно в 1860-е годы (в случае Любви Васильевны как будто после рождения детей) Гарелины одновременно начинают реализовывать свои планы: Яков Петрович занимается организацией публичной библиотеки и пишет статьи во «Владимирские губернские ведомости», а Любовь Васильевна там же публикует свои первые стихи и начинает издавать первые поэтические сборники.

Нет никакой информации об участии Л.В. Гарелиной в культурных и благотворительных проектах мужа. Трудно предполагать, оставалась ли она вдалеке от социальных преобразований мужа, или не сохранились документальные свидетельства об этом. Или они в принципе не существовали в силу специфики времени, где роль даже самой просвещенной женщины была весьма ограничена. Об этом мы можем отчасти судить по свидетельству другой женщины. В ноябре 1865 года в Иваново из Санкт-Петербурга приехала Аполлинария Суслова — энергичная эмансипированная красавица, известная как роковая возлюбленная Ф.М. Достоевского, ставшая прототипом целого ряда героинь его произведений, а впоследствии жена В.В. Розанова. В Иваново она приехала к своему отцу П.Г. Суслову, который в начале 1860-х годов управлял всеми имениями и делами графа Шереметева, а к этому времени вернулся в Иваново, открыл вместе с братом торговый дом и посвятил себя ведению процессов по защите земельных интересов ивановских крестьян [Бутрин 2021a: 31]. Известно, что благодаря положению и авторитету отца А. Суслова вошла в круг местного купеческого женского общества [Там же]. В ее письмах подруге Е.В. Салиас де Турнемир есть весьма ценные заметки о новых знакомых: «Здесь даже можно себе составить общество: я нашла двух женщин очень милых и неглупых, из купчих, кое-что знающих и понимающих. Здесь есть и такие дамы, что рассуждают насчет прогресса, эмансипации женщин и прочих высоких вещей не хуже питерских нигилисток, жизнь свою коверкают наподобие “Подводного камня” и других новейших сочинений, вообще прекрасный пол очень образован и далеко опередил мужчин» [Цит. по: Сараскина: 237]. При этом, сравнивая Иваново с деревней, Суслова и быт местного общества, и его некоторые привычки описывает весьма скептически: «Купчихи дома одеты ужасно дурно, даже грязно, и только в торжественные дни наряжены богато. Это народ, у которого ничего нет для себя: парадные комнаты, парадные постели, парадные платья. Здесь есть один купец-миллионер, либерал и образованный: принимает архиереев и губернаторов к себе в дом, а где дочери его спят, так в эти комнаты войти страшно — нет не только порядочной мебели — нет даже воздуха хорошего и чистоты» [Там же: 258]. Можно предположить, что за образом «миллионера и либерала» скрывается Я.П. Гарелин, а одной из тех двух «милых, неглупых» и «кое-что знающих» купчих, общество которых было приятным Аполлинарии, вполне могла оказаться и Л.В. Гарелина. Критика Сусловой быта и положения домочадцев даже самых состоятельных и просвещенных купцов объясняет устойчивое чувство неблагополучия, одиночества и невостребованности, которое сопровождает все тексты Гарелиной и до сих пор не имело убедительного основания.

И здесь мы, возможно, имеем еще одно объяснение непроявленности фигуры Л.В. Гарелиной в ивановской истории: возможно, она слишком не совпадала с той реальностью, в которой ей приходилось жить. Оттого творчество становится единственным способом ее реализации, и обратно — через его призму реальность становится все более примитивной. Отсюда и сатирические обрисовки купеческих обычаев и нравов, которые она дает в книге «Масленица и пост в провинции»: *«Там жандармы наблюдают. / Чтоб катались в стройный ряд, / Здесь друг друга обгоняют, / Сломя головы летят. / Если мальчик иль девчишка / Попадет под лошадей, / Бросят бедному рублишко / И в больницу поскорей. / Нет беды когда родные / Знать полиции дадут, / Там гостинцы есть такие / Что и места не найдут. <...> На прощаньи, для отводу, / Штуку ситцу подвернут / И концы опустят в воду, / Пузыри на верх всплывут»* [Гарелина 1870а: 4—5]. Потому же в ее стихах появляется романтический вызов обществу, которое ее не принимает и судит, — стихи очевидно ориентированы на лермонтовские мотивы: *«О, я горда! От всех людей сумею / Печаль мою на сердце затаить; / От горестей моих не поблднею, / Я твердостью могу их победить! / Нет, никогда лукавый свет не встретит / Слезы в моих опущенных глазах; / Он только смех веселый мой заметит / Да счастья след во всех моих словах!»* [Гарелина 1870b: 39]. И по той же причине она решительно пренебрегает условностями в женских вопросах: в пьесах ее героини находят выход во всех тех ситуациях, которые известны нам в русской литературе как безвыходные. Она как будто переписывает Островского, показывая возможность другого выбора и для Катерины из «Грозы», и для Ларисы из «Бесприданницы».

За неимением подробностей частной жизни трудно оценивать и степень автобиографичности произведений Гарелиной. Устойчивые для ее лирики мотивы несчастной любви, нереализовавшихся надежд, утраченного счастья, одиночества и разлуки с любимым при всей очевидной сложности ее положения и неоднозначности человеческих качеств Я.П. Гарелина все-таки неправильно будет трактовать буквально. Вполне возможно, это не история реальных взаимоотношений, а типичная для подражательной литературы стилизация и ориентация на литературные образцы. С другой стороны, не будем отмечать и вероятность создания иллюзорного и более интересного в своих страстях мира, чем имеющаяся действительность. Вместе с тем постановка конфликтов в драматических произведениях и в особенности их разрешение говорит о критическом взгляде на существующие социальные установки и требования общества к женщине: все пьесы Гарелиной строятся вокруг любовного конфликта, и какой бы возраст или социальное положение женщины она не брала (а их целая галерея), ее героиня при всех обстоятельствах будет отстаивать свое право на личный выбор и добиваться этого. И здесь Гарелина выглядит не только очень современной для своего времени и провинциального пространства, но и весьма самостоятельной как автор — у нее есть четкая позиция, которую она в разных вариациях транслирует, формируя, пусть пока в подражательном виде, свою эстетику.

Не преувеличивая достоинств текстов Гарелиной — безусловно, это произведения даже не второго ряда, отметим тем не менее ряд моментов, индивидуализирующих ее манеру и показательных для формирующегося ивановского текста:

— обладание тонким слухом и чутьем на новые явления и тенденции: только появляющиеся в литературном пространстве тенденции мгновенно ею улавливаются и апробируются. Так, она обращается к дневниково-интимной лирике

- и созданию пьес-сцен; вводит фольклорную стилизацию, полифонию народной речи и пытается продемонстрировать психологические проблемы своих героев; практикует детализацию, бытовую и этнографическую конкретизацию и обращается к созданию литературы для детей, которой еще практически не существует;
- интерес к эксперименту и разным типам высказывания. Не имея критической рефлексии со стороны⁷, она не боится пробовать, смешивая то, что ей где-то понравилось. Даже известный корпус ее текстов весьма разнообразен в жанрово-родовом и стилистическом отношении: здесь лирика (элегии, послания, молитвы, плачи, стихи на случай, сатирические стихи), драматургия (социальная, психологическая, пьеса-сцена), переводы, публицистика;
 - диалог с «большой» литературой, который проявляется, конечно, и в подражании, но и в выборочной контаминации, и в соединении несоединимого, предложении собственных версий и финалов, свободе от литературных штампов и установок, что потенциально очень полезно для автора и его читателей, если бы у Гарелиной была соответствующая среда;
 - специфический жизненный опыт, хорошее знание реалий и быта купеческой и промышленной среды, что дает Гарелиной возможность ввести в литературу срединные социальные слои и показать их жизнь практически изнутри;
 - обнаружение в сентиментально-мелодраматической интонации, характерной для женской литературы, эпического и даже мифологического («Спишь на голом полу, в холоде, / Одеядо — ветры буйные» [Гарелина 1867: 202]; «Соловей замолк, / Зорька скрылася, / Пошли по небу / Тучи черные. / Ворон мимо их / Пролетал тогда, / Каркнул раза три, / Скрылся из виду» [Там же: 210]).

И чтобы дать представление о поэтической манере Л.В. Гарелиной приведем один из важных для нее текстов (сохранена издательская пунктуация):

НАДЕЖДА

*Она в скорбях нас утешает,
 Нам жизнь спокойную сулит,
 В сердца отраду проливает,
 Всегда на помощь к нам летит.
 Бедняк нуждой отягощенный,
 Одной лишь ею и живет;
 Большой семьей обремененный
 Он днем и ночью слезы льет —
 Вдруг сердце радость оживляет:
 «Надейся» кто-то говорит...
 И он уж больше не страдает,
 Его надежда веселит.
 Лежит больной; — едва уж дышит, —
 Болезнью тяжелой изнурен;
 Но в сердце тайный голос слышит:
 «Здоров ты будешь» шепчет он. [Гарелина 1870b: 151].*

Размышляя о публикационных возможностях Л.В. Гарелиной, а она публиковалась не только в губернских — владимирских, но и московских издательствах, при том что не известны факты ее знакомства с литераторами или издателями, отметим важность финансовой составляющей. Любовь

⁷ Известно только несколько рецензий на пьесы и поэзию Гарелиной, вышедших в ежедневной экономической, политической и литературной газете «Деятельность» в 1870 году, № 178—180, 196, 200.

Васильевна и ее сестра Мария были единственными наследницами своих весьма состоятельных родителей [Обнорская: 160]. Известно, что после смерти отца Гарелина участвовала в разделе оставшегося имущества и получила свою долю⁸. А согласно законодательству Российской империи, тогда даже в браке муж не получал юридических прав на имущество жены, и жена могла иметь свою отдельную собственность. Поэтому, ориентируясь на российские законы того времени о раздельной собственности⁹, мы можем предположить, что Любовь Васильевна была едва ли не богаче своего супруга. Вероятно, именно это объясняет ее достаточную автономность в публикационной активности — возможно, именно на свои средства она издает сборники стихов и пьес. А в последние годы жизни, после смерти сына, живет отдельно в Москве.

В целом этот среднесословный пласт женской литературы, к которому принадлежит Л.В. Гарелина, подписывавшая рукописи своих пьес, поданные на рассмотрение в дирекцию Императорских театров, «мануфактур советница» [Гарелина. Рукопись], будет формироваться медленно, и даже к концу XIX века начнет не столько прирастать, сколько интенсивнее вовлекаться в социальную жизнь, а потому оставлять о себе больше свидетельств. Но это будет уже новое поколение женщин — ориентированное на образование и самостоятельную деятельность. Среди них, к примеру, Е.А. Дьяконова (1874—1902) — писательница, публицист, родившаяся в небогатой купеческой семье в Нерехте Костромской губернии и вопреки воле матери ставшая слушательницей Бестужевских женских курсов в Петербурге. Не получив разрешения начать адвокатскую практику в России, она отправилась в Сорбонну для продолжения юридического образования. С 11 лет начала писать «Дневник русской женщины», ставший своеобразным эго-документом, зафиксировавшим частную и общественную жизнь рубежа веков. Другое известное имя — М.В. Сабашникова (1882—1973), в замужестве Волошина, поэтесса, переводчица, автор мемуарной прозы, художница, принимала участие в строительстве Гётеанума в Дорнахе. Сабашникова родилась в семье, соединившей две известные московские династии Сабашниковых и Андреевых-Королёвых. Кстати, тетка Сабашниковой — младшая сестра ее матери, А.А. Андреева (1853—1926) была критиком, историком литературы, переводчицей. Из обедневшей купеческой семьи происходила и В.Ф. Панова (1905—1973) — советская писательница и драматург, лауреат трех Сталинских премий.

Степень женской социальной активности наглядно изменяется даже на ивановском примере: в другом поколении Гарелиных появится гораздо более известная в истории города Мария Александровна Крестовникова (Гарелина) — не писательница, но «поборница просвещения и образования» [Соловьев: 76], попечительница начальных школ и женской гимназии, инициатор создания детского и родильного приютов, клиники для бездомных больных и многого другого [Балдин: 138], переехавшая в Иваново-Вознесенск в 1885 году, к слову — в год смерти Л.В. Гарелиной. Насколько известна М.А. Гарелина,

⁸ ГАЯО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2407.

⁹ Статья 109 Свода законов Российской империи: «Браком не составляется общее имущество супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность» [Свод законов: 22]. В частности, в своей книге «Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века» Г. Ульянова показывает, что женщины в России в XVIII—XIX веках зачастую были не только финансово независимы, но и защищены законом на порядок больше, чем женщины в Европе [Ульянова: 28].

настолько остается в тени Любовь Васильевна. Хотя перед нами очевидно феноменальный случай: купеческая дочь из старообрядческой семьи в провинциальном Иванове, только преобразуясь в город, становится первой женщиной-писательницей, создает свой художественный мир, издает свои произведения, размышляет о природе творчества.

А если мы посмотрим на нее в контексте ивановской литературы 1860—1880 гг., выводы будут еще интереснее. Это литература бытописательная, публицистическая и в первую очередь социально ориентированная. Во многом такое направление задает и созданный В.А. Дементьевым после его приезда в Иваново в 1857 г. и просуществовавший до его отъезда в Москву в 1863 г. литературный кружок местной молодежи, куда входили Ф.Д. Нефёдов, В.А. Рязанцев, С.Г. Нечаев. Так, Ф.Д. Нефёдов пишет полудокументальные сатирические очерки о положении рабочих на текстильных фабриках «Девичник» (1868), «Святки» (1871), «Наши фабрики и заводы» (1872) и сборник рассказов из крестьянской жизни «На миру» (1872); П.А. Зарубин — двухтомный роман «Тёмные и светлые стороны русской жизни» (1872), предполагая «начать изображение русской жизни с низших необразованных классов нашего общества, именно с класса мещан, как наименее анализированного нашей литературой» [цит. по: Матенина, Иванов: 23], В.А. Рязанцев работает над повестью о фабричном Иванове с характеризующим названием «Тихий омут» (не позже 1866, не опубл.) и выводит «лишних людей» в провинциальном варианте. Поэтическое поле представляет С.Ф. Рыскин, находящийся под сильным влиянием, в том числе стилистическим, А.В. Кольцова, Д.Д. Минаева, И.С. Никитина и в особенности Н.А. Некрасова, в эти годы он создает отрывки для предполагаемой поэмы «Кому вольготно, счастливо живется в одном не то селе, не то городе», где несчастными предстают иваново-вознесенские фабриканты, которым деньги не приносят ни достоинства, ни уважения (более других достается двоюродному брату Я.П. Гарелина — Ивану Никоновичу, отказавшему Рыскину в деньгах).

На этом фоне Л.В. Гарелина оказывается едва ли не единственным автором, выходящим за пределы социального к собственно литературному. Безусловно, выход этот пока еще достаточно наивный и дилетантский, но он есть. И похоже, что именно женщина могла его совершить, поскольку, с одной стороны, самим обществом выводилась на периферию социальных процессов, а с другой — по-женски допускала другие типы высказывания: интимное, ассоциативное, интуитивное, ориентированное на чистую фонетику или образность, что, кстати, и происходит в большой литературе. И в уездном городе Шуя уже учится К. Бальмонт, который через 10 лет именно на таком сочетании начнет строить свою авторскую поэтику. Думается, под этим ракурсом можно иначе взглянуть на историю ивановской литературы.

Список источников

- Бутрин Е.С. Братья Сусловы на Ивановской земле // Ивановская газета. 2021а. № 37. С. 31.
Бутрин Е.С. «На пользу себя, общества и семьи...» // Ивановский архив. Краевед. науч.-попул. альм. № 4. Иваново, 2021б. С. 4—9.
Волков И.А. Уклад ивановской жизни сорок лет назад лет // Приложение к «Рабочему краю». Иваново: Рабочий край, 1927.
Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии): в 2 ч. Ч. 2. Шуя: Литотип. Я.И. Борисоглебского, 1885. 140 с.

- Гарелина Л.В. Сочинения Л. Г...ной. Стихотворения элегические, лирические и дидактические. Том II. Владимир: тип. Губернского правления, 1867. 273 с.
- Гарелина Л.В. Масленица и пост в провинции. [Стихотворение] Несказасовой. М.: тип. Бахметева, 1870а. 12 с.
- Гарелина Л.В. Стихотворения Надежды Либиной // Сочинения Л. Г.: Ч. 1—2. Ч. 2. М.: Тип. Бахметева, 1870b. 234 с.
- [Гарелина Л.В.] Игра судьбы. Драматические сцены в трех действиях. Сочинения Н. Либиной [Рукопись]. Российская национальная библиотека. Шифр хранения: 9658.
- Каталог Иваново-Вознесенской общественной публичной библиотеки. Владимир: Типо-литография губернского правления, 1901. 140 с.
- Материалы для биографии К.Н. Тихонравова / под ред. А.В. Смирнова. Владимир: типо-лит. Губ. правл., 1900. 408 с.
- Русский биографический словарь: в 25 т. / под наблюдением А.А. Половцева, вел. кн. Николая Михайловича. СПб.: Санкт-Петербургское Императорское Русское историческое общество, 1912.
- Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: в 34 т. Т. 10. Ч. 1. СПб.: в Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 104 с.
- Семененко А.М. Любовь и смерть Якова Гарелина // Иваново-Вознесенск и иваново-вознесенцы. Иваново: Филиал РГГУ, 2011. С. 133—136.
- Смирнов А.В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: (материалы для библиографического словаря). Вып. 5. Владимир: Типография Губернского правления, 1917. 188 с.
- Указатель содержания неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей» с 1838 по 1900 год включительно и «Владимирских епархиальных ведомостей» с 1865 по 1900 год включительно / сост. А.В. Смирнов. Владимир: типо-лит. Губ. правл., 1902. 561 с.

Список литературы / References

- Балдин К.Е. М.А. Гарелина: социальный портрет провинциальной благотворительницы // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 138—148.
- (Baldin K.E. M.A. Garelina: a social portrait of a provincial philanthropist, *Woman in Russian society*, 2022, no. 2, pp. 138—148. — In Russ.)
- Матенина Л.Н., Иванов Б.И. Ивановские писатели в экспозициях и фондах Литературного музея ИвГУ: Путеводитель. Иваново: ИвГУ, 1997. 96 с.
- (Matenina L.N., Ivanov B.I. Ivanovo writers in the expositions and funds of the Literary Museum of IvSU: Guide, Ivanovo, 1997, 96 p. — In Russ.)
- Обнорская Н.В. Ярославцы Соболевы и кашинцы Зызыкины — родственники и конкуренты: К вопросу о династических связях купечества Верхневолжья // Традиции династий Верхневолжья: материалы региональной научно-практической конференции. Тверь: ТвГУ, 2004. С. 159—167.
- (Obnorskaya N.V. Sobolevs and Zyzykins — relatives and competitors: On the issue of dynastic ties of the merchants of the Upper Volga, *Traditions of the dynasties of the Upper Volga: materials of the regional scientific and practical conference*, Tver, 2004, pp. 159—167. — In Russ.)
- Сараскина Л.И. Аполлинария Суслова. М.: Молодая гвардия, 2022. 439 с.
- (Saraskina L.I. Apollinaria Suslova, Moscow: Young Guard, 2022. 439 p. — In Russ.)
- Соловьев А.А. Библиотечно-просветительские инициативы жен фабрикантов Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 75—84.

(Soloviev A.A. Library and educational initiatives of the wives of Upper Volga factory owners in the late 19th — early 20th centuries, *Woman in Russian society*, 2013, no. 2 (67), pp. 75—84. — In Russ.)

Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.

(Ulyanova G.N. Merchant wives, noblewomen, magnates. Women entrepreneurs in Russia in the 19th century, Moscow, 2021, 352 p. — In Russ.)

Vowles J. The inexperienced muse: Russian women and poetry in the first half of the nineteenth century, *History of Women's Writing in Russia*, ed. by A.M. Barker and J.M. Gheith, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 62—84.

L.V. GARELINA — THE FIRST IVANOVO WOMAN WRITER: TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE IVANOVO LITERARY TEXT

Elena A. Kopytova

Burilin Ivanovo Museum of Local History, Ivanovo, Russian Federation,
eakopytova@yandex.ru

Elena M. Tyuleneva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article presents L.V. Garelina as the first Ivanovo female writer. Lyubov Vasilyevna Garelina (1821—1885) was the heiress of the famous Yaroslavl merchant dynasty of the Sobolevs, the wife of an Ivanovo merchant and industrialist, one of the first heads of the city and initiators of its formation, philanthropist, and local historian Ya.P. Garelina. At the same time, Garelina is the author of poetry collections, dramatic works, translations, and children's books published in the 1860s—1870s. The article systematizes the currently known facts of her biography and creative work. The phenomenon of Garelina is considered in the context of middle-class (non-aristocratic) women's literature, which allows us to determine the uniqueness of her creative situation, as well as to expand our understanding of this very small segment of the literary process. The article puts forward hypotheses about the reasons for the lack of visibility of Garelina's figure in the social life of the village of Ivanovo and the city of Ivanovo-Voznesensk, as well as the degree of autobiographical nature of her works. The main parameters that individualize her work are summarized: literary flair for new phenomena and trends that are just emerging in the literary space; interest in experimentation and different types of statements, which determines genre and stylistic diversity; a wide range of dialogue with "big" literature: from imitation and borrowing to offering her own versions and endings; deep knowledge of the realities and life of the merchant and industrial environment, which makes it possible to show their life practically from the inside, etc. In conclusion, a conclusion is made about the possibility of revising the history of Ivanovo literature of this period, which until now has been mostly chronicling everyday life, satirical and journalistic and focused on social criticism, while Garelina's literary experiments turn her to other areas and issues, including literary ones.

Keywords: L.V. Garelina, women's writing, women's provincial text, Ivanovo literary text, Ivanovo, Ivanovo-Voznesensk

For citation: Kopytova E.A., Tyuleneva E.M. L.V. Garelina — the first Ivanovo woman writer: to the problem of the formation of the Ivanovo literary text, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 20—33.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 21.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Копытова Елена Александровна — научный сотрудник, Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина, г. Иваново, Россия, eakopytova@yandex.ru

Kopytova Elena Aleksandrovna — Research Assistant, Burilin Ivanovo Museum of Local History, Ivanovo, Russian Federation, eakopytova@yandex.ru

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru, SPIN: 6303-3436

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 34—41.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 34—41.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18/19"

EDN <https://elibrary.ru/euamel>

DOI: 10.46726/H.2025.2.3

ТРАДИЦИЯ VS НОВАТОРСТВО: «НОВЫЕ ЛЮДИ» ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Яна Яниковна Джамалова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, rus-classic-lab@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию крупной проблемы взаимоотношений «старого и нового», «традиции и новаторства», рассматриваемой на примере творчества З.Н. Гиппиус 1890-х гг. В центре внимания находится образ «нового человека», создаваемый Гиппиус в сборнике с провокативным названием «Новые люди» (1896), которое (в совокупности с посвящением), с одной стороны, демонстрирует авторскую претензию на новую антропологию и новую эстетику, с другой — помещает произведения сборника в контекст предыдущей литературной традиции. В статье приводится анализ критических отзывов современников писательницы (рецензии и статьи 1896 г. — начала 1910-х гг.), выстраивающих константную линию восприятия произведений сборника на основе сопоставления героев рассказов Гиппиус с главным героем романа Ф.М. Достоевского «Идиот» — князем Мышкиным. На материале исследовательских работ XX—XXI вв. рассматривается вопрос о влиянии на тексты Гиппиус ещё одной традиции классической русской литературы, воплощенной в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». В заключительной части статьи дан аспектный анализ рассказа «Голубое небо», входящего в сборник «Новые люди». В тексте обнаруживается одновременное присутствие обеих вышеописанных традиций, каждая из которых оказывает непосредственное влияние на создаваемый образ «нового человека». Кроме того, отсутствует, казалось бы, закономерное и ожидаемое противоречие между этими традициями. Анализ образов главных героев рассказа позволяет сделать вывод о реализации в тексте принципа *qui pro quo*, характерного для поэтики произведений Достоевского и «унаследованного» З.Н. Гиппиус.

Ключевые слова: новые люди, З.Н. Гиппиус, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, оппозиция старого и нового, принцип *qui pro quo*

Для цитирования: Джамалова Я.Я. Традиция vs новаторство: «новые люди» Зинаиды Гиппиус // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 34—41.

Оппозиция «старого» и «нового» занимает особое место в мировоззрении и творческом наследии Гиппиус и нередко актуализируется в её размышлениях о литературном процессе XIX—XX вв.: так, говоря в публицистике или в воспоминаниях о писателях XIX века, она часто наделяет их эпитетом «старые», при этом не делая различия в «величине» — под пером Гиппиус «старыми» становятся не только Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев или Ф.М. Достоевский, но и А.Ф. Писемский, А.В. Дружнин, Н.Д. Хвощинская [Гиппиус 6: 162; Гиппиус 7: 45, 69, 347]. Такая номинация не обходит стороной и автора «рассказов о новых людях»: описывая в книге «Дмитрий Мережковский» свое

посещение кружка М.И. Семевского, Гиппиус отмечает: «мне вспоминались старые романы вроде Чернышевского “Что делать?” и всякое старое “студенчество”» [Гиппиус 6: 227].

Пафос обновления и противопоставление своего «нового» отжившему «старому» прослеживаются уже в ранних литературных опытах Гиппиус и наиболее ярко были явлены в её первом сборнике «Новые люди» (публ. 1896), включающем 13 рассказов и 12 стихотворений, а также посвящение А.Л. Волынскому, ставшее впоследствии не меньшим объектом критики, чем сами произведения сборника: «Разными путями можно идти к одной цели. Ваша дорога отлична от моей, оружие, которым Вы боретесь, — иное, но мы идем в одну сторону, ведем одну войну. И Вы, и я окружены врагами: тем отраднее встретиться друзьям. Дух того, что Вы пишете, близок мне, и я дарю Вам эту книгу — первые ступени к новой красоте, которая дорога нам обоим» [Гиппиус 1: 536].

Заметим пока как бы в скобках, что уже здесь, в отдельных компонентах заголовочно-финального комплекса, фиксируется авторская претензия не только на новую антропологию, но и на новую эстетику, новый тип художественности — претензия, сближающая Гиппиус с автором «Что делать?». Не меньший интерес для исследователя представляют и настойчивые просьбы Гиппиус принести ей роман Чернышевского, обнаруживающиеся в письмах к А.Л. Волынскому в 1895 г. — за год до публикации сборника [Гиппиус 14: 24, 36, 46].

Первые отзывы о сборнике были остро критическими, написанными с большой долей иронии: таковы рецензии А.И. Богдановича, Б.Б. Глинского, Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского. Эти тексты, помимо собственно уничижительных оценок «новых людей» Гиппиус, объединяет обращение к теме душевной болезни¹: например, читаем

1) у Михайловского в статье «Литература и жизнь»:

а) «все они [“новые люди”. — *Я. Д.*] являются перед нами или безвольными шалопаями, или истеричными неврастениками» [Гиппиус: pro et contra: 82];

б) о стихотворении «Цветы ночи»: «Мне кажется, это лучшее произведение г-жи Гиппиус, и оно действительно очень хорошо, если видеть в нем горячечный бред или монолог больного, страдающего манией преследования» [Там же: 44].

2) у Скабичевского в работе «Литература в жизни и жизнь в литературе (критические письма)»: «Они [стихотворения Гиппиус из сборника. — *Я. Д.*] представляют сплошь бессвязный бред души больной» [Там же: 76].

3) в особенности же — у Глинского, в рецензии которого тема душевной болезни становится ведущей (текст так и называется — «Болезнь или реклама»): «Эта писательница страдает явной неврастенией на почве анемичного литературного творчества» [Там же: 36]; «Автор — писательница больная, с расстроенной нервной системой» [Там же: 37]. Не забыл критик и самих «новых людей» Гиппиус: «Ее молодежь неспособна к здоровому проявлению любви <...>. На всех описываемых ощущениях лежит печать какой-то болезненности» [Там же].

¹ Тема душевной болезни, определяющей творчество «исследуемого» критиком автора, нередко обнаруживается в отзывах оппонентов писателей-модернистов и составляет одну из характерных черт единого «дискурса вырождения», берущего свое начало в работах психиатров 1850-х гг. и переживающего расцвет в конце XIX в. (подробнее см.: [Матич; Николози]).

Примечательно, что эта линия критики «новых людей» не угаснет, а разовьется с течением времени: В.Я. Брюсов в разделе «З.Н. Гиппиус» издания «Русская литература XX века. 1890—1910» (под ред. С.А. Венгерова, 1914) отчасти продолжит традицию трактовки образов героев сборника через призму психического расстройства: «Любимые герои Гиппиус в этой книге — лица, чуждые школьному образованию или даже не совсем нормальные, иногда, с обычной точки зрения, как бы “слабоумные”» [Там же: 506].

Если в вышеприведенных рецензиях (включая значительно более поздний отзыв Брюсова) критики писали о сумасшествии автора и ее героев «без аллегории, а настоящим медицинским манером», то спустя почти два десятилетия после выхода сборника А.К. Закржевский в книге «Религия» (1913) — заключительной части трилогии, посвященной «“родству” Достоевского и литературы конца XIX — начала XX в.» [Козьменко: 66], — обратится к теме душевной болезни «новых людей» в совсем ином ракурсе, указывая в качестве истока образ князя Мышкина², и тем самым, во-первых, усложнит перспективу трактовки и, во-вторых, «встроит» сборник Гиппиус в литературный процесс: «Такие люди, как Мышкин, — новые люди... <...> Такие новые люди, такие вестники нового, грядущего, может быть, невозможного царства — проходят пред нами в творчестве З.Н. Гиппиус <...> В стремлениях героев Гиппиус к новому царству, к новой земле, <...> — в этих стремлениях чувствуется душа Мышкина» [Гиппиус: pro et contra: 456—459].

Однако, несмотря на такое сравнение, полной «реабилитации» героев Гиппиус (и самой писательницы) не происходит: «Они не могут преобразить действительности <...> так просто и так бессознательно, как это делает Мышкин. <...> ибо они не безумные, а только желающие стать безумными и безумие свое изобретающие <...> [Мышкин. — Я. Д.] безумен был и, благодаря безумию своему, достигал наивысшего счастья — ощущения, что времени больше не будет <...> Душа Гиппиус — *вся в плену разума*» [Гиппиус: pro et contra: 482. Курсив мой. — Я. Д.].

Возникший в отзыве Закржевского упрек в излишнем рационализме заставляет вспомнить еще одну традицию русской литературы — и тут обнаруживается, что в критических отзывах конца XIX — начала XX в. не прослеживается (или, по крайней мере, не выходит на первый план) другое, более очевидное сопоставление героев Гиппиус — с «новыми людьми» Н.Г. Чернышевского и других авторов его «направления». Единственным исключением здесь является статья В.М. Чернова «Литературные впечатления», которая, однако, посвящена не сборнику Гиппиус 1896 года, а героям-«новым людям» романа «Чертова кукла», опубликованного пятнадцать лет спустя [Гиппиус: pro et contra: 344—346].

Подробный анализ влияния фигуры Чернышевского и романа «Что делать?» на мировоззрение Гиппиус представлен в работах О. Матич, впоследствии соединенных в издании «Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России» (авторизованный перевод на русский язык опубликован в 2008). Данное исследование носит скорее культурологический характер, и авторское внимание по большей части сконцентрировано на биографии (так, утверждается, что в устройстве семейной жизни с Мережковским Гиппиус воспроизводит детали брака Веры Павловны и Лопухова, включая

² Связь текстов сборника «Новые люди» с романом «Идиот» отмечал и В.Я. Брюсов, ограничившись, однако, только констатацией факта «влияния».

организацию домашнего пространства) и переписке З.Н. Гиппиус. Единственный комментарий, касающийся сборника «Новые люди», заключается в указании на «характерную культурную многослойность», в которой «отчетливо видны три противоборствующие идеологии: христианство, нищенство и радикальный утопизм 1860-х гг.» [Матич: 358]. Однако детального рассмотрения отдельных художественных текстов автор не совершает ввиду иных исследовательских задач.

Более подробно «литературная» сторона влияния романа Чернышевского на творчество Гиппиус 1890-х гг. раскрывается в исследованиях Л. Пильд. Автор расширяет контекстуальное поле сборника «Новые люди» и указывает, что «Гиппиус ориентируется на традицию русской психологической прозы второй половины XIX в. Помимо Достоевского и Тургенева для нее эту традицию представляет и Чернышевский (роман “Что делать?”)» [Пильд 1998: 101]. В статье фиксируется и особое отношение Гиппиус к этим текстам, выходящее за рамки исключительно эстетического восприятия и лежащее в основу ее собственного творческого метода и житнетворческих практик: «К произведениям названных авторов Гиппиус относится как к литературе “факта”, а не утопического вымысла. <...> каждую составную часть, “деталь” психологического облика будущего “нового человека” нужно сначала познать путем личного и художественного опыта...» [Там же: 102]. Созидание «нового человека», носителя «нового мистико-пантеистического мироощущения» [Пильд 1999], по Гиппиус, должно свершаться одновременно в двух плоскостях, взаимосвязанных вплоть до полного стирания границ, — в сфере собственного реального бытия и в творчестве.

Продолжением исследования данной темы явилась статья Д.М. Магомедовой [Магомедова]. Автор работает в рамках концепции «переписывания классики» и в качестве задачи исследования выделяет «анализ трансформации идеолого-поведенческой модели «новые люди» («нигилисты») в новую литературную эпоху» [Магомедова: 120]. Анализируя образы героев первого сборника Гиппиус, исследователь констатирует, что «новыми людьми» оказываются «персонажи, которые открывают для себя новые возможности духовной и душевной жизни», а «тематические блоки» сборника указывают на зарождение особого типа нигилизма, «отрицающего нигилизм XIX в. и склоняющегося скорее к нищенскому типу отрицания традиционной морали, который стоило бы назвать “неонигилизмом”» [Там же: 124].

Что же касается образов, прямо полемических по отношению к героям романов 60—70-х годов, то, как отмечает исследователь, в сборнике Гиппиус герои-«новые люди» в смысле 1860-х отсутствуют [Там же]. В качестве исключения автор выделяет только Антона Антоновича — главного героя рассказа «Голубое небо» (впервые опубликован в составе сборника «Новые люди»). Чтобы выявить особенности изображения «новых людей» Гиппиус, остановимся на этом рассказе подробнее, учитывая контекст — романы «Идиот» и «Что делать?».

Начнем с портрета героя. Внешний вид Антона Антоновича Гиппиус описывает всего в нескольких штрихах, порождающих, однако, стойкую ассоциацию со стереотипным образом «шестидесятника»³: «На тоненьком носу у него всегда было дымчатое *pinse-nez*, которое сильно сжимало переносье.

³ Есть, однако, и другие мнения: например, в исследовании О.В. Морозовой утверждается, что прототипом главного героя является А.П. Чехов и описание его, соответственно, обнаруживает «типичные чеховские черты» [Морозова].

Антон Антонович любил толстые сучковатые палки, ходил быстро, никогда не унывал...» [Гиппиус 1: 338]. Создаваемый образ можно сравнить с «хрестоматийным» описанием «новых людей», приводимым А.М. Скабичевским: «Желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей, и, таким образом, появились те пресловутые нигилистические костюмы, в которых щеголяла молодежь в течение 60-х и 70-х гг. Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы (женщин) и космы сзади до плеч, синие очки» [Скабичевский: 250].

Черты «нового человека» 60-х годов в герое Гиппиус — не только в портретном сходстве; более всего эта «идеолого-поведенческая модель» обнаруживает свое присутствие в речи героя, предельной концентрации достигая в письме-исповеди, адресованном главной героине (Людмила) и отмеченном, как было указано Д.М. Магомедовой, использованием многочисленных «клише, свойственных литературе о “новых людях”» [Магомедова: 124]. В этой авторепрезентации, которая начинается со своеобразного манифеста («На мне нет пятна, на моей совести нет укора <...> Я всегда знал, что я должен делать, и всегда делал, что должен» [Гиппиус 1: 349—350]), на первый план выходят черты обобщенного образа «нигилиста», который «по убеждениям» отрекся от своей «среды» и, подобно тургеневскому Базарову, «сам себя воспитал»: «Я не стыжусь своего происхождения. Мой дед был слесарь, а папаша — самый мелкий чиновник в Одессе. <...> Убедившись, что слух об этом злоупотреблении [речь идет о взятках, которые брал отец героя. — Я. Д.] не клеветает, я сказал себе: у меня больше нет отца! Потому что нечестный человек не может быть моим отцом. <...> И вот мне двадцать восемь лет <...> всего этого достиг я сам, я один, своей настойчивостью и работой» [Там же: 350]. Заключает свою исповедь Антон Антонович предложением брака героине, и в этом предложении, как отмечено Д.М. Магомедовой, «гражданская фразеология почти пародийно перемежается <...> с чиновничьей лексикой» [Магомедова: 124]: «...Вы будете добрым товарищем. <...> У вас будут тогда обязанности, к которым надо относиться строго. <...> Ну, по рукам, что ли! Вместе на борьбу, на жизнь, на работу» [Гиппиус 1: 350].

Однако вся эта «новизна» — кажущаяся, существующая только в авторепрезентации героя, фактически пародийная. В ходе развития сюжета открывается, что в действительности за личиной «нового человека» кроются вполне «старые» карьеризм (показательно, что сразу после утверждения «Я — полезный член общества» в исповеди Антон Антонович сообщает, что он на хорошем счету и легко может получить повышение) и мещанство (воплощением которого являются его литературные опыты, полные «бульварных» штампов), а сам герой — бесчувственный и жестокий эгоист, «ставший причиной смерти матери и отказавший престарелому отцу в прощении и помощи» [Магомедова: 124].

Противоположностью Антону Антоновичу в рассказе является его избранница — Людмила. Она не демонстрирует никаких «новых» (в смысле 60-х годов) «убеждений», напротив, ей свойствен имморализм (или неонигилизм в терминологии Д.М. Магомедовой) — во время объяснения Людмила объявляет Антону Антоновичу: «Не верю в ваши обязательства и нравственные законы. Не надо быть в рабстве» [Гиппиус 1: 359]. «Долгу» Антона Антоновича противопоставлен свободный поиск героиней иной, высшей формы бытия, не связанного земным «законом», «великого счастья», «навсегда недоступного и навеки непонятного», символом которого в рассказе становится голубое небо, «созвучное» не только образам-символам неба и моря в других

рассказах сборника — «Богиня» и «Смирение», но и описанию водопада в романе «Идиот»: «У нас там водопад был, небольшой, высоко с горы падал и такую тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — белый, шумливый, пенистый <...> солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь...» [Достоевский: 50—51] (ср. у Гиппиус: «...в нашем городе есть улица, прямая и короткая. Она <...> обрывается таким спуском, что его не видно издали, и кажется, что улица кончается небом ... Я шла мимо один раз и вдруг увидела это небо; оно было чистое, ровное, синее <...> Вот тогда мне опять показалось на мгновение, что есть какое-то великое счастье, для нас навеки недоступное и навеки непонятное» [Гиппиус 1: 346]). Ещё одним вероятным источником образа героини может быть стихотворение Д.С. Мережковского с аналогичным тексту Гиппиус названием — «Голубое небо» (1894): «Я людям чужд и мало верю // Я добродетели земной: // Иною мерой жизнь я мерю, // Иной, бесцельной красотой. // Я верю только в голубую // Недостигаемую твердь» [Мережковский: 479].

Во время объяснения Людмила раскрывает всю лицемерность «равноправного» союза, предлагаемого ей Антоном Антоновичем: «А скажите, какой мужчина — да и вы тоже — согласился бы взять меня только как товарища, без подчинения, без унижения, осмелился бы все предоставить моей собственной воле? О, ни один! Им не нужны люди, им нужны женщины. Подите вы от меня с вашей любовью, и с вашим долгом...» [Гиппиус 1: 360]. Примечательно, что кульминационным этот фрагмент становится не только во внутренней структуре рассказа, но и с точки зрения связи текста Гиппиус с романом Чернышевского: в монологе Людмилы обнаруживается фактически дословное воспроизведение высказывания Веры Павловны, «дошедшей до пифоса» в разговоре с Жюли: «Так теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь!» [Чернышевский: 35].

Таким образом, в рассказе происходит подмена, характерная для реализации принципа *qui pro quo*, генетически восходящего к комедийному приёму, в основе которого лежит недоразумение, путаница, и являющегося основой мотива «выступления в чужом обличье, когда одних принимают за других» [Пропп: 120]. Впоследствии в работах Р.Я. Клейман принцип *qui pro quo*, рассмотренный уже не только как исключительно атрибут комического, осмысливается в качестве одной «из важнейших художественных констант творчества Достоевского» [Клейман: 79].

Итак, механизм реализации этого принципа в рассказе «Голубое небо» заключается в следующем: первоначальное представление героях рассказа в ходе развития сюжета развенчивается, оказывается ложным, и в результате этого развенчания совершается инверсия, смысловая перестановка: в данном случае изначально «положительный», демонстрирующий признаки «нового человека» Антон Антонович на деле оказывается посредственным карьеристом, а противоположная ему «отрицательная», «неприятная» (такова одна из первых ее характеристик в рассказе) Людмила — истинно «новым человеком» в том смысле, который эта номинация приобретает в мировоззрении Гиппиус и деятелей ее круга, — противопоставляющим «старому» нигилизму стремление за пределы обыденного существования к «великому счастью» и «новой

красоте», воплощенным в образе голубого неба. Ведущую роль в реализации этого принципа и в изображении героев играют два контекста — романы «Идиот» и «Что делать?», причем последний, вопреки ожиданиям, упоминается не в пародийном ключе или исключительно полемически, а актуализируется именно в связи с одним из ключевых понятий мирозерцания новых «новых людей» — свободы, доходящей до «неонигилизма».

Возвращаясь к месту оппозиции «старого и нового» в мировоззрении и антропологическом проекте Гиппиус, отметим, что эта проблема не ограничивается одним только образом нового человека и сборником «Новые люди»: проблематизация отношений «старого и нового», «традиции и новаторства» внутренне присуща авторскому сознанию, озабоченному поиском «новой твари», «томление» по которой есть, по выражению М. Шагинян, «тот фундамент, на котором воздвигается вся ее поэзия» [Гиппиус: pro et contra: 444].

Список источников

- Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Русская книга: Дмитрий Сечин, 2001—2019.
Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. 511 с.
З.Н. Гиппиус: pro et contra. СПб.: РХГА, 2008. 1038 с.
Мережковский Д.С. Голубое небо // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб: Академический проект, 2000. С. 479.
Скабичевский А.М., Литературные воспоминания. М.:Л.: Земля и Фабрика, 1928. 360 с.
Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. 876 с.

Список литературы / References

- Клейман Р.Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2000. 306 с.
(Kleiman R.Ya. Dostoevsky's Artistic Constants in the Context of Historical Poetics: dis. ... doctor of Sciences (Philology), St. Petersburg, 2000, 306 p. — In Russ.)
Козьменко М.В. Александр Закржевский — интерпретатор мировоззренческих рефлексий эпохи «ренессанса Достоевского» // Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.: сборник статей. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2021. С. 64—82.
(Koz'menko M.V. Alexander Zakrzhevsky as an Interpreter of Worldview Reflections of the “Dostoevsky Renaissance” Era. *F.M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th — the First Third of the 20th Century*, Moscow, 2021, pp. 64—82. — In Russ.)
Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX — начала XX в. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 118—125.
(Magomedova D. M. Rewriting the “New People” Plot in the Russian Fiction at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries (V.V. Veresayev and Z.N. Gippius), *Novyi filologicheskii Vestnik*, 2018, no. 2, vol. 45, pp. 118—127. — In Russ.)
Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
(Matich O. Erotic utopia: the decadent imagination in Russia's fin de Siècle, Moscow, 2008, 400 p. — In Russ.)
Морозова О.В. Рассказ как форма критики: к вопросу о литературной репутации А.П. Чехова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 2. С. 69—75.
(Morozova O.V. A Short Story as a Form of Criticism: Towards the Problem of Chekhov's Literary Reputation, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, no. 2, pp. 69—75. — In Russ.)
Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

- (Nikoloz R. Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the 19th Century, Moscow, 2019, 512 p. — In Russ.)
- Пильд Л. Зинаида Гиппиус и Иван Тургенев // Блоковский сборник XIV. К 70-летию З.Г. Минц. Тарту, 1998. С. 86—118.
- (Pil'd L. Zinaida Gippius and Ivan Turgenev, *Blok collection XIV. On the 70th anniversary of Z.G. Mints*, Tartu, 1998, pp. 86—118. — In Russ.)
- Пильд Л. Зинаида Гиппиус и Тургенев (1890-е годы) // Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 56—76.
- (Pil'd L. Zinaida Gippius and Turgenev (1890's), *Pil'd L. Turgenev in the perception of Russian Symbolists (1890's—1900's)*, Tartu, 1999, pp. 56—76. — In Russ.)
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- (Propp V.Ya. Problems of Comedy and Laughter, Moscow, 1976, 183 p. — In Russ.)

TRADITION VS INNOVATION: ZINAIDA GIPPIUS' "NEW PEOPLE"

Yana Ya. Dzhamalova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
rus-classic-lab@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the relationship between “old and new”, considered on the Zinaida Gippius’ works (1890s). The focus is on image of the “new man” created by Gippius in her provocative called collection “New People” (1896), which, on the one hand, demonstrates the author's claim to create new anthropology and new aesthetics, on the other hand, places her works in the context of the previous tradition. The article provides an analysis of the critical reviews (1896 — early 1910`s), which build a constant perceptive line based on the comparison with the main character of the Fyodor Dostoevsky’s novel “The Idiot”. Using research works of the XX—XXI centuries, article considers the question of influence on the Gippius’ texts of tradition of Russian classics, embodied in Chernyshevsky’s novel “What Is to Be Done?”. The final part of the article provides an analysis of the story “Blue Sky” (from “New People”). The text reveals the presence of both of traditions, each of which has a direct influence on the “new man” image. There is no expected contradiction between these traditions. Analysis of the main characters allows to reveal the presence of the so-called “qui pro quo principle”, which belongs to Dostoevsky’s poetics and was “inherited” by Gippius.

Keywords: “new people”, Zinaida Gippius, Nikolay Chernyshevsky, Fyodor Dostoevsky, the “old — new” opposition, the “qui pro quo principle”

For citation: Dzhamalova Ya.Ya. Tradition vs innovation: Zinaida Gippius’ “new people”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 34—41.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Джамалова Яна Яниковна — аспирант кафедры русской литературы, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская классика: аксиологические основы и мировой контекст», Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, rus-classic-lab@yandex.ru, SPIN: 3434-7402.

Dzhamalova Iana Ianikovna — postgraduate student of the Department of Russian literature, junior researcher of the research laboratory “Russian classics: axiological basis and the world context”, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, rus-classic-lab@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 42—47.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 42—47.

Научная статья

УДК 821(494).09"19"

EDN <https://elibrary.ru/felvoe>

DOI: 10.46726/H.2025.2.4

СОН И ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО В ПЬЕСЕ

МАКСА ФРИША «САНТА-КРУС»

Ирина Станиславовна Киселева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

iana.dollskaya@yandex.ru

Аннотация. Пьеса-романс «Санта-Крус» очертила магистральные линии творчества Макса Фриша. Основной темой его книг нередко является стремление человека любой ценой разорвать мертвящую монотонность своей повседневной реальности, убежать от серой обыденности, день за днем убивающей всю жизненную энергию, весь интерес и волю к жизни. Такой побег возможен только при помощи игры, когда убивающая обыденность является той серьезностью, которой противопоставлен мир, где есть сильные чувства, яркие впечатления, радость, страдание, волшебство и ряд равновероятностных возможностей, дающий человеку подлинную свободу. Герои Фриша — это чаще всего люди обычные, ничем не примечательные до определенного момента, когда они вдруг понимают, что они пленники своей будничной реальности, где нет места романтике, а рутинная повседневность равносильна медленной смерти. Игровое начало в произведении представлено на уровне системы персонажей: здесь есть образ героя-авантюриста, олицетворяющего игру. Герой-маска творит собственную жизнь по законам искусства, поэтому понятие «жизнетворчество» является ключевым для понимания проблематики пьесы. На уровне интриги значителен романтический мотив сна, который приобретает весьма необычные функции.

Ключевые слова: комедия, игра, жизнетворчество, сон, пьеса-романс, игровое поле, уровни игры

Для цитирования: Киселева И.С. Сон и жизнетворчество в пьесе Макса Фриша «Санта-Крус» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 42—47.

Макс Фриш (1911—1998) — знаменитый швейцарский писатель и драматург, известный своими романами «Штиллер», «Номо faber», «Назову себя Гантенбайн», на русский язык переведено значительное количество его пьес. Творчество Фриша-драматурга началось в 1944 году с пьесы «Санта-Крус», жанр которой сам автор определил как «пьеса-романс». Его драматургические произведения нередко носят притчевый, фарсовый характер, в них очень выражены традиции, идущие от Луиджи Пиранделло («Биография: игра»). Зачастую игровое начало определяет структуру его пьес, да и самим их содержанием тоже является игра, тенденция к театрализации самого театра, столь характерная для драматургии 20 века, ярко выражена в творчестве Фриша.

Начало расцвета его драматургического таланта приходится на годы Второй мировой войны. Военная тематика, несомненно, нашла отражение в его произведениях, однако на протяжении всей своей долгой творческой биографии Фриш обращается к проблеме, которую Д. Затоносский обозначил как

проблему «душевной слепоты, неистребимого равнодушия, что как бомбы угрожают человечеству гибелью» [Затонский: 10]. Он совершенно справедливо связывает магистральные темы как драматургии, так и прозы Фриша с духовной атмосферой эпохи: «Бесперспективность, отсутствие видимых духовных целей ... таковы приметы всей новейшей цивилизации запада... И это побуждает моделировать действительность, использовать в качестве примера. Отсюда тяготение к притче, к параболе, иносказанию, к смещению перспектив, наконец, к некому опосредованию окружающей жизни» [Там же]. Высказывание самого Фриша о том, что «Человеческая душа — вот постоянная игровая площадка» [Там же], в равной мере относится к его пьесам и романам, где основной темой нередко является стремление человека любой ценой разорвать мертвящую монотонность своей повседневной реальности, убежать от серой обыденности, день за днем убивающей всю жизненную энергию, весь интерес и волю к жизни. Тема такого побега определила сюжет знаменитого романа 1954 года «Штиллер», она же звучит в большинстве пьес. Такой побег возможен только при помощи игры, когда убивающая обыденность является той серьезностью, которой противопоставлен мир, где есть сильные чувства, яркие впечатления, радость, страдание, волшебство и ряд равновероятностных возможностей, дающий человеку подлинную свободу. Герои Фриша — это чаще всего люди обычные, ничем не примечательные до определенного момента, когда они вдруг понимают, что они пленники своей будничной реальности, где нет места романтике, а рутинная повседневность равносильна медленной смерти.

Пьеса-романс «Санта-Крус» интересна тем, что, будучи первым драматургическим произведением Фриша, она очертила магистральные линии его дальнейшего творчества.

Игровое начало в ней представлено на уровне системы персонажей: здесь есть образ героя-авантюриста, олицетворяющего игру. На уровне интриги значителен романтический мотив сна, который приобретает весьма необычные функции.

Система персонажей представлена в виде триады, в центре которой 35-летняя баронесса Элвира, а по краям двое мужчин — ее супруг, барон и бродячий певец Пелегрин. Однако перед нами вовсе не традиционный любовный треугольник. Дело в том, что Пелегрин и барон — своего рода антитеза игры и серьезности, обыденности и романтики, яви и сна. Пелегрин — фигура полуреальная. С ним связан мотив житнетворчества. Он — скорее всего, персонаж идея, живое воплощение фантазии, романтики приключений, высшего экстаза от наслаждения жизнью, который возможен только на пороге смерти. Оборванец, появившийся в грязноватом трактире, он изумляет посетителей рассказами о море, дальних странах, летучих рыбах и пиратах, о матросах, которые подобны «загорелым дьяволам с глазами кошек» [Фриш: 8]. Все его существо полно трепетного восторга перед жизнью, что являет резкий контраст посетителям кабака, грубым крестьянам, скучно играющим в карты. Пелегрин испытывает эйфорию от того, что победил смертельную болезнь и теперь здоров, может снова наслаждаться жизнью. Однако еще в прологе из разговора хозяйки трактира с доктором зритель узнает, что это иллюзия и жить Пелегрину осталось не больше недели. Завязкой служит решение Пелегрина отправиться в замок, чтобы повидаться со своей бывшей возлюбленной, ныне баронессой.

Однако это и все, что мы узнаем о герое из внешнего действия пьесы. Мы уже указывали, что мотив сна исключительно важен для раскрытия функций игрового начала и понимания основного содержания пьесы. В произведении

создается своего рода двоемирие. Пелегрин гораздо более подробно характеризуется в качестве героя сна Эльвиры, который она часто видит на протяжении 17 лет. В ее сне он — дерзкий пират, который похищает ее, увозит на своем корабле, а затем бросает в порту на Санта-Крус. В пьесе есть своего рода эффект очуждения. Он строится следующим образом. Пелегрин больше действует и играет гораздо большую роль во снах Эльвиры, в мечтах барона, нежели наяву. Кроме того, в пьесе есть совершенно загадочный образ поэта Педро, которого матросы заковали в цепи за то, что он выдумывает небылицы и в его историях нет ни капли правды. Он появляется только во снах героев, где и рассказывает о похищении пиратом невесты барона. Таким образом, история этой любви подается не только как сон, но более того — как фантазия поэта. Возникает игра, правилами в которой выступают положения романтического мировоззрения. Зрителю снова и снова напоминают, что о Пелегрине как о реальном человеке ничего почти неизвестно, а Пелегрин из снов Эльвиры — это воплощение другой реальности, другого мира, игры. Недаром Пелегрин играет роль не только в жизни Эльвиры, но и даже в большей степени в жизни ее мужа, барона. Барон и Эльвира — счастливые супруги, если между ними и есть какая-то тайна, то это повторяющийся сон Эльвиры о Санта-Крус. Именно во сне подается развязка ее романа с моряком. Она не может уехать с Пелегрином. Ее мечты о браке, доме и ребенке разрушают их близость. Для Пелегрина брак — это «сеть, из которой не выберешься» [Фриш: 43], он не может представить себя заурядным торговцем рыбьим жиром или угольщиком. «Зачем мы живем? — Как зачем, — того хотят рыбий жир, долг, устойчивость, жена, дети, слуги, горничная, кухарка, крестьяне, Господь Бог, отечество. Эльвира, я не способен на это... Я буду сидеть дома, подле тебя, но тоска моя будет против тебя» [Там же]. Для Эльвиры же невозможна жизнь в виде вечного безумного карнавала: «То был высокий сон, соблазнивший меня, я чувствую, что просыпаюсь, я не могу больше» [Там же: 42]. Эльвира не страдает от того, что живет в реальности. Действительность воплощается для нее в виде мужа, для которого «порядок прежде всего», замка, дочери. Она стыдится своего сна и пугается появления в замке бродячего певца. Эльвира понимает, что игра — неповторимое действие, ощущение безмерной свободы, азарта, которое не может быть длительным. Другая реальность, творимая людьми по собственным правилам. (В случае Эльвиры — это любовная история в лучших романтических традициях, мечта всякой женщины). Однако игра преходяща, неповторима, в ней нельзя жить. Эльвира: «Женщина не играет ни любовью, ни браком, ни верностью, ни человеком, за которым она пошла... что бы то ни было, у него нет прав на настоящее, тому нет места в моих мыслях» [Там же: 21]. Итак, ее влюбленность, корабль, фрукты, вино, звезды над палубой, перестрелка, каюта, песни матросов — зрителю остается непонятно, так ли выглядела эта история наяву. Возможно, это именно то, чего она, Эльвира, лишена в ее любви с бароном — невоплотимая любовь, однако в своей верности и преданности мужу, семейным обязанностям и дочери Эльвира не жалеет об этом, и упорядоченность ее реальной жизни и есть смысл и наполненность ее бытия. Игра даже пугает ее своей зыбкостью, амбивалентностью, вечным стремлением к хаосу.

Совсем другое значение имеет Пелегрин в жизни барона. С одной стороны, это для него прохожий, встреченный в порту Санта-Круса, предложивший возможность подняться на корабль и отправиться на Гавайи. С другой стороны, в образе этого человека для барона воплотились его собственные несбывшиеся мечты о приключениях, о свободе, о ярких впечатлениях — обо

всем, что сулит «другая жизнь». Пелегрин — это своего рода двойник барона, некая часть его личности, это тот, кем мог быть он сам в результате иного выбора.

На первый взгляд может показаться, что барон — это противоположность Пелегрина. Этот господин, «похожий на орла с трубкой» [Там же: 11], постоянно повторяет, что «порядок прежде всего» [Там же: 16]. Его жизнь размерена, как ход часов, речь канцелярски суха. Типичный фришевский герой, он однажды ловит себя на том, что ему нечего записать в свой дневник, который он привык вести. Символом его монотонной, бедной событиями будничной жизни является снег, который идет, не переставая, уже неделю. Дни барона и в самом деле похожи на беспросветную снежную пелену, снег над прошлым и будущим, снег, который того гляди вовсе запорошит его жизнь.

Появление в доме бродячего певца словно пробуждает барона ото сна: «Я хочу увидеть его еще раз, того парня, который живет моей второй жизнью. Хочу знать, как он жил все это время. Хочу услышать, чего я лишился. Хочу знать, какой могла быть моя жизнь. Когда я сижу по вечерам... и, допустим, читаю, — чего я, собственно, ищу в книге, как не его, живущего моей подлинной жизнью? И я бы теперь жил точно так же, поднимись я тогда на чужой корабль и выбери море, а не сушу, предпочти я неизвестность покою» [Там же: 36]. В отличие от Эльвиры барон рассматривает свою теперешнюю реальность как жертву ради любви, брака, спокойствия, однако эта жертва равна для него самой жизни. Весьма показательны слова его слуги: «Никогда не поверю, чтобы господин барон мог вот так взять и сделать, что ему в голову придет» [Там же]. Несмотря на то, что барон вполне счастливый муж и отец, он ощущает себя усталым, постаревшим человеком. Ему приходят в голову мысли о бренности бытия, ночной разговор с Пелегрином сподвигает его на побег: «я считаю себя в праве дать волю моей тоске, которую убивал, глушил, хоронил в течение многих лет <...>. Еще раз безбрежная ширь возможностей, не знать, что принесет тебе следующий миг. Слово, за которым устремляешься на другой край света, корабль, случай, разговор в кабаке, и кто-то произносит: Гавайи. А когда просыпаешься, плещут волны, и ничего вокруг, кроме неба, кроме моря, на котором где-то там повисли континенты» [Там же: 37].

Символическое значение в истолковании образов как оппозиции игра — серьезность имеет мотив смерти. Пелегрин обречен. Он торопится жить, чувствовать, радоваться. В символическом плане его смерть — это идея о том, что жизнь в игре, вечной смене ярких впечатлений и возможностей, бытие, поставленное в вечную зависимость от того, как ляжет карта, — это прекрасная иллюзия. Мировая литература знает немало образов авантюристов, и всякий раз жизнотворчество, попытка поменять игру и жизнь местами ведет к разрушению жизни. Как известно, признаками игры являются амбивалентность, неповторимость, наличие правил, самоцельность. Образ Пелегрина так и строится. Он менее всего реальный человек. Для Эльвиры он — воплощение мечты об идеальной любви на пределе чувств. Для барона — концепция жизни полной подлинной романтики приключений. И в том, и в другом случае правилами является романтическое мировоззрение. Сам образ Пелегрина — мечта поэта, фантазия. Кто он такой на самом деле, зрителям мало известно. В конце пьесы Пелегрин умирает, оставляя барона и Эльвиру в реальности. Его тело обступают фигуры-символы равновероятностных возможностей: одна из них несет непрочитанные им книги, другая — не выращенные им фрукты и кофе, здесь и девушка, которой он ни разу не коснулся.

Для барона мотив смерти выражается в медленном умирании даже не тела, а души. Жизнь, в которой есть место только для долга, обязанностей, но нет для сильных эмоций, радости, впечатлений, случайности, риска превращается в движение к смерти. Равнодушие, внутренний холод и смерть любых желаний — вот итог чрезмерно взрослого подхода к реальности. Барон: «Поговорив с пришельцем, как остро почувствовал я опять нашу бренность! Бездна времени перед нами, и такая же бездна времени за нами, и темная неуловимая сущность вещей, природы, пустота Бога, бурлящего в вулканах, испаряющегося на море, цветущего в джунглях, увядающего, гниющего, превращающегося в уголь и вновь цветущего, Бога, у которого не хватает глаз окинуть взором все свои бесконечные весны! Мы же — его единственная надежда на то, что он будет узрим. Отражен в блеске брэнного человеческого глаза, мы — этот невероятный миг, называемый человечеством, мы частный случай одного из медленно остывающих звездных образований... И я, я сам — искра этого вселенского мига... я хочу снова жить, мочь, плакать, смеяться, любить, испытывать трепет в душной ночи, ликовать. Мы уже не помним, как это было, — ведь это были мгновения, рассыпанные по годам. Я хочу снова почувствовать, как-ково это, жить на полном дыхании, пока нас навсегда не засыпало снегом» [Там же: 38].

Однако, как и во всяком произведении, строящемся по игровым законам, кроме социального уровня игры в пьесе есть уровень космический, где субъектами являются высшие силы, а люди, все без исключения, объектами. На этом уровне действует уже не случай, а Судьба. Вопрос о возможности вмешаться в ход судьбы, моделировать собственную жизнь, уподобив ее игре, но не по вселенским, а по собственным правилам, особо занимал Макса Фриша. Его размышления по этому поводу нашли весьма полное художественное раскрытие в пьесе с говорящим названием «Биография: игра» (1984). Однако в первом драматургическом опыте эти идеи уже есть. Игра дает человеку возможность пережить сильные чувства, настоящие чувства, в конце концов почувствовать себя Богом — творцом своего мира и своего образа и подобия (куклы), но она не заменяет и не изменяет действительность, это другая реальность, параллельная, может даже оппозиционная жизни. Пучок равновероятностных возможностей предоставляет человеку лишь мнимую абсолютную свободу выбора. Судьба, некая высшая необходимость, субъект игры совсем другого уровня, чем человеческие игры, всегда вытаскивает из колоды только одну карту, всегда направляет ход событий только по одному, единственно возможному пути. Эльвира тщетно пытается в своем повторяющемся сне действовать иначе — не пить вино, не ходить в каюту, не давать обещаний и т. п. Она хочет изменить правила уже проигранной игры — это невозможно. Барон же, задумавший изменить судьбу, вырваться из своей реальности навстречу упущенным возможностям, совершает побег из замка, но возвращается к жене и дочери. Потому, что по-другому не может. (Показательно то, что его дочь зовут Виола, как шхуну Пелегрину, которая могла бы увести барона на Гавайи).

Итак, в пьесе через необычную систему персонажей и мотив сна раскрывается авторская позиция. Пелегрин как воплощение жизни-игры являет собой скорее идею, нежели образ. Барон — олицетворение серьезности и при том безрассудного стремления изменить ход игры на вселенском уровне, выбрать иную возможность из ряда равновероятностных и заменить свое существование в реальности на жизнь в игре. И только Эльвира уравнивает эти две линии. Ей по-своему нужны оба мужчины, очарованная романтическим

волшебством своего сна, она тянется сердцем к Пелегрину, тем не менее понимает правильное место игры в жизни человека и не пытается уйти от реальности, которая наполнена для нее смыслом, заключенным в истинной любви и верности, доме, семье и уверенности в своем выборе.

Список литературы / References

- Фриш М. Триптих / сост. Е.А. Кацева. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 558 с.
(Frish M. Triptih, Moscow; Kharkov, 2000, 558 p. — In Russ.)
- Затонский Д. Макс Фриш — прозаик и драматург // Фриш М. Штиллер / сост. Е.А. Кацева. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 7—28.
(Zatonskyi D. Max Firsch — novelist and playwright, Frish M. Shtiller, comp. by E.A. Katceva, Moscow; Kharkiv, 2000, pp. 7—28. — In Russ.)

SLEEP AND LIFE CREATION IN MAX FRISCH'S PLAY “SANTA CRUZ”

Irina S. Kiselyova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lana.dollskaya@yandex.ru

Abstract. The romantic play Santa Cruz outlined the main lines of Max Frisch's work. The main theme of his books is often the desire of a person to break the deadening monotony of his daily reality at any cost, to escape from the gray routine, which day after day kills all vital energy, all interest and will to live. Such an escape is possible only with the help of a game, when the killing routine is the seriousness that is opposed to a world where there are strong feelings, vivid impressions, joy, suffering, magic and a number of equally probable possibilities that give a person genuine freedom. Frisch's characters are most often ordinary people, unremarkable until a certain point, when they suddenly realize that they are prisoners of their everyday reality, where there is no place for romance, and routine daily life is equivalent to a slow death. The game in the work is presented at the level of the character system: there is an image of an adventurer hero who embodies the game. The masked hero creates his own life according to the laws of art, so the concept of "life creation" is key to understanding the play's issues. At the level of intrigue, the romantic motive of sleep is significant, which acquires very unusual functions. Keywords: comedy, game, creation of life, dream, play-romance, playing field, game levels.

Keywords: comedy, game, creation of life, dream, play-romance, playing field, game levels

For citation: Kiseleva I.S. Sleep and Life Creation in Max Frisch's Play “Santa Cruz”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 42—47.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Киселева Ирина Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lana.dollskaya@yandex.ru, SPIN: 4104-9190

Kiseleva Irina Stanislavovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lana.dollskaya@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 48—56.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 48—56.

Научная статья

УДК 821.133.1.09"20"

EDN <https://elibrary.ru/fpnzzo>

DOI: 10.46726/H.2025.2.5

**«ФОТОГРАФ» Д. ЛЕФЕВРА, Э. ГИБЕРА, Ф. ЛЕМЕРСЬЕ
КАК (ФОТО)ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН:
РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА**

Татьяна Анатольевна Полуэктова, Ирина Геннадьевна Прудюс

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия, poluektova.06@mail.ru, m-i-g@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается пример (фото)графического романа на материале произведения французских авторов Д. Лефевра, Э. Гибера, Ф. Лемерсье «Фотограф» (*Le Photographe*, 2006), где текст, рисунок и фотография являются равнозначными структурно-художественными компонентами. «Фотограф» рассказывает историю одного из авторов книги, Дидье Лефевра, работавшего в качестве военного корреспондента в 1986 году в Афганистане. Выявляется жанровое своеобразие анализируемого произведения, обусловленное в т. ч. и репрезентативностью таких романских подвидов, как автофикциональный роман, исторический роман, биографический роман, документальный роман, роман о военном фотографе и др., взаимодействующих в пределах одного текстового поля. Авторы статьи обращают особое внимание на эксплицитную структурную составляющую «Фотографа» — фотографию, обеспечивающую возможность многочисленных интерпретаций образов и сюжетно-мотивного комплекса произведения. В результате устанавливается, что наряду с графическим изображением и текстом фотография становится одним из основополагающих структурных элементов, которая позволяет авторам воссоздать «субъективную объективность» в осмыслении военных событий в Афганистане: так, с помощью скрещивания нескольких жанровых форм и стратегией документальности, обеспеченной за счет фотографических снимков, они выносят обвинительный приговор войне как враждебной людям и разрушающей человеческие жизни стихии.

Ключевые слова: графический роман, фотография, фото(графический роман), Д. Лефевр, Э. Гибер, Ф. Лемерсье

Для цитирования: Полуэктова Т.А., Прудюс И.Г. «Фотограф» Д. Лефевра, Э. Гибера, Ф. Лемерсье как (фото)графический роман: репрезентативная специфика жанра // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 48—56.

Сегодня со всей уверенностью можно констатировать экспликацию визуального кода в современном литературном процессе. Многообразие визуальных нарративов воплощено в не менее разнообразной жанровой палитре: графический роман (graphic novel), комиксы (comics), фотоэкфрастический роман (photoekphrastic novel), фото-роман (photo-novel) и др. Несмотря на присущую каждому из этих жанров специфику, объединяющей чертой их поэтики является синтез вербального и визуального, выступающий одним из следствий

визуального (иконического) поворота, теоретически осмысленного в трудах У. Дж. Т. Митчелла, Н. Мирзоева, Г. Бёме, М. Нерлиха и др.

Несмотря на значительное количество работ в области «визуальных исследований», вопрос о репрезентативной специфике жанров остается дискуссионным и требующим уточнений. Представляется, что данное исследование, посвященное такой жанровой номинации, как «(фото)графический роман» (“(photo)graphic novel”), в определенной мере восполнит существующий пробел в отечественном литературоведении.

Материалом для исследования является произведение трех французских авторов Дидье Лефевра (Didier Lefèvre, 1957—2007), Эмманюэля Гибера (Emmanuel Guibert, р. 1964) и Фредерика Лемерсье (Frédéric Lemerrier, р. 1962) «Фотограф» (*Le Photographe*, 2006), которое филологи относят к жанру графического романа [Мауо-Schröder; Меркулова, Прудюс 2023] и в котором заметен синтез жанровых форм [Меркулова, Прудюс 2024], что будет рассмотрено нами позже. Важным структурным элементом в данном произведении является фотография, что и позволяет выйти на осмысление (фото)графического романа как отдельной жанровой разновидности¹.

Следует отметить, что единого и устоявшегося определения жанра (фото)графического романа в литературоведении на данный момент не существует. Приведем ряд примеров, в которых предпринимается попытка его теоретического осмысления. Польская исследовательница М. Марковска, оговаривая особую специфику возросшего в последнее время инкорпорирования фотографии в художественный текст, в отличие от, например, живописи или кино, разграничивает два термина — “*photonovel*” и “*photographic novel*” [Markowska]. Последнему термину ею придается более широкое значение, и он определяется как «жанр художественного письма, вдохновленного или сопровождаемого фотографиями» (“It implies a genre of fictional writing inspired or accompanied by photographs”) [Там же: 2]. Этот жанр, по ее мнению, занимает «промежуточное» положение между «фотороманом» (ассоциирующимся с комиксами) и «фототекстом» (где сопоставление изображений и письменного языка выступает неотъемлемой частью повествования) [Там же]. Французский исследователь визуальных нарративов Ж. Баэтэнс использует в качестве синонимов понятия «фотографический роман» и «фотороман» (“the photographic novel, or photonovel as it is also called” [Baetens 2017: 219]), чаще, однако, употребляя последний вариант, “le roman-photo” [Baetens 2015]. Фотороман состоит из нарратива, представленного рядом

¹ В качестве примера (фото)графических романов мы можем привести следующие произведения: Campbell E. *The Fate of the Artist*. NY: First Second, 2006. 96 p.; Christin P., Verdier S. *Orwell : Etonien, flic, prolo, dandy, milicien, journaliste, révolté, romancier, excentrique, socialiste, patriote, jarnidiner, ermite, visionnaire*. Paris: Dargaud, 2019. 160 p.; Gaiman N., McKean D. *The Tragical Comedy or Comical Tragedy of Mr. Punch*. Vertigo/DC Comics, 1995. 96 p.; Kraft R., Dutton D. *Here Comes Kitty: A Comic Opera*. Catskill, NY: Siglio, 2015. 64 p.; Krug N. *Belonging: A German Reckons with History and Home*. New York: Scribner, 2018. 288 p.; McKean D. *Cages*. Kitchen Sink Press, 1998. 496 p.; Quintero I., Peña Z. *Photographic: The Life of Graciela Iturbide*. Los Angeles: Getty, 2018. 96 p.; Riggs R., Jean C. *Miss Peregrine’s Home for Peculiar Children: The Graphic Novel*. NY: Yen Press, 2013. 272 p.; Silady M. *The Homeless Channel*. AiT/ Planet Lar, 2007. 161 p.; Spiegelman A. *The Complete Maus: A Survivor’s Tale*. NY: Pantheon Books, 1992. 296 p.; Talbot B. *Alice in Sunderland*. Milwaukie, OR: Dark Horse Books, 2007. 328 p.; Van Peebles’ M. *Confessions of a Ex-Doofus-Itchyfooted Mutha*. NY: Akashic, 2009. 72 p.

фотографий, дополненных бабблами («комикс-облачками»), где присутствует речь персонажей — сфотографированных людей.

Авторы статьи с уверенностью могут констатировать, что на данный момент отдельных исследований, где бы подробно осмыслялся данный жанр, не существует. При этом факт, что ряд ученых, точечно обращаясь к (фото)графическим романам, отмечает, что «рисунки и текст повествуют, а фотография придает этому повествованию объективность, дополняя ее субъективным взглядом героя/автора» [Barbieri: 729], поскольку именно автор занимается отбором снимков для инкорпорирования их в произведение.

Учитывая терминологическую неустойчивость исследуемого явления, считаем возможным предложить следующую дефиницию: (фото)графический роман относится к фотоиконическому типу прозы и представляет собой результат модификации двух самостоятельных жанров — фоторомана (photo-novel) и графического романа (graphic novel), где три жанровые константы — фотография, рисунок и текст — дополняют друг друга на содержательно-структурном уровне произведения.

Специфика (фото)графического романа заключается, как правило, в равноправном функционировании трех медиа, определяющих его жанровую основу: **фотографии, рисунка и текста**. Фотография в данном случае не становится «дополнением», иллюстрирующим ту или иную мысль, но выступает полноценным структурным элементом, влияющим на структурно-содержательный уровень произведения (так же, как и в графическом романе, текст становится неотделимым от рисунка). Снимки, дополняющие текст и графику, не просто придают документальность истории, делают ее подлинной, но и устанавливают дополнительные связи между всеми структурными элементами, делают художественно изображенную реальность субъективно объективной, а повествование — открытым для возможных интерпретаций.

В (фото)графическом романе связь между текстом, рисунком и фотографией напоминает поэтику коллажа, когда читателю необходимо соотнести эти элементы между собой и подчас включиться в качестве участника в визуальный нарратив, сконструированный автором. Кроме того, фотография в некотором смысле замедляет повествовательное движение: к примеру, пленочные ряды в «Фотографе» заставляют читателя останавливаться, вглядываться в изображения, размышлять, поскольку это прошлое, достоверное событие теперь помещено в его реальность, в категорию настоящего времени. Внедренные в полотно художественного повествования, фотографии влияют на читательское восприятие гораздо больше, нежели они бы просто иллюстрировали новость в СМИ: это не отдельные, отобранные редакцией снимки, но множество фотографий, «рассказывающих» историю параллельно с текстовыми и графическими элементами. Так, именно этот переход из области фотографической эстетики в область эстетики повествовательной позволяет авторам сосредоточить внимание читателя на проблеме осмысления темы войны в современном мире.

Обратимся к анализу произведения «Фотограф» (*Le Photographie*, 2006), жанровая специфика которого позволяет авторам данной статьи определить его как (фото)графический роман.

События книги освещают Афганскую войну (1979—1989) — военный конфликт на территории Республики Афганистан (с 1987 г.) между правительством страны, поддерживаемым советскими войсками (Ограниченным контингентом советских войск в Афганистане или ОКСВА), и вооруженными формированиями афганских моджахедов при военной помощи исламских

государств, КНР и стран НАТО. В отечественной и зарубежной литературе данный военный конфликт исследован с художественной точки зрения довольно широко: это произведения писателей «новой военной прозы» (А. Проханов, О. Ермаков, А. Иванов, М. Евстафьев и др.), беллетристов (Д. Корецкий, В. Тамоников, Х. Хоссейни и др.), документалистов (В. Меримский, А. Ляховский, С. Алексиевич, Р. Брейтвейт и др.) [Поляков, Полякова: 65].

Анализируемое же нами произведение, «Фотограф», невозможно отнести к определенному жанру, поскольку, как мы отмечали ранее, его структура разнородна за счет синкретичности трёх медиа — текста, рисунка и фотографии. Более того, «Фотограф» написан и тремя авторами, каждый из которых отвечал за свою структурную составляющую. В первую очередь, *Le Photographe* — это история одного из авторов графического нарратива, Дидье Лефевра. Во время Афганской войны Франция как одна из стран НАТО оказывала гуманитарную и медицинскую помощь мирным жителям, ставшим невольными участниками или заложниками военного конфликта, посредством работы некоммерческой организации «Врачи без границ» (*MSF — Médecins Sans Frontières*). В 1986 году Лефевр сопровождал представителей MSF из Пакистана в северо-восточный Афганистан в качестве военного фотокорреспондента. Следуя за ним из Пакистана в Афганистан и обратно, читатель становится соучастником путешествия, очевидцем событий, происходивших в период, когда в прессе война в этой стране не освещалась достоверно.

Книга разделена на три части: прибытие Лефевра в Пакистан и подготовка к поездке в Афганистан, знакомство с другой культурой; путешествие в Афганистан и наблюдение за работой *MSF* и жизнью как мирных жителей, так и моджахедов; самостоятельное возвращение Лефевра в Пакистан, представленное почти что в духе настоящего триллера.

Таким образом, Лефевр выступает в первую очередь как сценарист, поскольку на основе его воспоминаний и фотографий оформляется сюжет книги. Кроме того, он становится и автофикциональным персонажем, ведущим за собой читателя. Вернувшись из этой поездки, Лефевр мечтал хоть как-то запечатлеть эту историю, но он потерял дневник, написанный в Афганистане. Однако его друг и, соответственно, второй автор этой книги, французский иллюстратор Эммануэль Гибер, предложил ему воссоздать историю в форме графического нарратива. Лефевр восстановил в памяти ход событий, в том числе благодаря сохранившимся фотографиям, а Гибер помог со сценарием и работал как художник. Третий автор — графический дизайнер и художник-колорист Фредерик Лемерсье — занимался оформлением книги и подбором цветовой составляющей.

Рассмотрим жанровое своеобразие анализируемого произведения, поскольку в «Фотографе» заметно скрещивание нескольких жанровых видов.

В первую очередь, это **биографический роман**, в котором представлена история пребывания в Афганистане фотожурналиста Дидье Лефевра, чьи работы публиковались во многих журналах, включая такие авторитетные издания, как *L'Express* и *Éditions Ouest France*. Помимо Лефевра, его биография перерабатывается сценаристом Эммануэлем Гибером и дополняется рисунками как самого Гибера, так и Фредерика Лемерсье.

Кроме того, это произведение можно обозначить как **автофикциональный роман**, так как мы видим происходящие события с точки зрения автогероя Лефевра. Отметим, что мы не относим «Фотографа» к автобиографическому жанру, рассматриваемому, например, в работе Филиппа Лежена «Автобиографический

пакт» (*Le Pacte autobiographique*, 1975). По его мнению, автобиография должна быть максимально конкретным и правдивым рассказом о своей жизни [Lejeune]. Поэтому определение автофикшна [Pluvinet; Муравьева] нам представляется предпочтительнее, поскольку события в книге переосмыслены автогероем, нередко они переплетаются с его снами или галлюцинациями. Подобная характеристика «Фотографа» (как автофикциональной книги) встречается в работах зарубежных исследователей [Beaty; Busi Rizzi; Egger]. И нарратор в рассматриваемой книге отмечает, что не всегда мог предельно точно восстановить некоторые эпизоды, поэтому фикциональное и автобиографическое начала переплетены между собой.

Таким образом, категория памяти, собственное, субъективное восприятие персонажем действительности становится сюжетно- и композиционно образующим. В послесловии, после смерти Лефевра, Гибер пишет: «Его (Лефевра. — Т. П., И. П.) память, оживленная фотографиями, воссоздает историю, которую вы только что прочитали» [Гибер, Лемерсье, Лефевр: 266]. Отметим, что путевой блокнот, упоминаемый персонажем Лефевра, не сохранился, поэтому все события представлены в преломлении памяти фотографа. Гибер замечает: «Эта рисованная история была бы иной, если бы авторы могли обращаться к этому документу» [Там же: 269]. То есть не конкретный документ, написанный в момент происходивших событий, становится основой графического романа, а только воспоминания Лефевра, его субъективное восприятие действительности и фотографии, которые можно по-разному интерпретировать. А путевой блокнот из способа фиксации конкретных фактов превращается в символ — символ возможности сохранения памяти.

«Фотограф» можно отнести и к **документальному жанру** [Barbieri; Baetens 2017; Moura Aragao; Picado; Miller], предельно точно фиксирующему происходившие события посредством размещения в книге фотографий Лефевра. Цветные фото чередуются с черно-белыми снимками, также часто мы видим негативы, размещенные на разворотах, что придает повествованию определенный ритм, свойственный документальному фильму. Читатель взаимодействует с книгой так, как будто смотрит кино: ему необходимо быстро осмыслить реальные события, представленные в большом объеме. Общеизвестно, что документальный жанр характеризуется ретроспективой — обращением в прошлое, осмысляемое автором, «так называемая архивная составляющая» [Egger: 59]. В анализируемом произведении документальность подчеркивается и графически, к примеру, оформлением фрейма с текстом, который как будто написан на светло-бежевой, выцветшей старой бумаге.

Еще одна жанровая разновидность, синтезирующая все обозначенные выше виды, — это **роман о военном фотографе** [Судленкова; Полуэктова]. Автогерой Лефевра является военным фотокорреспондентом, претерпевающим, по мере своего путешествия, заметную эволюцию, теряет и находит смысл жизни, фиксируя все эпизоды войны в Афганистане вне зависимости от своего к ним отношения: «Шатаюсь от усталости, я думаю “какого черта я здесь делаю?” и вместо ответа, как всегда делаю снимки» [Гибер, Лемерсье, Лефевр: 41]. В переломные для героя моменты фотографии подчеркивают и эволюцию главного персонажа. Так, к примеру, рядом с обозначенной цитатой мы видим ряд фото: сначала это почти полностью черные снимки, на которых только заметны силуэты и едва различимы какие-либо предметы или люди. Затем мы видим четкую фотографию, где представлен мужчина, переходящий перевал в горах вместе с лошадью. Это не Лефевр, а его проводник, но он ведет героя, и

тот преодолевает страх и усталость, чтобы продолжить путь. Таким образом, это как путь героя, проходящего своеобразную инициацию [Прудюс, Шалимова], так и путь любого человека, который должен преодолеть внешне враждебное ему пространство, а внутренне — собственные страхи, чтобы выжить как физически, так и морально и продолжить жить.

Кратко отметим и другие жанровые разновидности, которые можно выделить в этом графическом романе. Так, произведение соответствует канонам **романа становления** и **авантюрного романа**: сюжетообразующим становится мотив пути, герой преодолевает многочисленные трудности и в финале достигает цели. В книге не представлены исключительно страшные военные события, напротив, трагические моменты переплетаются с веселыми и нейтральными эпизодами, изображающими жизнь такой, какая она есть. На указанные жанровидности указывают и интертекстуальные отсылки к роману Р.Л. Стивенсона, который герой читает во время привалов, и к французскому комиксу о репортере Тинтине, с которым автогерой Лефевра себя сравнивает: «Иногда я думаю о Тинтине. Порой невероятное ощущение, что мы идем по его стопам» [Гибер, Лемерсье, Лефевр: 76]. На роман становления указывает и буквальное прохождение персонажем обряда инициации: «Меня подвергают жёсткой инициации, целиком обклеивают скотчем и расстреливают моим же фотоаппаратом» [Там же: 13]. Так, героя предупреждают, что «в гуманитарных миссиях первым приносят в жертву фотографа» [Там же: 15], и он сможет пройти весь путь, только если преодолеет свой страх. В финале автогерой пишет, что именно эта поездка сделала из него фотографа, который больше не испытывает страха перед любыми заданиями. Работа в Афганистане становится основополагающей для его дальнейшей работы фотокорреспондентом, в том числе военным фотографом, так как после этого он возвращался в Афганистан много раз.

На других уровнях прочтения «Фотограф» — это и **социально-психологический** (эволюция главного героя раскрывается в зависимости от его взаимодействия со средой, где он находится), и **исторический**, и **военный роман** (читателю представлены события войны в Афганистане), и **роман дороги**, «графическое путешествие» [Geneix, Guennoc:108].

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать ряд выводов относительно того, что (фото)графический роман «Фотограф» сочетает в себе несколько жанровых разновидностей, чему, безусловно, способствует его структура — сочетание текста, изображения и фотографии, фиксирующей внимание читателя на истории главного героя — военного фотокорреспондента Лефевра, чья жизнь, запечатленная в прямом смысле (в форме фотографии) во время войны в Афганистане, становится предметом художественного осмысления трех авторов. Так, их главной задачей является напоминание о человеческих страданиях и потерях, которые несет с собой война. Повествование Лефевра не только не приукрашивает жизнь мирных жителей в условиях войны или же замалчивает неудобные темы, напротив, сопровождаемое фотографиями как историческими документами, оно показывает правдивость войны, все ее неприглядные стороны. Обвинительный статус фотографии наряду с графикой, выполненной в приглушенных, серо-коричневых и черных тонах, и текстом, репрезентирующим память военного корреспондента, позволяет авторам продемонстрировать свое отношение к любому военному действию как античеловечному и требующему его реального, (фото)графического представления, каким бы «неудобным» оно ни было.

Список источников

Гибер Э., Лемерсье Ф., Лефевр Д. Фотограф / пер. с фр. А. Зайцевой. М.: Бумкнига, 2014. 272 с.

Список литературы / References

- Меркулова М.Г., Прудюс И.Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3379—3385.
- Merkulova M.G., Prudius I.G. Genre of the graphic novel: toward the formulation of the problem (based on modern French-language and English-language texts), *Philology Theory & Practice*, 2023, vol. 16, no. 10, pp. 3379—3385. — In Russ.
- Меркулова М.Г., Прудюс И.Г. Графический роман — адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 6. С. 250—265.
- Merkulova M.G., Prudius I.G. Graphic novel — adaptation: to the definition of subgenre (on the material of French- and English-language texts), *Scientific Dialogue*, 2024, vol. 13, no. 6. pp. 250—265. — In Russ.
- Муравьева Л.Е. Экзофикшн и энактивистские нарративы в современной французской литературе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 30—51.
- Murav'eva L.E. Exofiction and enactivist narratives in modern French literature, *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 30—51. — In Russ.
- Полужктова Т.А. Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, № 4. С. 100—110.
- Poluektova T.A. Phototextuality as a category of poetics of the English novel: the genre representation. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 100—110. — In Russ.
- Поляков О. Ю., Полякова О. А. Афганская война как геополитическая проблема в изображении современных отечественных и зарубежных писателей // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 7. С. 65—69.
- Polyakov O. Y., Polyakova O. A. The war in Afghanistan as a geopolitical problem in the works of modern Russian and foreign writers. *Bulletin of Vyatka State University*, 2016, no. 7, pp. 65—69. — In Russ.
- Прудюс И.Г., Шалимова Н.С. Черты романа инициации в биографическом графическом романе Пьера Кристиена и Себастьяна Вердые «Оруэлл» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 3. С. 762—767.
- Prudius I.G., Shalimova N.S. The features of the initiation novel in the P. Christen and S. Verdier's biographical graphic novel 'Orwell', *Philology Theory & Practice*, 2024, no. 3, pp. 762—767. — In Russ.
- Судленкова О.А. Этическая проблематика романа о фотографe // Английская поэзия романтизма и современная проза: статьи разных лет. Минск: МГЛУ, 2015. С. 103—107.
- Sudlenkova O.A. Ethical Problems of the Novel about the Photographer, *English Romantic Poetry and Modern Prose*, Minsk, 2015, pp. 103—107. — In Russ.
- Baetens J. Pour le roman photo, Bruxelles: Les Impressions nouvelles, 2017, 256 p.
- Baetens J. The Photographic Novel, *Handbook of Intermediality*, ed. By G. Rippl, Berlin: De Gruyter, 2015, pp. 219—239.
- Barbieri D. Documentar un documento histórico. Modalidades diferentes de comunicación en “Le Photographe”, de Guibert Lefèvre, *Signa Revista de la Asociación Española de Semiótica*, 2017, no. 26, pp. 729—737.

- Beaty B. *Le Photographe*, vol. 3: Emmanuel Guibert, *The comics reporter*, 2006. URL: <https://www.comicsreporter.com/index.php/briefings/eurocomics/7106/> (accessed: 30.11.2024).
- Busi Rizzi G. Always at home in the past. Exploring nostalgia in the graphic novel, *Dottorato di ricerca in letterature classiche, moderne, comparate e postcoloniali*, Bologna: Università di Bologna, 2018, 376 p.
- Egger B. Archives and Oral History in Emmanuel Guibert's "Le Photographe", *Comics Memory. Palgrave Studies in Comics and Graphic Novels*, ed. by Ahmed M., Crucifix B., 2018, London: Palgrave Macmillan, Cham, pp. 59—78.
- Geneix N., Guennoc J.-F. *Le Photographe au défi de la BD*, *Communication & Langages*, 2011, 167, pp. 107—122.
- Groensteen T. *La bande dessinée: une littérature graphique*. Toulouse; Milan: Les Essentiels Milan, 2005, 63 p.
- Lejeune P. *Le Pacte autobiographique*, Paris: Seuil, 1975, 357 p.
- Markowska M. Writing-through-photographs, *Iris*, 2012, vol. 1. URL: http://www.irisjournal.org/journal/issue_1/Authors_liars.pdf (accessed: 23.11.2024).
- Maruo-Schröder N. Framing War. Teaching (with) the Graphic Novel "The Photographer", *Anglistik*, 2018, vol. 29, iss. 1, pp. 87—101.
- Miller A. Citizenship and city spaces: Bande dessinée as reportage, *History and politics in French-language comics and graphic novels*, Jackson: University Press of Mississippi, 2008, pp. 97—116.
- Moura Aragao S. La imagen y el texto en *Le Photographe*: una reflexión sobre fotoperiodismo, cómics y traducción, *TransculturAl. A Journal of Translation and Cultural Studies*, 2016, vol. 8.2, pp. 128—153.
- Picado B. Aspects of visual discursivity in graphic journalism: narrative enunciation and visual witness in "Le Photographe", *Brazilian Journalism Research*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 174—197.
- Pluvinet C. *Fictions en quête d'auteur*, Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012, 314 p.

D. LEFÈVRE, E. GUIBERT, F. LEMERCIER'S "LE PHOTOGRAPHE" AS A (PHOTO)GRAPHIC NOVEL: REPRESENTATIVE SPECIFICITY OF THE GENRE

Tatiana A. Poluektova, Irina G. Prudius

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk,
Russian Federation, poluektova.06@mail.ru, m-i-g@yandex.ru

Abstract. The article considers an example of a (photo)graphic novel based on the work of French authors D. Lefèvre, E. Guibert and F. Lemercier "The Photographer" (*Le Photographe*, 2006) in which text, drawing and photography are equivalent structural-artistic components. "The Photographer" tells the story of one of the book's authors, Didier Lefèvre, who worked as a war correspondent in 1986 in Afghanistan. The genre uniqueness of the analysed work is conditioned by the representation of such novel subgenres as the autofictional novel, historical novel, biographical novel, documentary novel, novel about a war photographer, etc., which interact within the same textual field. The authors of the article pay special attention to the explicit structural component of "Le Photographe", which is a photo that provides the possibility of multiple interpretations of the images and the narrative-motivational complex of the work. The study reveals that along with the graphic image and text, the photo becomes one of the fundamental structural elements that allows authors to recreate "subjective objectivity" in comprehending the military events in Afghanistan. Through the crossing of several genre forms and the strategy of documentary provided

by photographic images, the writers deliver an indictment of war as an element which is hostile to people and destructive to human lives.

Keywords: graphic novel, photography, (photo)graphic novel, “Le Photographie”, D. Lefèvre, E. Guibert, F. Lemercier

For citation: Poluektova T.A., Prudius I.G. D. Lefèvre, E. Guibert, F. Lemercier’s “Le Photographie” as a (photo)graphic novel: representative specificity of the genre, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 48—56.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Полуэктова Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, poluektova.06@mail.ru, SPIN: 2450-2611

Poluektova Tatiana Anatolievna — Candidate of sciences (Philology), assistant professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation, poluektova.06@mail.ru

Прудиус Ирина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, m-i-g@yandex.ru, SPIN: 2570-7182

Prudius Irina Gennadyevna — Candidate of sciences (Philology), assistant professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation, m-i-g@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 57—64.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 57—64.

Научная статья

УДК 81'25

EDN <https://elibrary.ru/gxnnrc>

DOI: 10.46726/H.2025.2.6

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

РУССКОГО СЛОВА *ЕЩЁ* НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

(на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Марина Владимировна Зимина, Светлана Игоревна Москалева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

m_zimina@mail.ru, svet.moskaleva@mail.ru

Аннотация. В данной статье на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на немецкий язык, выполненного Р. Шредером, рассматриваются способы перевода русского слова «ещё» на немецкий язык. В ходе исследования выявляется частеречная принадлежность данной лексической единицы. Все случаи употребления в романе лексемы *ещё* делятся на три группы: наречие, частица и союз *ещё*, которые могут выступать в разных значениях. Рассматриваются случаи, когда исходная часть речи при переводе заменяется на другую. Одним из результатов исследования является определение наиболее частотных способов перевода слова *ещё* на немецкий язык, а именно использование при переводе логических частиц *noch* и *schon*. Наряду с дословным переводом описываются также переводческие трансформации, связанные с заменой данной лексемы на другие лексические единицы. Особо отмечаются случаи опущения слова *ещё* при переводе, что может вести к потере его адекватности и эквивалентности, а также к утрате реализуемых с помощью слова *ещё* значений и их оттенков, и влиять на правильность передачи коммуникативных намерений автора.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, наречие «ещё», частица «ещё», союз «ещё», немецкий язык

Для цитирования: Зимина М.В., Москалева С.И. Особенности перевода русского слова *ещё* на немецкий язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 57—64.

© Зимина М.В., Москалева С.И., 2025

Перевод как один из видов человеческой деятельности играет большую роль в культурном развитии человечества. Именно благодаря переводу люди знакомятся с культурой, историей и научными достижениями других народов.

Важным вопросом переводоведения является вопрос об определении перевода. Подавляющее большинство определений сходятся на том, что перевод — это процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении относительно неизменного содержания.

Существуют разные точки зрения ученых по поводу того, что представляет собой перевод. Так, Л.К. Латышев и В.Н. Комиссаров определяют перевод как вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале, т. е. текст перевода и оригинала признаются коммуникативно равноценными — способными выполнять одну и ту же функцию в разных условиях коммуникации. По мнению Л.К. Латышева, «перевод предназначен обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной одноязычной коммуникации» [Латышев: 15]. С точки зрения И.С. Алексеевой, перевод — это «деятельность, которая заключается в вариативном переизложении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком» [Алексеева: 7]. В.С. Виноградов рассматривает перевод как «вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации, выраженных в устном и письменном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом языке» [Виноградов: 11]. Суммируя разные точки зрения, Н.К. Гарбовский дает следующее определение: «перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т. е. максимально полной, но всегда частичной передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский: 22].

Данный краткий анализ определений позволяет выделить основные параметры переводческой деятельности: опосредованность; эквивалентность текстов оригинала и перевода; общественную значимость перевода и его знаковую природу.

Продукт переводческой деятельности, предмет потребности, удовлетворяемой переводом, есть создаваемый переводчиком текст, который должен:

- быть эквивалентным исходному тексту в коммуникативно-эмоциональном отношении;
- быть в максимально возможной мере семантико-структурным аналогом исходного текста;
- не содержать компенсирующих отклонений от исходного текста, выходящих за пределы допустимой меры переводческих преобразований [Латышев: 35].

Базовым понятием переводческой теории является понятие эквивалентности. Когда говорят, что фраза на исходном языке и её перевод эквивалентны друг другу, имеется в виду прежде всего их семантическая эквивалентность, т. е. соотносённость с одной и той же предметной ситуацией. Для достижения

семантической эквивалентности требуются разнообразные переводческие преобразования (трансформации или замены).

Как и переводческие действия, переводческие приемы распадаются на два класса: подстановки и трансформации. С подстановками мы имеем дело, когда отрезок текста переведен «слово в слово», а трансформации — это тот случай, когда перевод в более или менее существенной степени удаляется от оригинала.

В переводоведении существует множество классификаций видов переводческих трансформаций, но все они делятся на три основные группы: лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации.

Некоторые лингвисты рассматривают грамматические трансформации (грамматические замены) как способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определённого типа.

Суть лексических трансформаций заключается в перевыражении исходного содержания неадекватными лексическими средствами переводного языка, т. е. такими средствами, которые как единицы лексической системы языка перевода не эквивалентны использованным средствам исходного языка.

Лексико-грамматические трансформации сочетают в себе преобразования как на уровне грамматики, так и на уровне лексики.

Таким образом, переводческие трансформации должны способствовать достижению эквивалентного соответствия текста перевода оригиналу в лингвистическом отношении.

Однако такой особый вид перевода, как перевод произведений художественной литературы, должен характеризоваться эквивалентностью не только с лингвистической, но и с эстетической, художественной точки зрения. Художественный перевод считается одним из самых сложных видов письменного перевода, поскольку задача переводчика состоит в воссоздании оригинального художественного текста на языке перевода. При этом личность самого переводчика, его мировосприятие, стиль и манера изложения играют не последнюю роль в этом творческом процессе. Главным критерием оценки художественного перевода является не только сохранение смыслового содержания оригинала, но и сохранение общей стилистики произведения и неповторимости языка писателя, поскольку «художественные тексты отражают языковую и национальную картину мира как отдельного человека (автора), так и в целом народа, говорящего на данном языке» [Алимова: 47].

Важное значение, в том числе и при переводе художественных текстов, имеет передача с одного языка на другой многофункциональных слов, относящихся к разным частям речи, имеющих множество значений и участвующих в реализации художественного замысла автора.

Одним из таких многофункциональных слов является русское слово *ещё*, которое в данной работе рассматривается на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», переведённого на немецкий язык. Слово *ещё*, случаи употребления которого были выявлены методом сплошной выборки (235 случаев употребления), может быть наречием, частицей, а также союзом.

В толковых словарях выделяют следующие значения слова *ещё*, относящегося к разным частям речи [Ожегов, Шведова: 188; Словарь русского языка: 315]:

— ***ещё как наречие***: 1. Опять, в добавление (Приходи ещё). 2. Уже, в прошлом (Уехал ещё неделю назад). 3. До сих пор, пока (Ещё не приходил). 4. Указывает на наличие достаточного времени, условий для чего-нибудь (Ещё успею на поезд). 5. В большей степени, при сравнительной степени (Ещё добрее).

— **ещё как частица**: 1. Употребляется в сочетании с местоименными словами *как, какой* для обозначения высокой степени признака, его исключительности (Хитрец он, ещё какой хитрец!). 2. В сочетании с некоторыми местоименными наречиями выражает грубоватое недовольство (Поговори с ним. — Зачем ещё?). 3. В сочетании с местоименными наречиями *где, куда, когда* и некоторыми другими выражает неопределенность в отдаленном будущем (Куда ещё закинет его судьба?). 4. Употребляется для напоминания, отнесения к известному (Ты его знаешь: ещё рыжий, высокий такой).

— **ещё в качестве союза**: 1. Выражает несоответствие. Грубишь, а ещё отличник. 2. Ещё бы: 1) конечно, безусловно (Пойдешь с нами? — Ещё бы!); 2) выражение осуждения (было бы нехорошо, если бы) (Ещё бы он посмел отказать!). 3. Ещё и (а ещё и, да ещё и, и ещё) выражает присоединение, добавление в значении «и к тому же» (Не пойду: устал, да ещё и дождик). 4. Ещё ничего, можно терпеть, принять (по сравнению с чем-н. худшим), указывает на соотносительность с чем-либо (Холод — это ещё ничего).

Рассмотрим, каким образом будет переводиться слово *ещё* в романе «Мастер и Маргарита» на немецкий язык. При этом необходимо отметить, что выбор способа перевода зависит от частеречной принадлежности данной языковой единицы.

В исследуемом романе слово *ещё* встречается в функции наречия и частицы во всех перечисленных значениях, кроме значений 'неопределенность в отдаленном будущем' и 'напоминание, отнесение к известному'. Как союз слово «ещё» проявляет в данном художественном произведении значение 'присоединение, и к тому же'.

Наиболее частотным (108 примеров) является употребление слова *ещё* в функции наречия с добавительным значением. В большинстве случаев наречие *ещё* переводится на немецкий язык дословно с помощью логической частицы «noch», имеющей добавительное значение. Например, *Опять освещенная магистраль — улица Кропоткина, потом переулок, потом Остоженка и ещё переулок, унылый, гадкий и скупо освещенный.* — *Wieder eine hellbeleuchtete Magistrale, die Kropotkin-Straße, dann eine Gasse, die Ostoshenka und noch eine Gasse, erbärmlich, häßlich und spärlich beleuchtet*.*

В ряде случаев наблюдается несовпадение частеречной принадлежности примыкаемого к наречию «ещё» слова и ядерного элемента немецкой логической частицы «noch». Этот факт иллюстрирует следующий пример: *Я вижу, что количество публики к третьему отделению ещё увеличилось.* — *Ich sehe, zur dritten Abteilung sind noch mehr Zuschauer gekommen.* В тексте перевода имеет место грамматическая трансформация: в оригинале наречие *ещё* относилось к глаголу, а в тексте перевода логическая частица «noch» выделяет в качестве ядерного элемента наречие «viel» в сравнительной степени «mehr», что не искажает смысл оригинального текста (в тексте перевода автор акцентирует внимание на том, что к третьему отделению появилось большее количество зрителей), однако влияет на тема-рематическое членение высказывания.

Словосочетание *ещё раз*, имеющее также добавительное значение, переводится на немецкий язык с помощью наречия «nochmals», что позволяет

* Здесь и далее текст романа приводится по изданиям: Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 1984. 213 с.; Bulgakow M.A. Der Meister und Margarita (Übersetzung von R. Schröder). Leipzig, 1974. 266 S.

говорить о том, что перевод приобретает клишированный характер: *Он позвонил ещё раз и ещё раз и начал ворчать и тихонько ругаться.* — *Der füllige Nikanor Iwanowitsch verschnaufte auf dem Treppenabsatz, dann läutete er, doch niemand öffnete. Er läutete nochmals und nochmals und knurrte leise Flüche vor sich hin.*

Слово *ещё* в функции временного наречия со значением 'пока, до сих пор' было выявлено в романе в 39 случаях. Как правило, слово *ещё* при этом переводится на немецкий язык с помощью логической частицы «noch», выделяющей в качестве ядерного элемента ту или иную лексическую единицу. Например: *Сквозь редкие и ещё слабо покрытые зеленью ветви клена он увидел луну, бегущую в прозрачном облачке.* — *Durch die noch spärlich mit Grün bedeckten Ahornzweige erblickte er den Mond, der eine dünne Wolke durchheilte.*

Однако в ряде случаев, как и в ситуациях с добавительным наречием, при переводе на немецкий язык логическая частица «noch» выделяет в качестве ядерного элемента другую лексему, отличную от примыкаемого к временному наречию слова в оригинале (например, глагол — существительное): *Пуллат ещё придержал тишину, а потом начал выкрикивать ...* — *Ein Weilchen noch zog er die Stille in die Länge, dann schrie er ...* В исходном тексте указывается на продолжающееся до сих пор действие, а в тексте перевода логическая частица «noch» имеет добавительное значение (*ещё* какое-то время), но за счёт темпоральной семантики существительного «Weilchen» временное значение при переводе сохраняется.

Следующим по частотности употребления было отмечено наречие *ещё* при сравнительной степени прилагательного (28 примеров). В большинстве случаев имеет место дословный перевод на немецкий язык с помощью частицы «noch», выражающей большую степень того или иного признака: *Ну, будет другой редактор и даже, может быть, ещё красноречивее прежнего.* — *Sie werden einen anderen Chefredakteur einsetzen, und der wird vielleicht noch redgewandter sein als der bisherige!*

Следующим по частотности употребления является временное наречие *ещё*, иллюстрирующее значение 'уже, в прошлом' (12 примеров). Основным способом перевода данного наречия на немецкий язык выступает дословный перевод с помощью логической частицы «noch»: *Ещё два года тому назад владелицей её была вдова ювелира де Фужере.* — *Noch vor zwei Jahren hatte sie der Witwe des Juweliers de Fougere gehört.*

В редких случаях временное наречие *ещё* заменяется при переводе на немецкий язык логическими частицей «schon» (уже): *Ты, Иван, — говорил Берлиоз, — очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что ещё до Иисуса родился ещё ряд сынов божьих, как, скажем, фригийский Аммис ...* — *“Du, Iwan, hast zum Beispiel die Geburt von Jesus, dem Sohn Gottes, sehr schön und satirisch dargestellt”, sagte Berlioz, “aber das Pikante ist doch, daß vor Jesus schon eine ganze Reihe von Gottessöhnen geboren wurden, etwa der phrygische Attis...”. При таком способе перевода сохраняется временное значение и актуализируется сема «давно».*

Временное значение 'наличие достаточного времени' наречие *ещё* иллюстрирует лишь в некоторых ситуациях (4 примера), что в немецком языке отражается при помощи дословного перевода: *Сегодня душно, где-то идет гроза, — отозвался Каифа, не сводя глаз с покрасневшего лица прокуратора и предвидя все муки, которые ещё предстоят.* — *“Es ist schwül, wir werden ein Gewitter bekommen”, antwortete Kaiphas, der kein Auge vom geröteten Gesicht des Prokurators ließ und alle Qualen voraussah, die noch bevorstanden.*

В функции частицы слово *ещё* имеет в романе несколько значений, самым частотным из которых выступает значение 'грубоватое недовольство' (8 примеров). Кроме дословного перевода с помощью немецкой частицы «noch» было отмечено усиление экспрессивности с помощью частицы «gerade» и замена частицы «noch» частицей «schon»: *Этого ещё неоставало!* — *Ach du Donner! durchfuhr es ihn. Das hat mir gerade noch gefehlt!*; *Что вам ещё?* — спросила его проклятая Гелла. — *“Was wollt Ihr schon wieder?” fragte ihn die verfluchte Gella.*

Как временное наречие слово *ещё* может также проявлять значение 'опять, в добавление' (6 примеров). В большинстве случаев имеет место дословный перевод с помощью немецкой частицы «noch»: *Вот опять наверху открыли дверь. Ну что же, подождём ещё...* — *Na schön, warten wir noch ...*

В немецком языке добавительное временное значение может также выражаться с помощью сравнительной степени «weiter» (далее), указывающей на продолжение какого-либо действия: *К чести Аннушки надо сказать, что она была любознательна и решила ещё подождать, не будет ли каких новых чудес.* — *Zu Annuschkas Ehre sei gesagt, daß sie wißbegierig war und den Entschluß faßte, weiter zu warten, ob sich nicht noch mehr Wunder ereigneten.*

Частица *ещё*, актуализирующая значение 'сравнение с чем-то худшим', встречается в романе довольно редко (3 примера). Во всех случаях было выявлено опущение при переводе на немецкий язык самой частицы и/или компенсация экспрессивности высказывания за счет использования частицы «ja»: *Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды.* — *Ja, der Mensch ist sterblich, das bestreitet ja auch niemand.*

Такие значения частицы *ещё*, как 'высокая степень признака' и 'конечно, безусловно', имеют место лишь в двух примерах, иллюстрирующих опущение частицы при переводе на немецкий язык.

В качестве союза со значением 'присоединение, и к тому же' слово *ещё* выступает в исследуемом романе в 25 случаях. При переводе на немецкий язык наряду с частицей «noch» используются также союзы «und» (и), «auch» (также), местоименное наречие «dazu» (к тому же) с целью усиления указанного значения: *Наличность какого-то иностранца, да ещё с переводчиком, в этой квартире явилась для него совершеннейшим сюрпризом, и он потребовал объяснений.* — *Die Anwesenheit eines Ausländers in dieser Wohnung, noch dazu mit Dolmetscher, überraschte ihn völlig, und er heischte Erklärungen.*

В некоторых ситуациях присоединительное значение союза *ещё* выражается в немецком языке с помощью союзов «außerdem» (кроме того), «auch» (также, тоже) и предлога «samt» (вместе с тем): *Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, — недружелюбно насупившись, проговорил кот, — и ещё считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное.* — *“Ich mach keine Dummheiten, ich tu keinem was, ich repariere den Primuskocher”, sagte der Kater und runzelte unfreundlich die Stirn, “außerdem halte ich es für meine Pflicht, darauf hinzuweisen, daß der Kater ein uraltes und unantastbares Tier ist”.*

Таким образом, в ходе анализа способов перевода на немецкий язык слова *ещё* в романе «Мастер и Маргарита» было установлено, что самым частотным способом перевода является использование логической частицы «noch». Кроме того, наречие и частица «ещё» могут переводиться с помощью логической частицы «schon». При переводе союза «ещё» были использованы союзы «und», «auch», «außerdem», местоименное наречие «dazu» и предлог «samt». Будучи наречием, частицей или союзом, исследуемая лексическая единица в некоторых случаях опускается. Подобный способ перевода следует считать неадекватным вследствие утраты значений и их оттенков, передаваемых автором в произведении с помощью слова *ещё*.

Список литературы / References

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. 352 с.
(Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies, St. Petersburg, 2004, 352 p. — In Russ.)
- Алимова М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М. В. Алимова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 47—52.
(Alimova M.V. Features and main criteria of literary text translation, *VESTNIK RUDN. Seriya "Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya"*, 2012, no. 2, pp. 47—52. — In Russ.)
- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2000. 224 с.
(Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies (general and lexical issues), Moscow, 2000, 224 p. — In Russ.)
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
(Garbovskij N. K. Translation theory, Moscow, 2007, 544 p. — In Russ.)
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
(Komissarov V.N. Translation theory (Linguistic aspects), Moscow, 1990, 253 p. — In Russ.)
- Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М., 1988. 160 с.
(Latyshev L.K. Translation: problems of theory, practice, and teaching methodology, Moscow, 1988, 160 p. — In Russ.)
- Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М., 2000. 280 с.
(Latyshev L.K. Translation Technology: A Textbook for Students of Linguistics, Universities, and Faculties, Moscow, 2000, 280 p. — In Russ.)
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
(Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions, Moscow, 1999, 944 p. — In Russ.)
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 4. 797 с.
(Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, ed. by A.P. Evgenyeva, 4th ed., Moscow, 1999, vol. 4, 797 p. — In Russ.)

**FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE RUSSIAN WORD
STILL INTO GERMAN (based on the material of the novel
by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita")**

Marina V. Zimina, Svetlana I. Moskaleva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
m_zimina@mail.ru, svet.moskaleva@mail.ru

Abstract. This article examines the ways of translating the Russian word "still" into German based on the material of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" and its translation into German by R. Schroeder. In the course of the study, the partial belonging of this lexical unit is revealed. All cases of the use of the lexeme "more" in the novel are divided into three groups: an adverb, a particle and the conjunction "still", which can act in different meanings. Cases are considered when the original part of speech is replaced by another during translation. One of the results of the study is to determine the most frequent ways of translating a word into German, namely the use of logical particles noch and schon in translation. Along with the literal translation, the translation transformations associated with the replacement of this lexeme with other lexical units are also described. Cases of

omission of the word “still” in translation are particularly noted, which can lead to a loss of its adequacy and equivalence, as well as to the loss of meanings and their shades realized with the help of the word more and affect the correctness of the transmission of the author's communicative intentions.

Keywords: translation, literary translation, adverb “still”, particle “still”, conjunction “still”, German

For citation: Zimina M.V., Moskaleva S.I. Features of the translation of the Russian word *still* into German (based on the material of the novel by M.A. Bulgakov “The Master and Margarita”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 57—64.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Зими́на Мари́на Влади́мировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, m_zimina@mail.ru, SPIN: 5858-6900

Zimina Marina Vladimirovna — Candidate of sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, m_zimina@mail.ru

Моска́лева Светла́на Игоре́вна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, svet.moskaleva@mail.ru, SPIN: 4191-3194

Moskaleva Svetlana Igorevna — Candidate of sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, svet.moskaleva@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 65—71.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 65—71.

Научная статья

УДК 821.161.1-31+81'372

EDN <https://elibrary.ru/fwjvlp>

DOI: 10.46726/И.2025.2.7

ЭПИТЕТАЦИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,

г. Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики эпитетации имен собственных в поэзии Марины Цветаевой. В работе устанавливается, что ориентированное на качественную характеристику имя собственное в результате эпитетации предстает как семиотический центр высказывания. Стратегии и направления эпитетации в поэтических текстах М. Цветаевой предстают в виде реализации модели постоянного обновления языка, поиска способов авторского объяснения семантики имени собственного. Обращается внимание на субъективную значимость для поэта имен собственных, что влияет как на их состав, так и на мотивацию ассоциирования признаков, связанных с ними. В статье представлен обзор основных направлений эпитетации имен собственных, а также их языковая репрезентация. Отмечается, что в поэтических текстах М. Цветаевой актуализация имени собственного посредством его особой эпитетации вербализуется как структурными способами (кольцевой эпитет, повтор эпитетов, построение цепочек определений, обращения и др.), так и семантическими (подбор эпитетов-паронимов, игра со смыслами имени собственного). Делается вывод о том, что эпитетация предстает одним из основных способов поиска и актуализации необходимого смысла в поэзии М. Цветаевой и принципом поэтического мышления поэта в целом.

Ключевые слова: идиостиль, эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, имя собственное, М. Цветаева

Для цитирования: Губанов С.А. Эпитетация имени собственного в поэзии М. Цветаевой // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 65—71.

Вопрос о лингвистическом статусе имен собственных остается спорным по сей день. Ученые отмечают специфику их семантики за счет номинации ими уникальных объектов. С одной стороны, номинация объектов реальности является одной из основных функций любого языкового знака. С другой стороны, удобство использования языкового кода приводит к серийности употребления языковых единиц, которые осмысляются в качестве меток объектов, компактно отражающих эти объекты. Дополнительные значения, связанные со спецификой их осмысления, такие как коннотативные, эмотивные и другие, реализуются иными способами, структурно или семантически модифицируя языковую единицу.

Относительно имен собственных высказывается мнение о том, что они не имеют собственного значения: «общее свойство всех собственных имен состоит в том, что <...> они <...> никаких понятий не выражают. Собственные имена гипертрофированно номинативны: они призваны называть, в этом их

© Губанов С.А., 2025

назначение» [Реформатский: 39]. Стоит отметить, что данная позиция нуждается в уточнении, что и было неоднократно сделано: имя собственное, выполняя номинативную функцию, характеризует объект, выражает его яркое, главное качество; по этой причине его семантика сложнее и не сводится исключительно к номинации. Это хорошо проявляется при переводе имен собственных, когда культурологическая составляющая их семантики нуждается в комментировании, уточнении [Ballard]. Вновь противоречивость проблемы статуса имен собственных заявляет о себе: известные всем носителям языка в той или иной культуре, будучи прецедентными, они могут быть неузнанными в другой культуре или иметь иной оценочный и ассоциативный ореол [Есакова, Кольцова].

Обратим внимание на специфику понятия эпитетации. Под ней понимается процесс наделения признаком, атрибутизация явления. При широком понимании эпитетации это наведение признака на объект с целью его полной, объемной или контекстуально значимой характеристики. Отметим, что эпитетация как когнитивно-вербальный процесс отражает познание субъектом реального мира, его небезразличие к этому миру, заинтересованность в постоянном обновлении своей картины мира с помощью переозначивания сущностных свойств объектов.

Эпитетация вербально выражается в такой языковой единице, как эпитетный комплекс, содержащий компонент-определитель и определение. При анализе эпитета было выявлено, что его модификации, конфигурации в различных языках имеют специфику в зависимости от дискурса употребления, авторской интенции, строя языка [Арнольд; Булахова, Сквородников]. Когнитивный подход к эпитетации подразумевает анализ тех признаков ментальных пространств обоих компонентов эпитетного комплекса, которые при взаимодействии друг с другом взаимообогащаются, обмениваются свойствами, осмысливаются «на языке» одной из составляющих комплекса.

В настоящей работе эпитетация рассматривается как когнитивно-семантический процесс временного блендирования признаков двух ментальных сфер, порождающего новый образ. Анализ эпитетации позволяет выявить концепты, актуальные для признакового осмысления автором текста, а значит, центральные для всей его картины мира в силу миромоделирующей функции эпитетации; с другой стороны, признаковые слова данного смысла, распространяющие свойства на смежные или сходные, по мысли автора, концепты, свидетельствуют о существовании глобальной логики окачества сущности (например, эпитетация любви и эпитет *любовный*; эпитетация сна и эпитет *сонный*) [Губанов 2024; Губанов 2024a].

Признаковая вербализация эпитетации представлена корпусом различных слов атрибутивной семантики, главным образом прилагательным или сводимой к нему другой частью речи (местоимением-прилагательным или порядковым числительным, причастной формой глагола и т. д.). Пластичность семантики прилагательного предусматривает его разнообразное семантическое варьирование в рамках ситуативного, контекстуального словоупотребления, основанного на метонимических и метафорических преобразованиях [Виноградова].

В языке художественной литературы употребление имен собственных имеет свою специфику: помимо номинации уникального объекта, они выполняют, как правило, символическую, поэтическую функцию. Ассоциативный ореол имен собственных порождает аллюзии на тексты, в которых они были ранее упомянуты, они ассоциируются с воспоминаниями и биографией автора, отражают культурный, читательский опыт. Эпитетация имен собственных

представляет собой двойную качественную характеристику объекта: вначале средством самого имени собственного выбирается уникальный признак, положенный в его основу, затем эпитет подчеркивает его или расширяет набор значимых свойств.

Об эпитетации М. Цветаевой сказано немало. Одним из примеров того, насколько важен был для поэта подбор эпитета, говорит следующая цитата из ее прозы, содержащая размышление поэта над подбором А.С. Пушкиным эпитета *могучий* к слову *страсть*: *Могучей страстью, да еще очарован. Зачарованность мощью. Непредвиденность эпитета могучей и страсти и непредвиденность понятия очарованности мощью. (Непредвиден не только словоряд, но и смысловой ряд.) Страсть: жаркая, неистовая, роковая и пр., и пр., ни у кого: могучая, очарованность красотой, грацией, слабостью, никогда: мощью* [Цветаева 4: 97].

Сущность лингвистических метаморфоз многократно осмысливается поэтом, что находит отражение в его прозе: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи — уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* [Цветаева 5: 407].

Целью данной статьи является описание способов и принципов конструирования кратких форм признаков слов в составе эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты М. Цветаевой. Основным источником материала является Собрание сочинений поэта в 7 томах [Цветаева], а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой [Словарь]. Объем выборки составил 600 единиц, включающих имена собственные с характеризующим их эпитетным словом, в поэтическом творчестве М. Цветаевой.

Основной методикой при проведении исследования является метод сплошной выборки из вышеуказанных источников, а также методы стилистического анализа текста, когнитивного анализа лексических единиц, статистического, количественного анализа частотности употребления лексем в составе идиостиля поэта.

Творческий почерк М. Цветаевой достаточно хорошо изучен, однако остается немало проблемных участков ее идиостиля. В работах классиков цветаяведов-лингвистов уделено внимание и исследованию эпитетных слов, атрибутивности, однако системного анализа признаков лексикой еще не дано [Зубова; Ревзина 1996].

Изучение имен собственных в творчестве М. Цветаевой имеет свою историю. О.Г. Ревзина посвятила специальную работу специфике осмысления поэтом имен собственных [Ревзина 1991]. Исследование известного цветаяведа показало, что в поэтическом идиолексиконе М. Цветаевой насчитывается около 800 имен собственных, среди которых представлены как те имена, которые номинируют синхронный срез времени жизни поэта, так и русскую, европейскую культуру, а также библейскую, античную, славянскую мифологию и фольклор. Она дает характеристику специфике осмысления М. Цветаевой имен собственных, репрезентируемой в ее идиолекте, к которой относит такие особенности, как паронимическая аттракция, ассоциативность, объяснение семантики слова, его обновление и др. [Ревзина 1991]. Как известно, многие топонимы были связаны с биографией поэта, поэтому личные ассоциации играют ключевую роль в их осмыслении.

В поэзии М. Цветаевой имя собственное всегда значимо: это смысловой центр высказывания. Разнообразие собственных номинаций обусловлено темами, мотивами творчества, проблематикой, увлечением поэта античной мифологической традицией, общением с кругом лиц, близкими местами, где он жил. Таким образом, условно можно разделить данные номинации на антропонимы и топонимы. По данным словаря поэтического языка Марины Цветаевой, наиболее упоминаемыми антропонимами являются те, кому посвящены циклы стихотворений, пьесы, поэмы; среди них Казанова (51 упоминание), Егор (48), Амур (35), Лозэн (29), Аврора (26), Федра (26), а также Тезей, Христос, Ариадна, Афродита, Ипполит, Пушкин и др. Функционирование собственных имен в поэтическом идиолекте М. Цветаевой репрезентируется различными типами смыслового наполнения имени, варьированием признаков, подчеркнутой эпитетацией, актуализацией как общеизвестных ассоциаций, так и привнесением новых смыслов. Топонимы чаще имеют ассоциативное поле традиционного характера: это связанные с Россией имена Москва (49 упоминаний), Россия (27) и Русь (28), Кремль (23), а также наименования зарубежных мест, городов, в которых жил поэт или где происходит действие произведений (Гаммельн, Париж, Богемия) [Словарь: 627—730].

В рамках заявленной темы эпитетации имен собственных в поэзии М. Цветаевой и механизмов ее вербализации остановимся на основных *стратегиях эпитетации* и моделях их репрезентации. К стратегиям эпитетации относим направления осмысления семантики собственных имен. Первой из них признаем *стратегию когнитивной проверки* собственного имени на свое значение, что приводит к уточнению, детализации семантики, обнажается потребность в определении, эпитетации имени. Второй, связанной с первой, стратегией эпитетации считаем своеобразную *игру в ассоциации*, переосмысление имени. Такая двойная качественность имени, заложенная в нем самом и приобретаемая в контексте, делает эпитетацию своеобразным центральным механизмом смыслообразования, «лакмусовой бумажкой» при манифестации объекта, обнажая когнитивный процесс означивания имени.

В текстах поэта предстают именно стратегии *развития* атрибутивности, что иногда именуется аппликацией, паронимической аттракцией и другими приемами, однако, на наш взгляд, это не просто приемы, а *принцип эпитетного письма когнитивного характера, своеобразный когнитивный идиостиль*.

Рассмотрим некоторые вербальные механизмы развития атрибутивности собственных имен в поэзии М. Цветаевой.

1. Аппозитивизация: употребление через дефис с именем собственным другого имени-определения, выраженного субстантивным словом. Это обнажение самой сути эпитетации, при которой соотносятся на ассоциативной основе два предмета, признак одного из которых выбирается в качестве проекции на ментальную область определяемого: *Авель-город. Рай-город* [Цветаева 3: 55]; *Кто не хладен и не жарок, / прямо в Гаммельн / поез — / жай-город* [Там же]. Аппозитивная эпитетация распространенного типа представлена как фольклорными фразовыми блоками, которые емко выражают ситуацию-признак, так и развернутыми аппозитивами: *... чтоб взамен: / Ложь, любопытство, нежность, лесть, измена — / Мы просто говорили бы: Лозэн* [Там же: 383].

В фольклорных поэмах и стихотворениях поэт словно перебирает фонетически близкие слова, изобретая некоторые, и сближает их семантически, создавая эффект заговора: *Волян-криволунь, / Хвалын-колывань*. <...>

Волынъ-перелынъ, / Хвалынъ-завиранъ. <...> Волынъ-перезвонъ, / Хвалынъ-целованъ [Цветаева 2: 165—166].

Символизация имени происходит как естественное продолжение его постижения: «*Пушкин — тога, Пушкин — схи́ма, / Пушкин — мера, Пушкин — грань ...*» / *Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя / Благородное — как брань // Площадную — попугаи. //* — *Пушкин? Очень испугали!* [Там же: 283].

2. Кольцевое расположение нескольких эпитетов, окружающих имя собственное, что позволяет дать развернутую характеристику и отражает ход мысли автора при подборе определений: *Перекоп — перевал — / Руси — наковальня!* [Цветаева 3: 151]; *Торопись, ветрило-вихрь-бродяга, / Над тем Доном, белым Доном лебединым!* [Цветаева 2: 7]; *Не разведанная чувством меры — / Вера! Аврора! Души — лазурь!* [Цветаева 3: 755], причем нередки генитивные конструкции атрибутивного типа.

3. Паронимизация эпитетных характеристик имени собственного, окказиональное сближение признаков на основе псевдоповтора (об этом также упоминалось выше): *Кремль почерневший! Попран! — Предан! — Продан!* [Цветаева 1: 547]; *Простоволосая Агарь — сижу ... Сынок, ударь! / Простой поденицей была Агарь* [Цветаева 2: 52].

Созвучие имени и ассоциируемых с ним предметов приводит к окказиональной эпитетации, цепочке определений: *Ипполит! Ипполит! Болит! ... Ипполит, это хуже пил! / Это суше песка и непла! ... Ипполит! Ипполит! Пить! ... Ипполит, утоли ...* [Там же: 172].

4. Стратегия сравнения реализуется в различных вариациях: *Пушкин — в роли гвернера? ... Пушкин — в роли русопята? ... Пушкин — в роли гробоккопа? ... Пушкин — в роли мавзолея? ... Пушкин — в роли пулемета! ... Пушкин — в меру пушкиньянца!* [Там же: 282].

Сравнение и мера, интенсивность всегда рядом: *Кротчайший Георгий, / Тишайший Георгий, / Горчайший — свеча моих бдений — Георгий, / Кротчайший — с глазами оленя — Георгий!* [Там же: 42].

Эпитетация, обнажающая принцип емкого выражения сложного ситуативного признака в качестве когнитивного механизма осмысления имени, проявляется в конструировании гомеровских определений: *Ипполит женоупорный, Артемида широкошагая, каменносердая, трепетноноздрая.*

Наличие разговорно-просторечных, фольклорных «парадоксальных», по выражению Л.В. Зубовой, эпитетов свидетельствует о потребности взглянуть на имя с разных сторон, поэт понимает себя как мультязыковая личность: отсюда эпитеты *Гетевский, Рильковский, Федрин, Артемидин, Саулов* и др.

5. Обращение как способ выразить сильную эмоцию при характеристике имени собственного: — *Москва! — Какой огромный / Странноприимный дом!* [Цветаева 1: 273]; *Венера! — / Звезда бродяг и гордецов* [Цветаева 3: 519].

Подведем некоторые итоги. Как показало проведенное исследование, эпитетация выступает одним из центральных понятий для М. Цветаевой. В контексте рассматриваемой проблемы эпитетации имен собственных это получает дополнительное подтверждение в виде удвоения характеризующей функции эпитетного комплекса, содержащего имя собственное: будучи уже характеристикой объекта или лица, оно приобретает подчеркнуто индивидуальное осмысление. Имя собственное выступает в качестве семиотического центра высказывания. Стратегии и направления эпитетации в поэтических текстах М. Цветаевой предстают в виде реализации модели постоянного обновления языка, поиска способов авторского объяснения семантики имени собственного.

Структурные и семантические типы актуализации сущностного признака имени собственного выступает идиостилевой чертой поэтических текстов М. Цветаевой.

Перспективы исследования связываются с дальнейшим изучением качественных слов в текстах М. Цветаевой, с лексикографированием эпитетов и эпитетных комплексов.

Список источников

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т. 4, кн. 2. / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. 784 с.
Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994—1995.

Список литературы / References

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с. (Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language, Moscow, 2002, 384 p. — In Russ.)
- Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122—143.
(Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017, no. 2 (9), pp. 122—143. — In Russ.)
- Виноградова С.А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2021. № 4 (71). С. 30—38.
(Vinogradova S. A. Plasticity of semantics of predicate words, *Herald of Tver State University Series: Philology*, 2021, no. 4 (71), pp. 30—38. — In Russ.)
- Губанов С.А. Эпитетация любви в текстах М. Цветаевой // Неофилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 326—333.
(Gubanov S.A. Epithetization of love in M. Tsvetaeva's texts, *Neophilology*, 2024, no. 10 (2), pp. 326—333. — In Russ.)
- Губанов С.А. Признаковая вербализация сна в текстах М. Цветаевой // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024а. Т. 14, № 3. С. 8—16.
(Gubanov S. A. Attributive verbalization of dream in M. Tsvetaeva's texts, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2024a, no. 14 (3), pp. 8—16. — In Russ.)
- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Имя собственное как знак, характеризующий качество предмета // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. 2013. № 3. С. 103—110.
(Esakova M. N., Kol'tsova Yu. N. Proper name as a sign characterizing the object's quality, *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2013, no. 3, pp. 103—110. — In Russ.)
- Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.
(Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect, Leningrad, 1989, 264 p. — In Russ.)
- Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т. I. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. С. 5—40.
(Revzina O.G. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva, *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva*: in 4 vols, vol. I, 1996, pp. 5—40. — In Russ.)
- Ревзина О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика 1988—1990. М.: Наука, 1991. С. 172—192.
(Revzina O.G. Proper names in the poetic idiolect of M. Tsvetaeva, *Poetics and stylistics 1988—1990*, Moscow, 1991, pp. 172—192. — In Russ.)

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960. 431 с.
(Reformatskii A.A. Introduction to linguistics. Moscow, 1960, 431 p. — In Russ.)
Ballard M. Le nom propre en traduction. Paris: Orphys, 2001.

EPITHETATION OF A PROPER NAME IN M. TSVETAeva'S POETRY

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara,
Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of proper names epithetation in Marina Tsvetaeva's poetry. The work establishes that a proper name oriented towards a qualitative characteristic as a result of epithetation appears as a semiotic center of the utterance. The strategies and directions of epithetation in M. Tsvetaeva's poetry appear as the implementation of the model of constant language renewal, the search for ways of the author's explanation of the semantics of a proper name. Attention is drawn to the subjective significance of proper names for the poet, which affects both their composition and the motivation for associating the attributes associated with them. The article presents an overview of the main directions of proper names epithetation, as well as their linguistic representation. It is noted that in M. Tsvetaeva's poetry, the actualization of a proper name through its special epithetation is verbalized both by structural methods (ring epithet, repetition of epithets, construction of chains of definitions, addresses, etc.) and semantic ones (selection of epithets-paronyms, play with the meanings of a proper name). It is concluded that epithetation appears to be one of the main ways of searching and actualizing the necessary meaning in M. Tsvetaeva's poetry and the principle of poetic thinking of the poet's creativity as a whole.

Keywords: idiostyle, epithet, epithetation, epithet complex, proper name, M. Tsvetaeva

For citation: Gubanov S.A. Epithetation of a proper name in M. Tsvetaeva's poetry, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 65—71.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Губанов Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru, SPIN: 9955-2958

Gubanov Sergey Anatolevich — Doctor of Science (Philology), Professor at the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 72—82.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 72—82.

Научная статья

УДК 811.111'373

EDN <https://elibrary.ru/jrsjgd>

DOI: 10.46726/И.2025.2.8

ФУНКЦИИ ВЕСТИМЕНТАРНЫХ ОПИСАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

**Ирина Сергеевна Кузьмина, Мария Сергеевна Мосягина,
Светлана Михайловна Владимирова**

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск,

Россия, irakuzmina2014@mail.ru, mmashamos@yandex.ru, vladisveta@rambler.ru

Аннотация. Принимая во внимание многовекторность исследований вестиментарной лексики в современной лингвистике, а также малочисленность работ по изучению данного лексического пласта на материале текстов, предназначенных детской аудитории, предпринимается вполне своевременная попытка исследования функциональных особенностей вестиментарных описаний в текстах для детей. В статье анализируются особенности включенных в тексты для детей вестиментарных описаний, позволяющих автору преобразить и пополнить нужными ассоциациями общий фон повествования, а также помогающих автору реализовать стратегию создания художественного текста. Последовательно рассматриваются основные функции вестиментарных описаний и демонстрируется их значение для раскрытия информационного потенциала всего текста. В качестве материала исследования были отобраны англоязычные прозаические произведения Р. Дала, Ф. Баума, К. Льюиса, Э. Берджесса, Э.И. Уортиса, соответствующие одному возрастному критерию и обладающие содержательной однородностью. Проведенный анализ показал, что основной функцией вестиментарных описаний в текстах для детей является функция развития сюжета, которая зависит от авторского замысла и способна влиять на ход всего повествования. Также авторы произведений для детей используют вестиментарные описания для создания зрительного образа персонажей, отображения их материального положения и социального статуса. В заключение следует отметить, что вестиментарные описания способствуют реализации когнитивной стратегии текста, поскольку с их помощью адресат текста получает новую информацию об окружающем мире.

Ключевые слова: вестиментарные описания, вестоним, произведения для детей, текст, функция, лексика

Для цитирования: Кузьмина И.С., Мосягина М.С., Владимирова С.М. Функции вестиментарных описаний в англоязычных произведениях для детей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 72—82.

В настоящее время в лингвистике представлено достаточно исследований, посвященных лексике, обозначающей одежду, или вестиментарной лексике, в которых она рассматривается с позиций семантики [Исаева], семиотики [Барт], лингвокультурологии [Ермоленко]. Подобный интерес объясняется тем фактом, что данные лексические единицы отображают окружающую действительность, а также отвечают преобразованиям, происходящим во всех сферах жизнедеятельности человека.

Вследствие разнонаправленности изучения вестиментарной лексики в науке образовался целый пласт терминов, номинирующих предметы одежды. Так, например, синонимичным термину «вестиментарный», образованному от латинского слова *vestimentum* и означающему «одежда, одеяние» [Мартынова: 123], является термин «вестиальный» от латинского слова *vestis* — «одежда, платье, одеяние» [Темиркулова: 547]. В работах исследователей фигурируют такие термины, как «вестема» [Сливчикова], «вестоним» [Перцева, Жирякова]. Р. Барт, исследовавший вестиментарную лексику с позиций семиотики, использует такие термины, как «вестиментарный знак», «вестиментарный код», «вестиментарная матрица» и «вестиментарный смысл» [Барт].

Стоит отметить, что помимо вышеперечисленных терминов в современной лингвистике для обозначения наименований предметов одежды используются и другие. Например, А.К. Аппоев оперирует словосочетанием «названия одежды» [Аппоев], а в статье Н.Г. Архиповой фигурирует понятие «наименования одежды» [Архипова]. Е.Е. Скворцова объединяет все вышеперечисленные термины одним понятием — «эймоним», представляющий собой лексическую единицу, которая номинирует какой-либо предмет одежды [Скворцова: 5]. Таким образом, многовекторность исследований вестиментарной лексики, обширный ряд синонимов, используемых при рассмотрении данного вопроса, а также тот факт, что ни один из них еще не стал устоявшимся и общепринятым для научных исследований, свидетельствуют об актуальности исследований в данной области.

Необходимо сказать, что материалом исследования вестиментарной лексики служат разные языки [Аппоев; Архипова; Исаева], творчество отдельных авторов [Летапурс; Малыхина; Перцева; Жирякова], а также разные типы текста: газетно-публицистические [Сливчикова], рекламные [Матвеева]. Однако при всем многообразии исследований, практически не встречаются работы, материалом изучения которых послужили бы тексты, предназначенные детской аудитории, из чего следует, что вестиментарные описания на материале данного типа текста еще не достаточно изучены. Тем не менее именно тексты для детей представляют собой интересный объект для изучения, так как обладают возрастными и жанровыми особенностями текстопостроения. Принимая во внимание вышесказанное, предполагается, что предпринятая попытка исследовать функциональные особенности вестиментарных описаний в текстах для детей является вполне оправданной и правомерной.

Как известно, вестиментарная лексика обладает обширным функциональным потенциалом, который способен видоизменяться в соответствии с типом текста. Так, например, смысл вестиментарного описания в модном журнале заключается в том, что оно служит для описания внешнего вида человека, а также передает информацию, которую не могут сообщить ни рисунок, ни фотография [Барт]. Целью вестиментарной лексики газетно-публицистического дискурса является транслирование известного образа посредством использования разнообразной техники манипуляции сознанием для создания у читателя определенного мнения или убеждения, которое нужно автору статьи [Пешехонова]. Функционирование вестиментарной лексики в художественной литературе разительно отличается от текста газеты или журнала. Там описание одежды в основном служит для характеристики и оценки героя. Через вестиментарную лексику автор транслирует свое мнение о персонаже, его гендерной принадлежности, национальности, социальном статусе и материальном положении, его образе жизни и семейном положении. В художественной литературе

вестиментарная лексика выполняет такие функции, как характерологическая, оценочная, сюжетная, моделирующая и семиотическая [Антонова; Мартынова]. Что касается текстов для детей, то одной из основных функций вестиментарной лексики в данном типе текста является сюжетная функция, поскольку с ее помощью авторам детских текстов удается развивать сюжет согласно своему замыслу. Так, например, персонажи произведения Р. Дала “The Witches” («Ведьмы») должны маскироваться, чтобы не быть узванными, и для описания их маскировки он использует вестиментарную лексику:

Real witches dress in ordinary clothes and look ... like ordinary women (Настоящие ведьмы одеваются в обычную одежду и выглядят ... как обычные женщины) [Dahl 2017: 3];

... *she has thin curvy claws, like a cat, and she wears the gloves to hide them* (... у нее тонкие изогнутые когти, как у кошки, и она носит перчатки, чтобы их скрыть) [Там же: 13];

A real witch always wears a wig to hide her baldness (Настоящая ведьма всегда носит парик, чтобы скрыть свою лысину) [Там же: 14].

Особый акцент в данном произведении делается на такие вестонимы, как *gloves* (перчатки) и *wig* (парик), поскольку именно они помогают одним персонажам произведения замаскироваться, а для других персонажей служат своеобразным отличительным признаком маскировки. Особенно часто при описании маскировки автор использует вестоним *gloves* (перчатки):

... *and she wore black gloves that came up to her elbows* (... и она носила черные перчатки, которые доходили до локтей) [Там же: 26].

I noticed she was wearing white gloves on her hands, very prim and dainty (Я заметил, что на руках у нее были белые перчатки, очень строгие и изящные) [Там же: 8].

Вестиментарное описание в последнем примере усиливается посредством использования лексем *prim* (аккуратный, строгий) и *dainty* (изящный), которые подчеркивают элегантность данного предмета одежды.

Реализацию сюжетной функции вестиментарной лексики можно проследить на примере произведения “The True Confessions of Charlotte Doyle” («Истинные признания Шарлотты Дойл») Э.И. Уортиса, в котором изменения в поведении и характере героини прослеживаются через описание ее одежды. Так, в начале повествования вестонимы *bonnet* (чепчик), *skirts* (юбки), *shoes* (ботинки), *gloves* (перчатки), используемые в тексте, создают в сознании читателя образ молодой девушки из высшего общества:

... *my family dressed me as a young woman, bonnet covering my beautiful hair, full skirts, high button shoes, and, ... white gloves* (... моя семья одела меня как юную леди: чепчик, скрывающий мои красивые волосы, пышные юбки, высокие ботинки на пуговицах и ... белые перчатки) [Wortis: 6].

С развитием сюжета вестонимы, описывающие героиню, меняются:

I took the blouse and trousers to my cabin (Я взяла блузку и брюки и отнесла их в свою каюту) [Там же: 79];

... *I put on the seaman's clothing* (... я надела одежду моряка) [Там же: 125].

В конце сюжетной линии автор возвращается к вестонимам, используемым ранее, но употребляет их совершенно в ином контексте:

... *and excitedly dressed myself ... for the occasion: bonnet over my mangled hair. Full if somewhat ragged skirts. Shoes rather less than intact. Gloves more gray than white. To my surprise I felt so much pinched and confined I found it difficult to breathe* (... и, волнуясь, нарядилась для этого случая: чепчик поверх моих спутанных волос. Пышные, хотя и несколько потрепанные юбки. Туфли, которые уже не были в целостности.

Перчатки скорее серые, чем белые. К моему удивлению, я почувствовала себя настолько стянутой и сдавленной, что мне было трудно дышать) [Там же: 231].

Из данного примера видно, что вестонимы сочетаются не с теми лексемами, с которыми они сочетались сначала: вестоним *bonnet* (чепчик) используется в сочетании с лексемой *mangled* (спутанный), вестоним *skirts* (юбки) сочетается с прилагательным *ragged* (потрепанный), а вестоним *gloves* (перчатки) с колоронимом *gray* (серый), тем самым автор демонстрирует изменения не только во внешнем облике героини, но и в ее внутреннем состоянии, о чем свидетельствует последняя фраза примера.

Использование вестиментарной лексики в качестве инструмента, способного двигать сюжет в заданном автором направлении, встречается в известном произведении Ф. Баума “The Wonderful Wizard of Oz” («Удивительный Волшебник из страны Оз»). Например, вестоним *silver shoes* (серебряные туфли):

But the silver shoes are yours, and you shall have them to wear (Но серебряные туфельки — ваши, и вы будете носить их) [Baum: 24].

Данный вестоним особенно ярко выполняет свою сюжетную функцию при встрече героини с другими персонажами произведения, поскольку он влияет на их восприятие героини. Они либо представляют ее волшебницей, либо восхищаются ею, либо опасаются ее:

You must be a great sorceress ... Because you wear silver shoes ... (Вы, должно быть, великая волшебница ... Потому что вы носите серебряные туфельки...) [Там же: 35].

...when I mentioned your silver shoes he was very much interested ... (... когда я упомянула ваши серебряные туфельки, он очень заинтересовался...) [Там же: 45].

... and seeing the silver shoes, began to tremble with fear (... и, увидев серебряные туфельки, он задрожал от страха) [Там же: 70].

Следует подчеркнуть, что в данном произведении автор также наделяет вестоним магической силой:

... the wonderful power the silver shoes gave her (... удивительная сила, которую давали ей серебряные туфельки) [Там же: 71].

Авторы текстов для детей активно пользуются вестиментарной лексикой не только для реализации сюжетной функции, но и для создания зрительного образа персонажей, особенно когда речь идет о героях с неординарной внешностью. При этом вестонимы в данном случае выполняют и характерологическую функцию, поскольку через внешний вид маленький читатель может судить об особенностях характера и поведения того или иного героя. Примером такого использования вестиментарной лексики может служить описание персонажа Р. Дала:

And what an extraordinary little man he was! He had a black top hat on his head. He wore a tail coat made of a beautiful plum-coloured velvet. His trousers were bottle green. His gloves were pearly grey (И каким же необычным был этот маленький человек! На его голове был *черный цилиндр*. Он носил *фрак* из красивого бархатного материала сливового цвета. Его *брюки* были хвойного оттенка. Его *перчатки* были перламутрово-серыми) [Dahl 2010: 83].

Благодаря вестонимам *top hat* (цилиндр), *tail coat* (фрак), *trousers* (брюки), *gloves* (перчатки), которые используются вместе с колоративной лексикой, в сознании читателя создается необычный образ главного героя.

Неординарность внешнего вида через использование вестонимов можно обнаружить также в описании вымышленных персонажей:

The Oompa-Loompas ...were wearing bright-red *space suits*, complete with *helmets* and *goggles* (Умпа-Лумпы... были одеты в ярко-красные *космические костюмы*, дополненные *шлемами* и *очками*) [Там же: 166].

Вестонимы *space suits* (*космические костюмы*), *helmets* (*шлемы*), *goggles* (*очки*) помогают читателю представить необычных людей в скафандрах и шлемах и создают некий комический эффект. Однако позднее автор объясняет использование данных вестонимов:

That's why the Oompa-Loompas are wearing space suits! The suits protect them! (Вот почему Умпа-Лумпы носят космические костюмы! Эти костюмы защищают их) [Там же: 170].

В произведении Ф. Баума также встречаются примеры использования вестонимов для описания внешнего вида вымышленных персонажей. Так, например, внешний вид обитателей волшебной страны Оз отражается при помощи таких вестонимов, как *hats* (*шляпы*), *gown* (*платье*), *boots* (*сапоги*):

They wore round *hats* ... with little bells ... that tinkled sweetly as they moved. *The hats of the men were blue; the little woman's hat was white*, and she wore a white *gown* ... The men ... wore well-polished *boots* with a deep roll of blue at the tops (Они носили *круглые шляпы* ... с маленькими колокольчиками, которые мило звенели, когда они двигались. *Шляпы мужчин были синими; шляпа маленькой женщины была белой*, и она была одета в *белое платье*... Мужчины ... носили *хорошо начищенные сапоги* с глубоким отворотом синего цвета наверху) [Baum: 10].

Следует сказать, что в значении самих вестонимов *hats* (*шляпы*), *gown* (*платье*) и *boots* (*сапоги*) нет ничего необычного, поэтому автор в данном случае активно использует прилагательные, указывающие на цвет и форму данных предметов одежды, чтобы подчеркнуть их неординарность. Такое необычное изображение героев произведения вызывает интерес у читателей, а также способствует развитию детского мышления и фантазии.

Использование вестиментарной лексики для создания зрительного образа героев тесно сопрягается с механизмом использования вестонимов для демонстрации их социального статуса и материального положения. Так, например, в произведении Э.И. Уортиса вестонимы *frock-coated* (*одетый в сюртук*), *vested* (*одетый в жилет*), *top-hatted* (*в цилиндре*), как правило, ассоциирующиеся с высоким социальным статусом, иллюстрируют материальное положение персонажа и подкрепляются фразой *a man of property* (*состоятельный человек*):

My father, the very image of *a man of property*, was *frock-coated*, *vested*, *top-hatted* (Мой отец, само воплощение *состоятельного человека*, был одет в *сюртук*, *жилет* и *цилиндр*) [Wortis: 231].

Отображение материального положения персонажей через вестонимы встречается и в произведении Р. Дала "Danny the Champion of the World" («Дэнни — чемпион мира»):

He ... wore *fancy waistcoats* ... and *high polished boots*. There was a *yellow silk scarf* ... and he had a sort of *bowler-hat* on his head (Он ... носил *нарядные жилеты* ... и *высокие начищенные сапоги*. На шее у него был *желтый шелковый шарф*, а на голове — что-то вроде *котелка*) [Dahl 2018: 94].

В данном примере вестонимы *waistcoats* (*жилеты*), *scarf* (*шарф*) и *bowler hat* (*котелок*) создают у читателя образ обеспеченного человека, который усиливается благодаря использованию прилагательных *fancy* (*нарядный*), *polished* (*начищенный*) и *silk* (*шелковый*).

В тех случаях, когда употребления одних вестонимов для демонстрации материального положения героев недостаточно, авторы детских произведений прибегают к использованию дополнительных языковых средств, чтобы проиллюстрировать хорошее или плохое материальное положение персонажей. Например:

From his *fine coat*, from his *tall beaver hat*, from his *glossy black boots* (Из его *прекрасного пальто*, из его *высокого цилиндра*, из его *блестящих черных сапог*) [Wortis: 34].

... there was ... old sailor, a *tattered tar-covered hat* ... *His clothing was poor* (... там был ... старый моряк в потрепанной шляпе, покрытой смолой ... *Его одежда была бедной*) [Там же: 24].

His clothing ... mostly rags and tatters (*Его одежда ... в основном состояла из лохмотьев и обносков*) [Там же: 26].

He was wearing an *old navy-blue sweater and an even older cap* (Он был одет в *старый темно-синий свитер и еще более старую кепку*) [Dahl 2018: 34].

Иногда материальное положение героев может демонстрироваться через наличие или отсутствие того или иного предмета одежды:

The little girl in the *silver mink coat* (Маленькая девочка в *пальто из серебристой норки*) [Там же: 81].

Why *hasn't he got a coat* ...? ... Maybe he can't afford to buy one (Почему *на нем нет пальто*...? ... Может быть, он не может позволить себе купить) [Там же].

Данный пример показывает, что вестоним *coat* (*пальто*) является отражением материального состояния двух героев. В первом случае вестоним используется в сочетании с прилагательными *silver mink* (*из серебряной норки*) для иллюстрации хорошего материального положения семьи. Однако во втором случае отсутствие данного предмета одежды у персонажа свидетельствует о его бедственном состоянии.

Важно отметить, что все приведенные выше примеры функционирования вестиментарных описаний в текстах для детей являются типичными для художественных текстов вообще. Исходя из того, что детский текст обладает своей познавательной спецификой, которая направлена на трансляцию адресату некоторого объема знаний, следует рассматривать вестиментарные описания в текстах для детей как компонент когнитивной стратегии текста и отличительной функцией вестонимов в произведениях для детей считать когнитивную функцию. Наиболее ярко когнитивная функция вестиментарных описаний проявляется при использовании авторами детских произведений принципа антропоморфизма, заключающегося в том, что животные, вымышленные персонажи, неодушевленные объекты, естественные или сверхъестественные явления наделяются чисто человеческими чертами и качествами. Зачастую это случается при отображении внешнего облика персонажей, когда авторы, давая характеристику внешнего вида персонажей-животных, обращаются к феномену одежды. Например, Т. Берджесс уподобляет кожу, шкуры животных и оперение птиц человеческой одежде с помощью таких вестонимов, как *waistcoat* (*жилет*), *coat* (*пальто*), *suit* (*костюм*):

Grandfather Frog smoothed down his *white and yellow waistcoat* (Дедушка-лягушка пригладил свой *бело-желтый живот*) [Burgess 1996: 19].

... was fully protected on his back and sides by *the thousand little spears carried in his coat*, there wasn't a single little spear in his *waistcoat* (... его спина и бока были полностью защищены *тысячами маленьких иголок, укрытых в его шкуре, но на груди не было ни одной иголки*) [Burgess 1997: 43].

... wears a striped suit, a suit of black and white (... одет в полосатое оперение, словно в чёрно-белый наряд) [Burgess 1994: 15].

Таким образом автор приближает одежду людей к «одежде» персонажей своих произведений, при этом сообщая адресату текста информацию об особенностях их внешнего вида.

Также вестиментарная лексика используется при описании особенностей поведения некоторых животных. Например, транслируя адресату информацию о том, что змее свойственно сбрасывать кожу, автор оперирует вестонимами *coat, suit, suit of clothes, clothes*, тем самым реализуя когнитивную функцию текста:

... a cast-off coat of Mr. Black Snake... (... старое ненужное пальто мистера Черного Змея...) [Burgess 1996: 65].

... an old cast-off suit of Mr. Black Snake... (... старый ненужный костюм мистера Черного Змея...) [Там же: 60].

... cast-off suit of clothes from any member of the Snake family (... поношенный костюм любого члена семейства Змей) [Там же: 61].

... old clothes of the Snake family... (... старая одежда семейства Змей...) [Там же: 65].

Когнитивная функция вестиментарных описаний в текстах для детей проявляется и при описании различных явлений природы, например, таких как смена дня и ночи:

... jolly, round, red Mr. Sun threw his night cap off and began his daily climb up in the blue sky... (... веселый, круглый, румяный мистер Солнце сбросил свой ночной колпак и начал свой ежедневный подъем в голубое небо...) [Там же: 11].

В данном случае автор наделяет солнце человеческими качествами, используя при этом вестоним *night cap* (ночной колпак), и описывает восход солнца.

Стоит также отметить, что иногда в произведениях для детей вестонимы используются в собственных именах персонажей. Такие имена также оказываются выразителями когнитивных параметров текста, поскольку с их помощью авторы транслируют адресату текста новую информацию об окружающем мире. Например, Т. Берджесс называет пчел — персонажей своего произведения — *Yellow Jackets* (Желтые жакеты):

They were *Yellow Jackets* ... and carry very sharp little lances in their tails (Это были желтые жакеты (шерини), у которых в хвостах очень острые маленькие жала) [Burgess 1994: 24].

Достаточно ярко когнитивная функция вестиментарных описаний проявляется в произведениях детского автора Д. Бойл. Описывая особенности внешнего вида некоторых животных, она прибегает к использованию вестонимов. Например:

By early autumn, *Snowshoe Hare's coat has become whiter* (К началу осени шерсть Зайца-беляка становится белее) [Boyle: 22].

It is early spring. *Snowshoe Hare loses her heavy white winter coat* (Сейчас ранняя весна. Заяц-беляк теряет свою плотную белую зимнюю шерсть) [Там же: 31].

Приведенные примеры иллюстрируют, как с помощью вестонима *coat* (пальто) автор уподобляет окраску животного одежде человека, тем самым сообщая юным читателям об особенностях окраски животного в разное время года и реализуя познавательную функцию текста для детей.

Однако есть авторы детских произведений, которые не уподобляют оперение птиц и шкуры животных человеческой одежде, а одевают своих персонажей-животных в одежду для людей. Например, так поступает К.С. Льюис в произведении "The Lion, the Witch, and the Wardrobe" («Лев, Колдунья и Платяной шкаф»). Следуя принципу антропоморфизма для описания жизни животных и других мифических существ, автор использует вестонимы:

... *Mr Beaver, who was already putting on his snow-boots* (... мистер Бобер, который облачился в свою снежную шубку) [Lewis: 53].

He had a red woollen muffler round his neck (На шее у него была красная густая шерсть, напоминающая красное шерстяное кашне) [Там же: 16].

Следует сказать, что в таких текстах потенциал когнитивной функции вестонимов значительно ниже, поскольку авторы не сообщают своему адресату достоверной информации о жизни животных.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что функциональный диапазон вестиментарных описаний в произведениях для детей весьма обширен. Характерной функцией вестонимов в текстах для детей является сюжетная функция, которая в зависимости от авторского замысла способна влиять на ход всего повествования, а также быть причиной изменения характера героев и их отношения к окружающей действительности. Вместе с тем вестиментарные описания активно используются авторами для создания зрительного образа персонажей, отображения их материального положения и социального статуса. Кроме того, вестиментарные описания реализуют когнитивную функцию в текстах для детей, поскольку представляют собой элементы когнитивной стратегии текста, благодаря которым адресат получает новую информацию об окружающем мире. Следует отметить, что вестиментарные описания текстов для детей обладают колоссальным потенциалом и являются перспективным объектом для их дальнейшего исследования.

Список источников

- Baum L.F. *The wonderful Wizard of Oz*, London: Harper Collins, 2011, 320 p.
 Boyle D. *Summer Coat, Winter Coat: The Story of a Snowshoe Hare*, Washington: Soundprints, 1993, 31 p.
 Burgess T.W. *The Adventures of Jimmy Skunk*, NY: Dover Publications, 1994, 96 p.
 Burgess T.W. *The Adventures of Prickly Porky*, NY: Dover Publications, 1996, 96 p.
 Burgess T.W. *The Adventures of Old Man Coyote*, NY: Dover Publications, 1997.
 Dahl R. *Charlie and the Chocolate Factory*, London: Puffin Modern Classics, 2010, 201p.
 Dahl R. *Danny, the Champion of the World*, London: Puffin Books; Penguin Random House Children's, 2018, 208 p.
 Dahl R. *The Witches*, London: Puffin Books; Penguin Random House Children's, 2017, 192 p.
 Lewis C.S. *The Lion, the Witch and the Wardrobe*, NY: Dreamscape Media, 2009, 224 p.
 Wortis E.I. *The True Confessions of Charlotte Doyle*, NY: Avon, 2003, 278 p.

Список литературы / References

- Антонова Е.Д. Художественная деталь как компонент повествовательного лабиринта: интерпретационный аспект // *Studia Linguistica. Перспективные направления современной лингвистики*. Вып. 12. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 368—372.
 (Antonova E.D. Artistic detail as a component of the narrative labyrinth: an interpretative aspect, *Studia Linguistica. Perspective directions of modern linguistics*, St. Petersburg, 2003, iss. 12, pp. 368—372. — In Russ.)
 Аппоев А.К. Названия одежды и украшений в составе карачаево-балкарских фразеологизмов // *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*, 2020. № 24. С. 18—22.
 (Appoev A.K. Names of clothes and jewellery as part of Karachai-Balkar phraseological units, *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of Language*, 2020, no. 24, pp. 18—22. — In Russ.)
 Архипова Н.Г. Наименования женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2013. Т. 10, вып. 5. С. 96—100.

- Arhipova N.G. The items of women wear of old believers (semeisky) dialects in Amur region, *Vestnik of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*, 2003, vol. 10, iss. 5, pp. 96—100. — In Russ.)
- Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- (Bart R. The Fashion System. Articles on semiotics of culture, Moscow, 2003, 512 p. — In Russ.)
- Ермоленко Г.М. Степень мотивированности лингвокультурем в тематическом поле «Одежда» (на материале русского и английского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 63—1. С. 81—87.
- (Ermolenko G.M. Degree of motivation of linguocultures in the thematic field 'Clothing' (on the material of Russian and English languages), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, iss. 63—1, pp. 81—87. — In Russ.)
- Исаева Б.М. Лексико-семантическая характеристика названий мужских головных уборов в кумыкском языке // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014. Вып. 3 (25). С. 222—225.
- (Isaeva B.M Lexical and semantic characteristics of names of men's headdresses in the Kumyk language, *Historical and Socio-Educational Idea*, 2014, iss. 3 (25), pp. 222—225. — In Russ.)
- Летапурс Т.В. Многофункциональность вестиментальной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 17—28.
- (Letapurs T.V. The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater"), *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 17—28. — In Russ.)
- Малыхина Т.М. Роль вестиментальной лексики в создании портретов народных героев из социальных низов (на материале автобиографических повестей В.А. Гиляровского «Мои скитания» и «Люди театра») // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48). С. 240—257.
- (Malykhina T.M. The Role of Vestal Lexicon in Creating Portraits of People's Heroes from the Social Bottom (on the Material of Autobiographical Stories of V.A. Gilyarovsky "My Wanderings" and "People of the Theatre"), *Language theory and intercultural communication*, 2023, no. 1 (48), pp. 240—257. — In Russ.)
- Мартынова Е.М. Значения вестиментарных номинации в художественном дискурсе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. Вып. 2 (79). С. 123—126.
- (Matynova E.M. Meanings of vestimentary nominations in artistic discourse, *Scientific notes of Orel State University*, 2018, iss. 2 (79), pp. 123—126. — In Russ.)
- Матвеева Е.К. Цвет как дифференцирующий признак лексико-семантической группы одежды в рекламном дискурсе моды // Филология и культура. 2013. Вып. 4 (34). С. 67—70.
- (Matveeva E.K. Color as a differentiating feature of the LSG clothing in advertising fashion discourse, *Philology and Culture*, 2013, iss. 4 (34), pp. 67—70. — In Russ.)
- Перцева Н.К., Жирякова С.М. Вестонимы в произведениях А.С. Пушкина (функционально-стилистический аспект) инновационная наука и современное общество: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2014. Ч. 2. 182 с.
- (Perceva N.K., Zhiryakova S.M. Vestonyms in the works of A.S. Pushkin (functional and stylistic aspect) Innovative science and modern society: collection of articles of the International scientific-practical conference, Ufa, 2014, pt. 2, 182 p. — In Russ.)

- Пешехонова Е.С. Описание женского политического костюма как средство манипуляции общественным мнением (на примере современной британской прессы) // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. 2020. С. 145—151.
- (Peshekhonova E.S. The description of female political dress as a means of public opinion manipulation (based on modern British press), *Actual problems of English linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers*, 2020, pp. 145—151. — In Russ.)
- Скворцова Е.Е. Языковое воплощение поликодовости моды как культурного явления (на материале русского, французского и английского языков) // Древняя и новая Романия. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2015. Т. 15, № 1. С. 678—681.
- Skvorcova E.E. Linguistic realization of a number of fashion codes as a cultural phenomenon (on the basis of russian, french and english languages), *Ancient and New Romania*, St. Petersburg, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 678—681. — In Russ.)
- Сливчикова Ю.В. Костюм женщины-политика сквозь призму манипулятивных возможностей испанского газетно-публицистического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. Вып. 1. С. 76—89.
- (Slivchikova Y.V. Costume of a woman-politician through the prism of manipulative possibilities of Spanish newspaper-publicistic discourse, *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2016, iss.1, pp. 76—89. — In Russ.)
- Темиркулова Ы.А. Использование лексических средств в описании портрета (на материале повести Ч.Т. Айтматова «материнское поле») // Вестник Ошского государственного университета. 2021. Т. 1, вып. 4. С. 542—554.
- Temirkulova Y.A. The use of lexical means in the description of the portrait (based on the story of Ch.T. Aitmatov «Mother's Field»), *Bulletin of Osh State University*, 2021, vol.1, iss. 4, p. 542—554. — In Russ.)

FUNCTIONS OF VESTIMENTARY DESCRIPTIONS IN ENGLISH-LANGUAGE WORKS FOR CHILDREN

Irina S. Kuzmina, Maria S. Mosyagina, Svetlana M. Vladimirova

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
irakuzmina2014@mail.ru, mmashamos@yandex.ru, vladisveta@rambler.ru

Abstract. Taking into account the multi-vector nature of research into vestimentary vocabulary in modern linguistics, as well as the small number of works on the study of this lexical layer based on texts intended for children's audience, a very timely attempt is being made to study the functional features of vestimentary descriptions in texts for children. The article analyzes the features of vestimentary descriptions included in texts for children, which allow the author to transform and add the necessary associations to the general background of the narrative, and also help the author to implement the strategy of creating a literary text. The article consistently examines the main functions of vestimentary descriptions and demonstrates their importance for revealing the information potential of the entire text. The purpose of the article is to study vestimentary descriptions and identify the features of their functioning in English-language works of fiction intended for children's audience. The English-language prose works of R. Dahl, F. Baum, C. Lewis, E. Burgess, E.I. Wortis were selected as research material, corresponding to the same age criterion and possessing content homogeneity. The analysis showed that the main function of vestimentary descriptions in texts for children is the function of plot development, which depends on the author's intention and can influence the course of the entire narrative. Also, authors of works for children use vestimentary descriptions to create a visual image of characters, displaying their financial situation and social status. In conclusion, it should be noted that vestimentary descriptions contribute to the implementation of the cognitive strategy of the text, since with their help the recipient of the text receives new information about the world.

Keywords: vestimentary descriptions, vestonym, works for children, text, function, vocabulary

For citation: Kuzmina I.S., Mosyagina M.S., Vladimirova S.M. Functions of vestimentary descriptions in English-language works for children, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 72—82.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 13.01.2025.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 13.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Кузьмина Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия, irakuzmina2014@mail.ru, SPIN: 2189-7875

Kuzmina Irina Sergeevna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, irakuzmina2014@mail.ru

Мосягина Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия, mmashamos@yandex.ru, SPIN: 5750-8335

Mosyagina Maria Sergeevna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, mmashamos@yandex.ru

Владимирова Светлана Михайловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия, vladisveta@rambler.ru, SPIN: 9084-1850

Vladimirova Svelana Mikhailovna — Candidate of Science (Philology), Assistant Professor of the Department of English Philology, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, vladisveta@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 83—90.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 83—90.

Научная статья

УДК 811.111'373

EDN <https://elibrary.ru/vozvsi>

DOI: 10.46726/H.2025.2.9

ПРОТОТИП КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ АЛЛЮЗИВНОГО АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Марина Александровна Ананьина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, ananinama@yandex.ru

Аннотация. Изучение функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте представляет значительный научный интерес, однако в рамках традиционного филологического анализа не представляется возможным выявить механизмы актуализации культурно-исторической информации аллюзивного антропонима и проанализировать особенности ее взаимодействия с принимающим контекстом. В статье предлагается исследовать аллюзивный антропоним как средство вербализации аллюзивного антропонимического концепта-прототипа, представляющего собой категориальный концепт. Данное исследование выполнено в русле современного направления когнитивно-стилистических исследований. Согласно теории прототипов, разработанной Э. Рош, Дж. Лакоффом и другими учеными, прототипы являются гибкими структурами. Появление прототипа представляет собой следствие приспособления человеческого мышления к динамике окружающего мира. На материале рассказов американского писателя О. Генри были выявлены основные контекстуальные особенности актуализации аллюзивного антропонимического концепта-прототипа. Анализ контекстов показал наличие глубинных когнитивных изменений в структуре аллюзивного антропонима, вербализующего концепт-прототип, которые связаны с его апеллятивацией. Аллюзивный антропоним используется в функции имени нарицательного, о чем свидетельствуют показатели множественного числа, наличие определенного и неопределенного артиклей, предикативное использование имени, возможность использования препозитивных и постпозитивных атрибутов.

Ключевые слова: аллюзивный антропонимический концепт-прототип, прототип, художественный концепт, категориальный концепт, аллюзия, когнитивное исследование аллюзии

Для цитирования: Ананьина М.А. Прототип как форма реализации аллюзивного антропонимического концепта // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 83—90.

В настоящее время наблюдается изменение фокуса внимания лингвистов к проблемам художественного текста в когнитивном аспекте, и объектом изучения становятся механизмы отражения в нем особенностей познания мира человеком, причем субъект восприятия и создания текста является активным участником самого процесса познания. Цель работы заключается в выявлении когнитивно-дискурсивных характеристик воплощения аллюзивного антропонимического концепта-прототипа в художественных текстах О. Генри.

Методы исследования, задействованные в работе, представляют структурно-системный подход к изучению художественного текста. Отбор аллюзивных антропонимов, вербализующих концепт-прототип, осуществлялся с помощью метода сплошной выборки, анализ формальных показателей и когнитивно-стилистических особенностей концептов проводился с использованием метода контекстуального анализа, описательного и количественного методов. Метод концептуального анализа использовался для изучения структуры аллюзивных антропонимических концептов-прототипов.

Материалом исследования послужили пятнадцать рассказов американского писателя О. Генри: “The Assessor of Success”, “Past One at Rooney’s”, “The Man Higher Up”, “The Making of a New Yorker”, “The Moment of Victory”, “The Head-Hunter”, “The Brief Debut of Tildy”, “Compliments of the Season”, “Ulysses and the Dogman”, “The Enchanted Profile”, “Next to the Reading Matter”, “A Lickpenny Lover”, “A Technical Error”, “A Ruler of Men”, “The Atavism of John Tom Little Bear”. Общее количество отобранных аллюзивных антропонимов, репрезентирующих концепт-прототип, составило 26 единиц.

Под концептом-прототипом в лингвистике понимается «образ типичного представителя класса, категоризируемого концептом, то есть образ, кодирующий тот или иной класс предметов» [Когнитивная...: 11]. Прототип представляет собой «категориальный концепт», «наилучший образец определенной категории» [Там же: 45]. С помощью данного типа концепта человек структурирует свои знания об объектах окружающей действительности, а в основе структурирования лежит подведение явлений под определенную категорию.

Концепт является предметом исследования многих современных работ когнитивного направления, в которых данный термин трактуется как расширенное понятие, включающее не только логические, но и составляющие научных, бытовых, авангардно-художественных, эмоциональных явлений и ситуаций [Степанов: 19—20]. Подчеркивается, что художественные концепты не поддаются парному утверждению, носят изолированный характер [Там же: 21]. Художественный концепт носит одновременно всеобщий и индивидуальный характер, принадлежит как всему культурному сообществу, так и отражает личностные особенности автора текста. Аллюзивный антропоним является одним из средств передачи культурно-исторических коннотаций иных культурно-семиотических пространств и установления смыслового, когнитивного взаимодействия сознаний автора, читателя и всего языкового коллектива, в общей когнитивной базе которого данные аллюзивные имена получили закрепление и распространение. Повторяемость аллюзивных отсылок, их вневременной характер связаны с тем, что мы по-новому прочитываем уже известные тексты и осмысливаем имеющиеся в культуре образы. Общность культур подчеркивает сходство мыслительных процессов, структурирования знания и модификации уже известного знания.

Выделение схем, представлений, прототипов, фреймов и других форм хранения информации предоставляет человеку возможность быстро и эффективно реагировать на большое число стимулов, поступающих из окружающей действительности, сводя их к обобщенным, стереотипным объектам и ситуациям [Лобанов: 66]. Прототипы являются наиболее типичными представителями класса объектов, формируются под влиянием опыта и способствуют объективации и актуализации данного опыта [Там же: 67]. В художественном тексте концепты-прототипы являются средством языковой экономии, емкого выражения экспрессивных, эмотивных и оценочных коннотаций.

Когнитивным механизмом возникновения прототипа является способность к категоризации как главному способу придать воспринимаемым объектам упорядоченный характер, систематизировать явления, увидеть их сходства и различия [Кубрякова: 96; Кряжевских]. Языковые категории повторяют черты естественных классификаций, и категоризация относится к общечеловеческим механизмам мышления. Элементы категории объединяются благодаря наличию у ее членов черт подобия и сходства с прототипом как лучшим представителем категории [Кубрякова: 102—103]. Процесс категоризации при восприятии аллюзивного антропонима возможен на основе механизмов метонимии, когда происходит перенос сходных признаков с носителя на сами признаки и действия референта, а также метафоры, когда умозаключения делаются на основе сходства референта аллюзии и объекта номинации в имеющемся тексте. Например, главный герой рассказа «Рождение ньюйоркца» иронически описывается как поэт, который не писал стихов, но вся его жизнь и была его поэзией. Автор называет ее *Odyssey* (Одиссеей), по имени героя греческих мифов Одиссея. Происходит метонимический перенос с образа героя Одиссея на полную приключений жизнь, получившую название Одиссеи [O. Henry: 148]. Примером метафорического переноса служит пример из рассказа «Охотники за головами», в котором автор, рассуждая о женщинах, называет их *daughters of Herodias* (дочери Иродиады) [Там же: 407]. Иродиада стала причиной смерти Иоанна Крестителя, поскольку не могла стерпеть его правдивых обвинений в поругании закона. Метафорическая транспозиция основана на переносе признаков вероломства, жестокости и беспринципности с образа Иродиады на всех современных автору женщин. Метонимический образ дочерей Иродиады подчеркивает экспрессивность и иронию автора. В концептах-прототипах акцентирование признаков и категоризация носят антропоцентрический характер, отражают различные аспекты деятельности человека [Миловидова: 174]. Художественный прототип-концепт является лучшим представителем категории, которая формируется в данном контексте, в других текстах для категоризации могут быть выбраны другие признаки, ассоциативно связанные с энциклопедической информацией аллюзивного антропонима. Поэтому выделяются центральные образцы категории и периферию, имеющую размытые края [Миловидова: 174; Taylor: 40]. Профилирование периферийных признаков позволяет по-новому осмыслить знакомый образ. Следует учитывать, что прототипы не являются моделями категоризации, поскольку категории могут формироваться на основе других принципов [Лакофф: 69]. В данной работе концепт-прототип является одним из вариантов представления содержательной структуры аллюзивного антропонимического концепта.

Понятие прототипа изначально возникло в связи с теорией прототипов как альтернативного учения о категоризации лингвистических явлений и объектов окружающей действительности (D. Geeraerts, G. Lakoff, E. Rosch, J.R. Taylor). Прототип является относительно абстрактной ментальной репрезентацией, которая вбирает в себя ключевые атрибуты или черты, которые репрезентируют наилучшим образом данную категорию [Evans, Green: 249]. Данный термин является подвижным, неустойчивым и полисемичным [Zeifert: 418]. К основным положениям теории прототипов, значимым для данного исследования, относятся следующие: 1) прототип является гибким и должен рассматриваться как внешняя структура категоризации, он не является прямой проекцией во внутреннюю структуру категоризации [Zeifert: 419]; 2) формирование в сознании категории, прототипа не является застывшей структурой, основанной

на наборе существенных признаков. Объекты окружающего мира динамичны, и человеческая память и мышление приспособляются к нему [Дружинин: 84]; 3) категоризация может происходить по классификационному типу, объединяя объекты по определенному признаку, и по модели «семейного сходства» без четких иерархий и оппозиций [Ирисханова: 141]; 4) для прототипа характерно отсутствие жестких границ; 5) акцентирование признака прототипа обусловлено контекстом и личным опытом индивида. Широкий исторический, культурный, географический контекст представляет особую значимость для прототипа [Cure: 59—60]; 6) актуализация концепта предполагает действие механизмов инференции как умозаключений о содержании концепта [Кубрякова: 420]. Инференция является операцией обыденного сознания, основанной на интуиции и не связана с формальными способами доказательства истины [Там же: 410]. Инференция позволяет человеку увидеть за языковой формой больше, чем зафиксировано ее отдельными частями [Там же: 411]; 7) конститутивными признаками прототипа являются наибольшая специфичность признаков объекта, способность к воздействию на производные варианты и высокая степень регулярности функционирования, что можно считать факультативным признаком [Бондарко: 263—264].

Анализ текстов рассказов О. Генри показал, что в структуре аллюзивного антропонимического концепта выделяется один или несколько сходных признаков, на основе которых объекты условно объединяются в класс. В семантическом плане этот процесс оказывается возможным благодаря частичной или полной апелляции аллюзивного антропонима, в результате чего антропоним приобретает черты имени нарицательного и становится способным не только называть один объект, но может быть приложен к описанию различных объектов, и за ним закрепляется определенная совокупность лексических признаков. На процесс апелляции указывают такие формальные черты, как использование неопределенного или определенного артикля, наличие формального показателя множественного числа существительных, использование определений. Сам процесс апелляции не обязательно означает формирование категории и прототипа. Как было указано выше, необходим анализ контекста, который способствует категоризации и запускает процесс актуализации аллюзивного антропонимического концепта-прототипа. К основным формальным показателям наличия аллюзивного антропонимического концепта-прототипа относятся следующие.

— Наличие неопределенного артикля с антропонимом: *She was a Delilah* (Она была Далилой) [218]*, *a dog-catcher Ulysses* (избавитель-Улисс) [437].

— Наличие определенного артикля с антропонимом: *the Shylock of the stores* (ростовщик-Шейлок в магазинах) [592].

— Использование аллюзивного антропонима в притяжательном падеже с указанием части тела. В контексте возникает смысл сравнения, поскольку буквально владеть чьей-либо частью тела невозможно: *Minerva's eyes* (глаза Минервы) [592].

— Использование аллюзивного антропонима в форме множественного числа, что свидетельствует о транспозиции имени собственного в разряд нарицательных: *women are Scheherazades by birth* (Женщины являются Шахерезадами

* Здесь и далее произведения О. Генри приводятся по изданию: Henry O. 100 Selected Stories. London: Wordsworth Classics, 1995. 735 p. с указанием в квадратных скобках страниц.

от рождения) [530], *the people were Nebuchadnezzars* (Люди вели себя, как Навуходоносоры) [536], *more Nebuchadnezzars would follow* (появятся еще Навуходоносоры) [660].

— Использование антропонима в составном именном сказуемом. Предикативное употребление аллюзивного антропонима наблюдается в контекстах глаголов *be/were, remain, become, make*: *Were I Mr. Carnegie or Mr. Rockefeller* (Был бы я мистером Карнеги или мистером Рокфеллером) [126], *you must be an Aaron* (ты должен быть, как Арон) [130—131], *remain the Sleeping Beauty* (остаться Спящей красавицей) [85], *became Elijahs* (стали, как пророк Илия) [695], *you've made me a Cherokee Moses* (Вы сделали из меня чироки Моисея) [718].

— Наличие сочетаний антропонима с препозитивными определениями: *some freckle-faced Phoebe* (какая-нибудь веснушчатая Феба) [395]. В качестве определений выступают прилагательные в положительной степени сравнения, например, *modern Circe* (современная Цирцея) [437], *the cliff-dwelling Circe* (высокогорными Цирцеями) [438], *the East Side Tybalt and Mercutio* (истсайдские Тибальды и Меркуцио) [338], притяжательные местоимения: *commanded by his own particular Circe* (послушный своей собственной Цирцее) [437], прилагательное в превосходной степени: *the most opulent Kriss Kringle* (упитанный Санта Клаус) [328].

— Использование постпозитивного определения с антропонимом с определенным артиклем: *the Shylock of the stores* (ростовщик-Шейлок в магазинах) [592].

— Использование аллюзивного антропонима в составе обращения, наблюдается случай использования данной языковой единицы в качестве вторичной номинации: *you little Lady of Shalott* (маленькая Волшебница Шалот) [394].

— Транспозиция антропонима в класс неодушевленных существительных: *Odyssey* (Одиссея) [148].

— Транспозиция антропонима в разряд глаголов при помощи аффиксации: *Circe-ized* (оцирцеенные) [438].

— Формальные показатели отсутствуют, признаки выявляются из контекста: *it brings in Cinderella* (введена Золушка) [530], *you remind me of Faust's wooing of Marguerite* (ты напоминаешь мне ухаживание Фауста за Маргаритой) [541].

Все перечисленные контекстуальные особенности свидетельствуют о том, что аллюзивные антропонимы используются в не свойственных им функциях имени нарицательного, что влечет за собой изменения в их окружении, использование с именем собственным категории артикля, различных определений, притяжательных местоимений, постановку имени во множественное число и его предикативное использование, не характерное для антропонима. Можно предположить, что аллюзивные антропонимы потенциально содержат возможность расширения количества референтов и закрепления за ними определенных культурно-исторических признаков.

Результаты исследования показывают, что аллюзивный антропонимический концепт-прототип является разновидностью художественного концепта, который обладает рядом особенностей. Согласно теории прототипов, категоризация объектов может происходить на основе выявления наилучших образцов определенной категории или совокупности признаков, общих для ряда представителей категории. Аллюзивный антропонимический концепт-прототип

демонстрирует общечеловеческие механизмы мышления, что показывает его использование в различных языках.

Аллюзивный антропонимический концепт-прототип формируется на основе опыта и контекста. Акцентируемые признаки концепта-прототипа могут варьировать в разных контекстах, что не исключает возможности выделения ядра и периферии у аллюзивного антропонимического концепта. Для прототипа характерно отсутствие жестких границ.

Активизация аллюзивного антропонимического концепта-прототипа в контексте предполагает возможность инференции как умозаключения, основанного на человеческом опыте и особенностях восприятия мира.

Когнитивные процессы, происходящие при реализации аллюзивного антропонимического концепта-прототипа, прослеживаются на формальном уровне. Аллюзивный антропоним приобретает дистрибутивные особенности, свойственные нарицательным именам существительным, именам, обозначающим неодушевленные объекты, а также именам прилагательным.

Данные особенности проявляются в наличии артикля, показателя множественного числа, возможности предикативного использования данных единиц, присутствия препозитивных определений, притяжательных местоимений, прилагательных в превосходной степени сравнения, использования аллюзивного антропонима в функции обращения. Кроме того, в рассмотренном материале выявлены случаи транспозиции аллюзивных антропонимов в разряд глаголов и существительных, обозначающих неодушевленные объекты и процессы с использованием аффиксации.

Список литературы / References

- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
(Bondarko A.V. The theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language, Moscow, 2002, 736 p. — In Russ.)
- Дружинин А.С. Эволюция теории прототипов в языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70): в 2 ч. Ч. 1. С. 84—86.
(Druzhinin A.S. Evolution of prototype theory in linguistics. *Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 4 (70), in 2 parts, p. 1, pp. 84—86. — In Russ.)
- Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
(Iriskhanova O.K. Games of focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing, Moscow, 2014, 320 p. — In Russ.)
- Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С.М. Колесниковой. Москва: Юрайт, 2024.
(Cognitive linguistics: textbook for universities, ed. by S.M. Kolesnikova. Moscow, 2024. — In Russ.)
- Кряжевских Н.Н. Категория в когнитивной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4 (2). С. 12—15.
(Kriazhevskikh N.N. Category in cognitive linguistics. *Herald of Vyatka State University*, 2010, is. 4 (2), pp. 12—15. — In Russ.)
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
(Kubriakova E.S. Language and Knowledge. Towards a Knowledge of Language. Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in knowing the world, Moscow, 2014, 560 p. — In Russ.)

- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
(Lakoff Dzh. Women, Fire and Dangerous Things: What Language Categories Tell Us About Thinking, transl. by I. B. V. Shatunovsky, Moscow, 2004, 792 p. — In Russ.)
- Лобанов С.Д., Чугаева Т.Н., Вахотин А.А. «Априорные формы», «фреймы», «прототипы» в теории познания и перцептивной лингвистике // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 1. С. 64—71.
(Lobanov S.D., Chugaeva T.N., Vakhotin A.A. “A priori forms”, “frames”, “prototypes” in cognitive theory and perceptual linguistics, *Bulletin of the Perm Federal Research Centre*, 2019, iss. 1, pp. 64—71. — In Russ.)
- Миловидова И.С. Основы категоризации предметно-обиходной лексики (на материале категории «питание») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 549. С. 173—182.
(Milovidova I.S. Basics of categorisation of subject-object lexicon (on the material of the category ‘food’), *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2009, iss. 549, pp. 173—182. — In Russ.)
- Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
(Stepanov Yu.S. Concepts. The thin film of civilization, Moscow, 2007, 248 p. — In Russ.)
- Abera D. Prototype theory in cognitive linguistics. URL: https://www.researchgate.net/publication/267512473_Prototype_Theory_in_Cognitive_Linguistics (accessed 14.12.2024).
- Cuper A., Cuper-Ferrigno M. A Few Remarks on Prototype Theory in Cognitive Linguistics, *Language — Culture — Politics. International Journal*, 2021, vol. 1, pp. 57—67.
- Evans Vyvyan, Green Melanie. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006, 851 p.
- Taylor John R. Prototypes in Cognitive Linguistics, *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*, 2008. URL: https://www.academia.edu/1855217/Prototypes_in_Cognitive_Linguistics (accessed 14.12.2024)
- Zeifert Meteusz. Rethinking Hart: From Open Texture to Prototype Theory — Analytic Philosophy Meets Cognitive Linguistics, *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2022, no. 35(1), pp. 409—430.

PROTOTYPE AS A FORM OF REALIZATION OF AN ALLUSIVE ANTHROPONYMIC CONCEPT

Marina A. Ananyina

Ural Federal University, named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, ananinama@yandex.ru

Abstract. The study of the functioning of an allusive anthroponym in an artistic text is of considerable scientific interest, but within the framework of traditional philological analysis it is not possible to reveal the mechanisms of actualisation of cultural and historical information of an allusive anthroponym and analyse the peculiarities of its interaction with the receiving context. The article proposes to investigate an allusive anthroponym as a means of verbalising an allusive anthroponymic concept-prototype, which is a categorical concept. The emergence of the prototype is a consequence of the adaptation of human thinking to the dynamics of the world around us. The main contextual features of the actualisation of the allusive anthroponymic concept-prototype were revealed on the material of the stories of the American writer O. Henry. The analysis of contexts showed the presence of deep cognitive changes in the structure of the allusive anthroponym verbalising the concept-prototype, which are related to its appellativisation. The allusive anthroponym is used in the function of a nominative name, as evidenced by the plural indicators, the presence of definite and

indefinite articles, the predicative use of the name, the possibility of using prepositional and postpositional attributes.

Keywords: allusive anthroponymic concept-prototype, prototype, artistic concept, categorial concept, allusion, cognitive study of allusion

For citation: Ananyina M.A. Prototype as a form of realization of an allusive anthroponymic concept, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 83—90.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Ананьина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, ananinama@yandex.ru, SPIN: 8172-6078

Ananyina Marina Aleksandrovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Germanic languages, Ural Federal University, named after the first President of Russia, B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, ananinama@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 91—101.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 91—101.

Научная статья

УДК 94(470-89+575.4)"18"

EDN <https://elibrary.ru/lcgoso>

DOI: 10.46726/H.2025.2.10

МАХТУМ-КУЛИ-ХАН, ИЛИ «ТЯЖЕЛА ПАПАХА ХАНА»

Сердар Джумаевич Атдаев

Институт Истории и археологии Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад,
Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация. Махтум-Кули-хан являлся сыном известного главы Ахала Нур-Берды-хана. Авторитет его отца, признанного далеко за пределами оазиса, лег тяжелым бременем на плечи еще не окрепшего молодого хана. Свое место и положение в обществе Махтум-Кули-хану приходилось доказывать на протяжении многих лет своей сложной жизни. Последняя четверть XIX в. отмечена приходом в регион Российской империи. Туркменские племена понимали всю безвыходность своего положения перед лицом мощной России, оснащенной самым современным военным оружием, однако решили оказать достойное сопротивление. Махтум-Кули-хан пытался наладить связи с Персией, Хивой и Бухарой. Велась активная переписка с англичанами, которые всячески старались поддержать сопротивление туркменских племен, однако обещанной военной помощи так и не предоставили. Через посредников были организованы неоднократные встречи с российскими военными лицами, но выжидательная тактика и осторожная дипломатия ни к чему не привели. 12 января 1881 г. крепость Гёк-тепе пала, а в 1884 г. был присоединен Мерв. В этот непростой и судьбоносный период истории Махтум-Кули-хан, как и многие видные деятели того времени, твердо стоял на страже интересов туркменского народа и будущего нового государства.

Ключевые слова: Ахал, Мерв, Российская империя, Закаспийская область, туркменские племена, Махтум-Кули-хан

Для цитирования: Атдаев С.Д. Махтум-Кули-хан, или «Тяжела папаха хана» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 91—101.

*Листая старые журналы,
Знакомый вижу силуэт.
Того, кто помнится народом,
Кто Вечной Памятью воспет!
С. А.*

Вторая половина XIX в. — трудный период в истории Туркменистана. Борьба с Персией и Хивинским ханством, а также последующие ахалтекинские экспедиции 1879 и 1881 гг. выдвинули на политическую арену ряд выдающихся исторических деятелей из среды туркменского народа. Одним из них являлся Махтум-Кули-хан, сын известного главы Ахала Нур-Берды-хана.

Несмотря на яркий след, который Махтум-Кули-хан оставил в истории Туркменистана, историография его деятельности весьма скромна.

В своем исследовании мы применили комплексный метод исследования, с подключением источниковедческого и историографического материала. Использование метода историко-сравнительного анализа помогло нам воссоздать некоторые детали из жизни Махтум-Кули-хана. Данный подход дал нам возможность беспристрастно взглянуть на общественно-политическую ситуацию в регионе. Метод критического анализа исследуемых текстов и дальнейший синтез их сведений позволил нам выделить ту необходимую информацию, которая реально описывает образ нашего героя.

В начале мая 1880 г. Махтум-Кули-хан становится во главе всего Ахала. Твердо решив защищаться, жители Ахала в октябре месяце посылают своих людей за помощью к туркменским племенам в Мерв. Были также отправлены люди в Буджнурд к курдскому ильхани Яр-Мухаммет-хану. С этой же целью снаряжается посольство в Хиву для переговоров с Мухаммет-Рахим-ханом. Одновременно ведется переписка с англичанами. В ноябре 1880 г. 11 текинских шейхов обращаются к британскому послу в Тегеране, требуя оказания обещанной помощи, заявляя, что туркмены «впутались в борьбу с Россией в надежде на английскую помощь» [Хидоятов: 391]. Махтум-Кули-хан в своих письмах сообщает о поступающей помощи из Мерва от текинцев, сарыков и салыров. Данные относительно подкрепления из Мерва таковы: в 1879 г. оно оценивалась в 6 000 человек, а в 1880—1881 гг. в 7 000 человек [Атдаев 2024а: 122]. В январе 1881 г. ожидалась дополнительная помощь еще в 10 000 человек [Гродеков 3: 273].

Махтум-Кули-хан получает ряд посланий от британского представителя в Мешхеде, переправленных через курда по имени Голам-Реза. Этот же связной передает Махтум-Кули-хану письма от корреспондента британской газеты “Daily News” Эдмонда О’Донована [The Merv Oasis: 54—55, 133, 157, 495]. Донован в Кучане и в Мешхеде имел беседу и с личным посланником от Махтум-Кули-хана Дурды-беєм [The Merv Oasis: 207].

4 ноября 1880 г. Донован приезжает в Дерегез и, добравшись до Багира, отправляет письмо в Гёк-тепе с просьбой разрешить приехать в крепость, но местный совет отказывается удовлетворить его просьбу. Махтум-Кули-хан в письме к правителю Дерегеза Мехмет-Али-хану просил передать Доновану, что «ахалтекинцы не желают иметь его у себя, ибо им нет пользы от одного англичанина, пусть придут английские войска» [Гродеков 3: 140; Покорение Ахал-Теке: 9]. Доновану приходится наблюдать штурм Гёк-тепе 12 января 1881 г. в бинокль с горы Маркоу, отстоящей от крепости в 19 км. Он видел, как жители начали покидать крепость. Поняв, что битва окончена, Донован отправляется в Келат и далее движется в сторону Мерва [The Merv Oasis: 67; Гродеков 4: 89].

После штурма 12 января 1881 г. крепость Гёк-тепе пала. Жители спешно покидали свои села, отправляясь в сторону Теджена и далее в Мерв. Вскоре Махтум-Кули-хан со своими соратниками находит приют в Мерве. Однако, узнав о прощении Российскими властями защитников крепости, некоторые семьи начали движение обратно. При Махтум-Кули-хане было до 4 000 джигитов, но и они начали возвращаться в Ахал. Оставшиеся с ханом 3 000 всадников намеревались драться до конца, а в случае поражения готовы были уйти в Афганистан [The Merv Oasis: 206, 258]. Известно, что после присоединения Мерва к России в 1884 г. около 2—3 тысяч текинцев удалились за Афганскую границу [Атдаев 2024а: 134].

Соратник Махтум-Кули-хана Дыкма-сердар 27 марта возвращается с повинной в Ашхабад. Со временем Махтум-Кули-хан стал осознавать, что примирение с Россией неотвратимо. 29 марта 1881 г. Махтум-Кули-хан решается

написать письмо, в котором обещает прибыть в Ашхабад. В апреле 1881 г. верный друг Махтум-Кули-хана Эзиз-Гараёрма-сердар присылает генералу М.Д. Скобелеву письмо, в котором предлагает свои услуги по проведению переговоров с мервскими ханами. Взамен он просит простить Махтум-Кули-хана и позволить ему вернуться в Ахал вместе с его братом Юсуп-ханом. Эзиз-сердар «даже брался лично доставить к Скобелеву Махтум-Кули-хана» [Семенов: 8].

Однако Махтум-Кули-хан все еще медлит с возвращением. Генерал-лейтенант П.Ф. Рерберг посылает в Мерв Дыкма-сардара с целью убедить Махтумкули-хана возвратиться обратно. Дыкма-сердар несколько раз виделся с Махтум-Кули-ханом, но хан не мог принять окончательного решения, а позже объявил, что поедет в Хиву и там явится русским властям [Присоединение Туркмении: 544, 575].

Старания по возвращению Махтум-Кули-хана предпринимает и один из влиятельных людей Ахала — Паша-сердар. Махтум-Кули-хан объясняет ему свое нахождение в Мерв так: «бытность моя в этом краю принесет пользу» [Присоединение Туркмении: 544]. Чуть ранее, 20 мая 1881 г., Махтум-Кули-хан писал Н.Н. Сполатбогу: «я даю наставление жителям и говорю, что сильнее русского государства нет и русские ближе к нам, а Англия далека... Для поездки мне необходимо перевозочные средства и путевые издержки, потому прошу Вас отобрать у нохурцев мое имущество и прислать мне» [Присоединение Туркмении: 546].

В Мерве все еще надеются на помощь соседей. В июле 1881 г. группа старшин едет в Хорасан к ее правителю Сепак-Салару, однако возвращается без определенного ответа. Посольство, направленное к эмиру Афганистана Абдур-Рахману, также не получило положительного отклика. Эту депутацию возглавлял «личный друг эмира» Эзиз-сердар. Он же вез письмо Махтум-Кули-хана к англо-индийским властям в Пешаваре. Мервская депутация просила также покровительства у бухарского эмира. При этом она добивалась, чтобы эмир отпустил в Мерв туркмена Гара-Шейтана, занимавшего у него пост главнокомандующего — *дадха*. Планировалось, что Гара-Шейтан, вернувшись в Мерв, станет наместником бухарского эмира в оазисе. Но и эта миссия не увенчалась успехом. Бухарский эмир не согласился отпустить своего дадху в Мерв. Гара-Шейтан происходил из текинского колена Бег. Он остался служить в Бухаре после того, как в 1868 г. Говшут-хан с 3 000 всадниками из Мерва предпринял попытку прийти на помощь эмиру в его войне против России. Гара-Шейтан оставался в Бухаре до 1882 г., пока его не сменил Астанакул-бий дадха.

Осенью 1881 г. начинают поступать сообщения, что англичане усиливают свои происки в Мерве. Они отправляют подарки Махтумкули-хану и стараются сблизить его с гератским правителем Абдур-Рахманом. Указывалось, что Махтум-Кули-хан получил приглашение от англичан приехать в Серахс, куда намерены были прибыть и англичане [Присоединение Туркмении: 589, 591]. Однако Махтум-Кули-хан не особо верил англичанам. Он помнил, как они обещали помощь его отцу Нур-Берды-хану в 1879 г., говоря, что их войска уже выступили из Герата [Хидоят: 391]. В 1882 г. Махтум-Кули-хан в письме на имя английского агента упрекал его в обмане. «Покойный родитель мой Нур-Берды-хан, поверив вашим словам и надеясь на покровительство, умер. И я, следуя его инициативе, по своей глупости и беспечности, лишился имущества, наследства, отчизны, сана и достоинства; причиной этих разорений суть обманные слова ваши» [Тихомиров: 61].

Подобная ситуация вынуждала Махтум-Кули-хана вновь обратить свой взор на Россию. В октябре 1881 г. главные ханы, в числе которых был и Махтум-Кули-хан, приняли решение направить русскому царю петицию с просьбой взять их под свое покровительство. Резолюция была доставлена в Ашхабад

Дыкма-сердаром, которого сопровождали 24 мервских старшины и 110 конвоиров [Присоединение Туркмении: 555, 575].

Из донесения начальника штаба Закаспийской области полковника И.А. Аминова от 23 февраля 1882 г. следует, что действия Махтум-Кули-хана стали более определенными: «после больших услуг, оказанных им каравану, намерен явиться просить прощения» [Присоединение Туркмении: 629]. Ч. Марвин в марте 1882 писал, что Махтум-Кули-хан хотел бы побывать в Ашхабаде и попросил нашего заступничества [The Russians at Merv: 181, 191]. Летом 1882 г. Махтум-Кули-хан соглашается на примирение и сдает свое оружие в Ашхабаде. Затем вновь удаляется в Мерв. Российское командование долго проверяло Махтум-Кули-хана на предмет его лояльности и решило вернуть ему оружие лишь год спустя [Россия и Туркмения: 44, 222]. Газета «Кавказ» писала: «Махтум-Кули-хан, удалившийся было, после Гёк-тепинского погрома в Мерв, возвратился в Ахал в 1882 году» [Кавказ 1884].

Махтум-Кули-хан приезжает в Ашхабад 15 октября 1882 года с изъявлением полной покорности. По приведению его к присяге генерал П.Ф. Рерберг счел более полезным нахождение хана в Мерве. Впоследствии Махтум-Кули-ханом было оказано Закаспийским властям не мало услуг. Он организовал поимку и выдачу аламанщика Берды-Аба, совершившего со своей группой нападение на съёмочную партию топографа Парфенова в ноябре 1882 г. [Отчет о состоянии войск: 124]. Другие документы сообщают, что Берды Аба и его сподвижник Пяльван-хан были пойманы вахмистром туркменской милиции Маргания в январе 1883 г. На обратной дороге, близ Кака, Берды Аба бежал, но благодаря стараниям Махтум-Кули-хана и Майлы-хана (колена Сычмаз, род Гарахмет) был пойман и оставлен в Ашхабад [Семенов: 69]. Газета «Московские ведомости» от 14 марта 1883 г. писала, что Берды Аба был осужден 14 февраля в Ашхабаде полевым военным судом и казнен 16 февраля. Его соучастник нохурлинец Аман-Дурды был приговорен к пожизненной ссылке на каторжные работы [Тихомиров: 129].

Обстоятельства требовали, чтобы власть в Мерве находилась в руках одного доверенного правителя. В октябре 1882 г. генерал П.Ф. Рерберг предполагал назначить Махтум-Кули-хана «Мервским ханом». Однако проект российских властей на продвижение Махтум-Кули-хана на лидерские позиции в Мерве осуществить не удалось, так как последний в мае 1883 г. был отправлен в Москву для участия в торжествах по случаю коронации Александра III [Отчет о состоянии войск: 124].

Рис. 1. Депутация Закаспийской области, прибывшая на коронацию Александра III. Махтум-Кули-хан третий слева, в верхнем ряду

Отряд генерала А.В. Комарова 21 февраля 1884 г. прибывает в Теджен, расположившись у плотины Гарры-Бент. Принимается решение образовать Тедженский округ, вверив его управление майору милиции Махтум-Кули-Хану. Чуть ранее, 12 декабря 1883 г., передовой отряд М. Алиханова выступил из Гарры-бента в Мерв в сопровождении Махтум-Кули-хана, 25 казаков и 12 джигитов. Они должны были узнать о настроении, царившем в Мерве. Махтум-Кули-хан, «стесняясь своих соплеменников, выехал в дорогу в туркменском халате, без всяких офицерских знаков» [Алиханов-Аварский 1904: 97, 100]. На пути в Мерв их встретили мервские ханы. Через два дня М. Алиханов и его свита ночевали в доме Майлы-хана [Присоединение Туркмении: 708—709].

1 января 1884 г. в Мерве на общем народном собрании — Генеше — было принято решение о принятии российского подданства. 25 января 1884 г. делегация мервских ханов и старшин прибывает в Ашхабад. Но не все население оазиса было согласно с решением собрания: «Их ханы, вернувшиеся из Асхабада с эполетами на плечах, утратили в среде соплеменников и ту ничтожную долю влияния, которую имели. На базарах ханов открыто называли изменниками, продавшими народную свободу за золотые дощечки» (т. е. позолоченные погоны. — С. А.) [Отчет о состоянии войск: 133].

При подходе к Мерву основных сил генерала А.В. Комарова стали поступать новости о недовольстве части населения с решением совета. 28 февраля передовой разъезд сообщил, что «значительные скопища мервцев пеших и конных вышли из Мерва и идут на лагерь» [Там же: 135]. После ряда столкновений отряду А.В. Комарова удалось вступить в Мерв [Атдаев 2024а: 129—134].

В феврале 1884 г. генерал А.В. Комаров отправляет в Ёлотань майора Махтум-Кули-хана, который возвращается 9 марта вместе с депутатами от сарыков во главе с Сары-ханом для переговоров о подчинении Ёлотани. 4 апреля в Ёлотань вместе с Махтум-Кули-ханом отправился инженер П.М. Лессар, который далее двинулся в Пенде.

Начальник Главного Штаба и Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков в апреле 1884 года предпринимает поездку в Закаспийский край. 27 апреля на полпути от Кака к Теджену их встречает начальник Тедженского округа майор Махтум-Кули-хан [Кавказ 1884].

Осенью 1888 г. Александр III со своей семьей осуществлял турне по Кавказу. 8 октября на станции Аджи-Кабул их ожидала вся городская элита. Среди встречающих была и туркменская депутация, состоящая из 40 ханов и других почетных лиц [Переводчик 1888]. Туркменская депутация «поднесла Государю хлеб-соль на серебряном блюде с надписью внизу “От Мерва”» [Кавказ 1888 № 268]. Встреча продолжилась во дворце, где Махтум-Кули-хан наряду с другими офицерами туркменской милиции получил драгоценный перстень и почетный халат из золотой парчи [Атдаев 2024: 67].

Махтум-Кули-хан продолжил свою службу в Теджене. В 1888 г. его встречал Дж. Добсон [Russia's Railway Advance: 170]. Проживая в Теджене, Махтум-Кули-хан имел плодородный участок Кялбойи площадью около 14 700 десятин, который сдавал в аренду. В 1899 г. эти земли были конфискованы русской администрацией и объявлены казенно-кярендной землей.

Пресса того времени писала, что земли Теджена посетил высокий гость из Италии — принц Неаполитанский, будущий король Италии Виктор Эммануил III (1869—1946). На станции принца встретил начальник округа Махтум-Кули-хан. Гость был приглашен на охоту на диких кабанов. Он охотно принял это предложение.

1896 г. отмечен коронаванием русского императора Николая II. По некоторым данным, Махтум-Кули-хан входил в состав туркменской депутации. В связи с 25-летием присоединения Мерва к России туркменская депутация в 1909 г. отправляется в Россию. Во главе данной депутации стоял Юсуп-хан [Родина: 3]. Вместе с ним присутствовала его мать Гюль-Джемал-ханша, его сын Гарры-хан и сводный брат Махтум-Кули-хан. Группа прибывает в Петербург 13 января 1910 г. [Кавказ 1910]. Согласно воспоминаниям генерал-лейтенанта А.А. Поливанова, встреча туркменской депутации с императором Николаем II состоялась 19 января [Поливанов: 93].

В 1913 г. проводятся празднования 300-летия дома Романовых. А.Н. Самойлович в своих комментариях к «Книге рассказов о битве текинцев» пишет, что, собирая материал, он встретился с Махтум-Кули-ханом и Алла-Кули-ханом (сыном Рахман-Кули-хана, из колена Бег. — С. А.) во время их приезда в Петербург в феврале 1913 г. вместе с другими туркменскими депутатами [Абду-с-Саттар Казы: 0117]. По некоторым данным, в состав этой группы входила и Гюль-Джемал-хан [Атдаев 2024: 70]. Известно, что Гюль-Джемал-хан поддерживала активную связь с русским императорским двором. Так, в 1904 г. ханша пожертвовала императрице Александре Федоровне через управляющего Мургабским ее величества имением статского советника Ю.Д. Еремеева 2 500 рублей на лечение русских солдат, раненых в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. [Переводчик 1904].

Биография Махтум-Кули-хана. Махтум-Кули-хан являлся сыном главы Ахала Нур-Берды-хана. Его племенная принадлежность такова: Теке — Тогтамыш — Векиль — Ак-векиль — Гара-ёрме — Онбеги. Его предки обладали ханскими титулами в 8-и поколениях. Махтум-Кули-хан был рожден от 2-й жены Нур-Берды-хана по имени Нар [Гродеков 1: 70].

По данным А.А. Сполатбога и полковника В.П. Мельницкого, хан родился в 1859 г. [Покорение Ахал-Теке: 14; Статистические данные: 120—121]. По материалам А.А. Семенова и сообщениям участников коншинского каравана, 1882 г. хан родился в 1857 г. [Семенов: 43], [Присоединение Туркмении: 626]. Донован указывает дату рождения ранее 1855 г. [The Merv Oasis: 205]. Однако наиболее убедительными выглядят данные М. Алиханова и Ч. Марвина, согласно которым хан родился в 1855 г. [Алиханов-Аварский 1904: 94], [The Russians at Merv: 184].

Махтум-Кули-хан был рожден от второй жены Нур-Берды-хана по имени Нар [Абду-с-Саттар Казы: 0118]. Сыновьями Махтум-Кули-хана были: Ораз-Мухаммед-хан и Абды-Рахман-хан. По другим данным, был еще сын Мюррюк-хан, от которого были внуки Сухан-Гулы и Ата. В Мерве Махтум-Кули-ха, как и его сводный брат Юсуп-хан, проживал в ауле Гюль-Джемал-ханши [The Merv Oasis: 258].

В феврале 1884 г. майор милиции Махтум-Кули-хан назначается управляющим Тедженским округом. В этой должности он упоминается и в 1888 г. в воспоминаниях Дж. Добсона [Russia's Railway Advance: 170]. В 1889 г. проводится ревизия военно-народного управления и войскового хозяйства Туркестанского края под председательством генерала А.Н. Боронка. О результатах ревизии подробно пишет в своих дневниках А.Н. Куропаткин: «Ревизия установила злоупотребления по расходованию сумм и большие беспорядки в отчетности. Главными виновниками допущенных беспорядков были признаны: командующий войсками области генерал Комаров, строитель Закаспийской железной дороги генерал Анненков, начальник Мервского уезда полковник Алиханов и начальник Тедженского округа подполковник туркмен Махтум-Кули-хан». Далее А.Н. Куропаткин отмечает: «я признал, что обвинения действительно были серьезны, но <...> признал необходимым помнить огромные услуги,

оказанные России Комаровым, Алихановым и Анненковым. Я добился освобождения от суда и туркмена Махтум-Кули-хана. В итоге, все четверо были освобождены от суда» [Фетисов].

Относительно должностного звания Махтум-Кули-хана следует отметить, что чин майора милиции он получил по случаю участия в короновании Александра III в Москве 15 мая 1883 г. [Присоединение Туркмении: 679]. В чине майора хан упоминается и в Кавказском календаре, изданном в 1888 г. [Кавказский календарь: 178]. В докладе начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.В. Комарова о подготовке туркменской делегации к поездке в Баку в 1888 г. Махтум-Кули-хан также указан в чине майора милиции [Россия и Туркмения: 265].

Однако в документах осени 1888 г. он предстает в чине подполковника. По всей видимости, чин подполковника милиции Махтум-Кули-хан получает в Баку на торжествах по случаю встречи императора Александра III [Атдаев 2024: 66]. Подтверждением тому является приказ от 27 октября 1888 г., подписанный в Гатчине, согласно которому *подполковнику* милиции Махтум-Кули-хану был пожалован орден (для нехристиан) Св. Анны 2-й степени [Кавказ 1888: № 295]. В чине подполковника Махтум-Кули-хан упоминается и в других документах 1888 г. [Потто: 194], а также в материалах 1907 г. [Котюкова: 80].

Относительно Махтум-Кули-хана прочно закрепилось утверждение, что его высшим должностным званием был чин подполковника. Однако материалы А.А. Семенова показывают, что Махтум-Кули-хан в 1909 г. по случаю 25-летия присоединения Мерва к России был произведен в чин полковника [Семенов: 120]. Известно, что Махтум-Кули-хан являлся депутатом Государственной Думы от местного населения Закаспийской области II созыва в 1907 г. [Абду-с-Саттар Казы: 0118]. Исследования А.А. Семенова показывают, что он был также депутатом Государственной Думы I созыва в 1906 г. [Семенов: 120].

В 1913 г. Махтум-Кули-хан вновь посещает Санкт-Петербург (возможно, на празднование 300-летия царствования Дома Романовых. — С. А.) вместе с Алла-Кули-ханом из колена Бег [Абду-с-Саттар Казы: 0117]. Позже, находясь в отставке, Махтум-Кули-хан проживал близ Бёрме, поддерживая связи с Мервом [Семенов: 91, 120]. Ему была назначена пенсия в 1200 руб. в год [Атдаев 2024: 66].

С 1919 г. Махтум-Кули-хан начинает сотрудничать с большевиками. В конце 1920 г. с захватом Закаспийской области войсками Красной армии он окончательно переходит на сторону большевиков и назначается членом Реввоенсовета 1-й армии, проживая в ауле Хан-Кяриз Келятинского аулсовета. Семья Махтум-Кули-хана в порядке закрепления ЗВР (Земельно-Водная Реформа. — С. А.) и коллективизации была переселена в Байрам-Алинский район ТССР [Аналитический материал]. Умер Махтум-Кули-хан 28 апреля 1924 г. Ныне его могила находится рядом с местом погребения отца Нур-Берды-хана и брата Дёвлет-хана в Ханкяризе.

Рис. 2. Махтум-Кули-хан в первом ряду, крайний справа. 1920 г.

Некоторые сведения о Махтум-Кули-хане. Махтум-Кули-хан имел хорошее образование и «вел жизнь ученого» [Гродеков 2: 9]. Хотя в анкете члена II Государственной Думы почему-то указано о наличии у него всего лишь «низшего» образования [Котюкова: 193].

А. Самойлович, видя в Махтум-Кули-хане умного собеседника, часто встречался с ним для получения материалов для своих работ. Во время очередной встречи Махтум-Кули-хан передал А. Самойловичу тетрадку. В ней были материалы текинского священнослужителя Ходжели-Молла с изложением народных песен, пословиц, загадок, рассказов про Пялван-Ата и Молла-Гаиба, стихи емрелинского поэта Магрупи, песни Зелили и Садыка [Самойлович: 013—014]. В ходе работы над поэмой «Книга рассказов о битвах текинцев» некоторые дополнительные сведения о туркменских героях А. Самойлович раздобыл от Махтум-Кули-хана в феврале 1913 г. в Петербурге [Абду-с-Саттар Казы: 0117].

Донован отмечал, что Махтум-Кули-хан был «строгим трезвенником и даже не притрагивался к посуде, из которой пили водку, не сполоснув ее» [The Merv Oasis: 239]. По описанию Донована, Махтум-Кули-хан в возрасте 27 лет имел маленькие усы и был без бороды. Ростом он был «выше среднего, худощав, черты лица правильные, глаза крупные, карие, на щеках румянец. Главное в выражении лица — мягкость» [The Merv Oasis: 205].

Газета «Кавказ» так писала о Махтум-Кули-хане: «Он носит теперь общую милиционную форму, освоился со многими европейскими обычаями и держит себя с большим умением и достоинством; по всему видно, что это вполне сложившийся характер, который знает, чего хочет и что делать. Таким людям можно верить, если они дают слово» [Кавказ 1884].

К вопросу о единовременном правлении Махтум-Кули-хана в Ахале и Мерве. Известно, что после смерти Нур-Берды-хана в конце апреля 1881 г. новым главой Ахала признается Махтум-Кули-хан. М.Д. Скобелев отмечал, что Махтум-Кули-хан, как «*некоторые утверждают*» (выделено нами. — С. А.), соединяет в себе одном власть над текинцами Ахала и Мерва» [Присоединение Туркмении: 474]. Это необоснованное высказывание впоследствии породило ряд неверных утверждений, будто бы он действительно имел полновластное управление как в Ахале, так и в Мерве.

Не умаляя заслуг Махтум-Кули-хана, отметим, что, придя к власти в Ахале, он не смог взять полное управление над Ахалом. Н.И. Гродеков пишет, что Махтум-Кули-хан, «недавно вышедший из отроческих лет, избалованный богатством отца, позволявшим ему вести жизнь ученого, никогда не участвовавший на войне (на аламанах), совершенно не годился для этого» [Гродеков 2: 9]. По этой причине руководство было передано в руки четверовластия, куда вошел и сам Махтум-Кули-хан в качестве представителя колена Векиль [Гродеков 1: 71].

В Мерве Махтум-Кули-хан возглавляет свое колено Векиль. Донован, прибывший в оазис 1 марта 1881 г., писал, что к его приезду Махтум-Кули-хан уже был у власти [The Merv Oasis: 126]. Махтум-Кули-хан вновь переизбирается в ноябре 1881 г. [The Russians at Merv: 184].

В рапорте от 19 января 1882 г. говорится, что колено Векиль опять избрало своим ханом Махтум-Кули-хана [Присоединение Туркмении: 619, 626]. Полковник И.А. Аминов в своем донесении от 23 февраля 1882 г. отмечает, что «векильцы выбрали Махтум-Кули-хана, который считается в Мерве главным лицом и который во всех собраниях занимает почетное место» [Присоединение Туркмении: 629]. О нахождении у власти в колоне Векиль Махтум-Кули-хана в 1882 г. сообщал Бенуа-Мешэн [Записка барона Бенуа-Мешэн: 125, 127].

Писал об этом и А.А. Семенов [Семенов: 43]. Дж Керзон в 1888 г. продолжает называть Махтум-Кули-хана главой колена Векиль [Russia in Central Asia: 131], хотя этим коленом давно уже управлял его брат Юсуп-хан.

Судьба Махтум-Кули-хана оказалась сложной. На протяжении всей своей жизни ему приходилось доказывать свою значимость и отстаивать свое положение в обществе. Появление в регионе мощной Российской империи поставило туркменские племена в трудное положение, однако последние решили отстаивать свою землю до конца. Махтум-Кули-хан ведет переговоры с Персией, Хивой и Бухарой. Налаживает переписку с англичанами. Организует ряд встреч с представителями российских властей. Его выжидательная тактика и осторожная дипломатия, к сожалению, не привели к положительному результату. В начале января 1881 г. крепость Гёк-тепе пала, а спустя 3 года был присоединен Мерв. Работая на российской службе, а позже сотрудничая с властями большевиков, Махтум-Кули-хан продолжает служить интересам своего народа и будущего своей страны.

Список источников

- Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX века. СПб., 1914. 82 с.
- Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881—1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 73—125.
- Аналитический материал ОО ГПУ Турк ССР о политико-экономическом состоянии Бахарденского района. 25 сентября 1931 г. // Совершенно секретно. 1931. Т. 9. М., 2013. С. 175—198.
- Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.: в 4 т. СПб., 1883—1884. 1036 с.
- Записка барона Бенуа-Мешэн о Мервских туркменах 1883 г. // СМА. Вып. 6. СПб., 1883. С. 122—131.
- Кавказ. 1910. № 11.
- Кавказ. 1888. № 295.
- Кавказ. 1888. № 268.
- Кавказ. 1884. № 118.
- Кавказский календарь на 1889 год. 1888. Тифлис.
- Отчет о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции до 1-го января 1890 года. Асхабад, 1891. 171 с.
- Переводчик. 1904. № 103.
- Переводчик. 1888. № 35.
- Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис, 1884. 25 с.
- Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 г. М., 1924. Т. 1. 240 с.
- Потто В.А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. 238 с.
- Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад, 1960. 824 с.
- Родина. 1910. № 6.
- Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад, 1946. 327 с.
- Самойлович А. Материал по среднеазиатско-турецкой литературе // ЗВОРАО. 1910. Т. 19. С. 01—030.
- Семенов А.А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.). По архивным данным. Ташкент, 1909. 122 с.
- Статистические данные о Закаспийской области. (По сведениям, собранным Г. Шт. Полковником Мельницким в мае 1886 года) // СМА. 1888. Вып. XXIX. С. 104—125.

- À travers l'Asie Centrale: la Steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse impressions de voyage par Henri Moser, Paris: E. Plon, Nourrit, 1885, 463 p.
- Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question by the Hon. George N. Curzon. London; New York: Green & co, 1889, 477 p.
- Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand by George Dobson. London: W.H. Allen & Co, 1890, 439 p.
- The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. By Lieutenant-Colonel C. E. Stewart, 5th Punjab Infantry, (Sep. 1881), *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, New Monthly Series*, vol. 3, no. 9, pp. 513—546.
- The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879—80/81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news', 1883, vol. 2, New York: G.P. Putnam's Sons, 500 p.
- Marvin C. The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India, London, 1883, 470 p.

Список литературы / References

- Атдаев С. Гюль-Джемал-хан (последние штрихи к портрету) // Культурное наследие. 2024. № 2. С. 62—80.
- (Atdaev S. Gul-Jemal-khan (last touches to the portrait), *Cultural Heritage*, 2024, № 2, pp. 62—80. — In Russ.)
- Атдаев С. Неизвестный портрет Гаджар-хана // Культурное наследие. 2024а. № 3. С. 117—142.
- (Atdaev S. Unknown portrait of Gajar-khan, *Cultural Heritage*, 2024a, no. 3, pp. 117—142. — In Russ.)
- Котюкова Т.В. Туркестанское направление Думской политики России (1905—1917 гг.). М.: Эпос-График, 2008. 201 с.
- (Kotyukova T.V. Turkestan Direction of the Russian Duma Policy (1905—1917), Moscow, 2008, 201 p. — In Russ.)
- Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М: Восточная литература, 1960. 240 с.
- (Tikhomirov M.N., 1960. Merv's accession to Russia, Moscow, 240 p. — In Russ.)
- Фетисов В. Рыцари стальных магистралей. История железных дорог Туркестана. Генерал Анненков. URL: <https://dunyo.news/ru/news/nuzuz-6504022897b4b> (дата обращения: 28. 10.2024).
- (Fetisov V. Knights of steel highways. History of the railways of Turkestan. General Annenkov. — In Russ.)
- Хидояттов Х.Г. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент: ФАН, 1969. 456 с.
- (Hidoyatov H.G. 1969. From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century (60—70s), Tashkent, 456 p. — In Russ.)

MAHTUM-KULI-KHAN, OR “HEAVY CAP OF HAN”

Serdar J. Atdaev

Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com

Abstract. Makhtum-Kuli-khan was the son of the famous head of Ahal Noor-Berdykhan. His father's authority, recognized far beyond the oasis, weighed heavily on the shoulders of a young khan yet to be strengthened. The position and status of Makhtum-Kuli-khan in society has had to be proved during many years of his difficult life. The last quarter of XIX c.

is marked by the arrival in the region of the Russian Empire. The Turkmen tribes understood the inadequacy of their position in the face of a powerful Russia equipped with the most modern military weapons, but decided to resist. Makhtum-Kuli-khan tried to establish links with Persia, Hiva and Bukhara. There was active correspondence with the British, who tried their best to support the resistance of the Turkmen tribes, but never provided the promised military assistance. Through the intermediaries, repeated meetings with Russian military personnel were organized. However, the waiting tactics and careful diplomacy did not lead to anything. 12 January 1881, the fortress of Geok-tepe fell, and in 1884. was joined by Merv. In this difficult and fateful period of history, Makhtum-Kuli-khan, like many prominent figures of the time, stood firmly on guard of the interests of the Turkmen people and the future of the new state.

Keywords: Ahal, Merv, Russian Empire, Zacasian region, Turkmen tribes, Makhtum-Kuli-khan

For citation: Atdaev S.J. Mahtum-Kuli-Khan, or “Heavy is the head that wears the crown”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 91—101.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Атдаев Сердар Джумаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Истории и археологии Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com, SPIN: 5679-6960

Atdaev Serdar Jumaevich — Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 102—111.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 102—111.

Научная статья

УДК 930:355.4

EDN <https://elibrary.ru/mflqgo>

DOI: 10.46726/H.2025.2.11

ВОЕННЫЕ МАНЕВРЫ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК У ФОРТА РАЙЛИ В 1902 Г. В ДОНЕСЕНИЯХ ВОЕННОГО АГЕНТА Н.Н. РАСПОПОВА

Сергей Дмитриевич Никитенко

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва,
Россия, serg777nikitenko@yandex.ru

Аннотация. История изучения российской разведывательной отрасли на фоне современной сложной международной ситуации как никогда является актуальной, в том числе и в контексте эволюции внешнеполитического взаимодействия России со странами Запада и США. И одно из центральных положений в этом отношении в начале XX в. играл институт военных агентов. Цель настоящей статьи — анализ деятельности русского военного агента в США Н.Н. Распопова и его донесений о состоянии американской сухопутной армии в начале XX в., которые он составил в ходе личного присутствия на военных маневрах у форта Райли в 1902 г. Новизна исследования заключается в первой в отечественной историографии попытке широкого обращения к донесениям Н.Н. Распопова как источнику по изучению военного потенциала США начала XX в., а также во внедрении в научный оборот широкого ряда ранее не опубликованных документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В донесениях Н.Н. Распопов подробно расписывает историю подготовки проведения маневров, их описание и результаты, приводит численность войск, принявших участие. Военным агентом анализируются недочеты во время проведения маневров, дается оценка каждому из родов войск и прогнозируется значение маневров для будущей модернизации армии США в целом. Автор приходит к выводу, что подробный анализ донесений Н.Н. Распопова демонстрирует серьезный уровень его профессионализма в качестве военного агента в США.

Ключевые слова: Н.Н. Распопов, военный агент, форт Райли, военные маневры, вооруженные силы США

Для цитирования: Никитенко С.Д. Военные маневры американских войск у форта Райли в 1902 г. в донесениях военного агента Н.Н. Распопова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 102—111.

Победа США над Испанией в 1898 г., продемонстрировавшая мировой общественности возможности вооруженных сил заокеанской республики, по словам президента Т. Рузвельта, произнесенных им в одной из своих речей весной 1899 г., должна была способствовать отказу от признания американцами себя в качестве «зажиточных торгашей, которым наплевать на то, что делается в мире» и переходу к дальнейшему укреплению в Америке ее «мощи <...> для борьбы за морское и коммерческое превосходство» [Hill: 1]. Таким образом, как справедливо отмечал русский посол в США А.П. Кассини в том же году, «в виду вступления Соединенных Штатов в новую роль державы, принимающей участие в решении вопросов международной политики... вопрос об

американской армии... не может не представлять интереса для иностранных держав» [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 60. Л. 75 об.].

Для русского военного министерства и входящего в него Генерального штаба одним из главных источников сбора информации и сведений о вооруженных силах США являлся военный агент в Америке, должность которого была вновь воссоздана спустя почти 30 лет, в 1899 г. [Там же: л. 166]. Что касается обязанностей всех военных агентов России в начале XX в., то, исходя из «Инструкции военным агентам» 1880 г., несильно отличавшейся от прошлой 1856 г. и лишь чуть более детально излагавшей их функции, военные агенты, все также являясь официальными представителями дипломатической миссии, должны были стремиться «дать <...> правительству ясный и верный отчет об оборонительной и наступательной готовности государства» [Алексеев 1: 87, 88].

Самым продолжительным по нахождению в должности военного агента в США являлся подполковник Николай Никифорович Распопов, который согласно приказу начальника Главного Штаба ген.-лейтенанта В.В. Сахарова (1898—1904) за № 22 от 18 января 1902 г. (с. с.), сменив полк. А.П. Агапеева (1901), официально получил должность нового военного агента в Америке [РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 2993. Л. 2 об.], которую он занимал на протяжении более пяти лет вплоть до 4 сентября 1907 г. (с. с.) [РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 127. Л. 1]. Тем не менее, несмотря на этот факт, а также на то, что деятельность иных военных агентов в Америке в разные периоды времени и анализ ряда их донесений нашли отражение в нескольких исследованиях [См., напр.: Алексеев 2: 137; Манухин: 22, 24—25, 26; Окунева: 79—81, 83, 84], к сожалению, на сегодняшний момент в отечественной историографии имя Н.Н. Распопова практически забыто. Из всех существующих работ к донесениям Н.Н. Распопова обращался лишь Е.Ю. Сергеев, использовавший их фрагмент в качестве имагологического источника для составления образа восприятия американцев в России в начале XX в. [Сергеев: 210—211]. Кроме этого, мы также располагаем небольшим описанием внешности и черт характера Н.Н. Распопова, которое в своих мемуарах отразил бывший последний военный агент в США, А.М. Николаев (1916—1917), лично общавшийся с первым: «С голубыми глазами, широким носом, редкими волосами на голове и светлыми усами, ростом не выше среднего, он имел добродушный вид. Мягкость и прямота были основными чертами его характера» [Николаев 1968: 212].

Одним из важнейших результатов Н.Н. Распопова в деле сбора сведений о состоянии вооруженных сил США в качестве военного агента в Америке является составление им подробного отчета о посещении военных маневров американских войск в лагере Рут у форта Райли (штат Канзас) осенью 1902 г., которые были освещены в его рапорте в Главный Штаб за № 12 от 6 ноября 1902 г. (с. с.)

Как отмечал военный агент, главной особенностью данных маневров являлось их историческое значение, поскольку они представляли собой первую в истории «разбросанной небольшими частями по фортам на огромном пространстве» американской армии попыткой проведения совместных военных маневров различными родами войск (пехота, кавалерия, артиллерия и т. д.), в то время как все прошлые годы обучение и боевая подготовка ограничивались лишь разобщенными тактическими уставными занятиями на специальных маневренных, ограниченных и отведенных для гарнизона участках земли близ фортов, называемых Н.Н. Распоповым «резервациями» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 11]. В связи с последним фактом отчасти обуславливался и выбор территории близ форта Райли (лагерь Рут) в качестве места проведения

данных маневров, поскольку помимо его центрального положения относительно всей страны у него также имелась и крупная резервация со значительным гарнизоном (8 рот конницы, 5 полевых батарей, кавалерийская и артиллерийская школы), что было «чрезвычайно важно» в виду того, что по словам Н.Н. Распопова, войска не имели права выходить за пределы данного участка. В результате данное условие, как справедливо отмечал военный агент, уже изначально ставило будущие «маневренные предприятия... в прямую зависимость от величины участка» и не могло способствовать их проведению «с широким стратегическим заданием» [Там же: л. 11—11 об.].

По сведениям Н.Н. Распопова, общий численный состав войск, принявших участие в маневрах у форта Райли в 1902 г., включал в себя: 35 рот пехоты, 12 рот конницы, 4 роты инженерных войск, 32 артиллерийских орудия, а также 16 рот национальной гвардии ближайших штатов Канзас и Колорадо [Там же: л. 19]. Важно также отметить, что, по словам военного агента, такое «ограниченное количество» войск национальной гвардии стало следствием отказа Конгресса США от выделения средств на данное мероприятие, в результате чего штатам, пожелавшим принять участие в маневрах, пришлось «принять расходы на свой счет» [Там же: л. 11—11 об.]. Как итог, отмеченные в общем приказе по Штабу армии США за № 96 от 20 июля 1902 г. (с. с.) губернаторы штатов Арканзаса и Небраски, которые изначально планировали отправить в форт Райли 1 батальон и 2 полка пехоты, впоследствии отказались от данного решения [Dockweiler: 4]. Таким образом, вместе с переданными в лагерь Рут полевым госпиталем и командой военных телеграфистов всего для маневров было собрано около 7 тыс. чел. в целом, из которых 5 тыс. составляли рядовые и офицеры [Ibid.: 4], что позволило сформировать из всех войск т.н. «маневренную дивизию» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 19 об.].

Н.Н. Распопов в своем рапорте указывал, что все военные маневры у форта Райли продолжались в период с 7-го по 26-е сентября (с. с.) 1902 г. и проходили в два этапа [Там же: л. 19]. На первом этапе (с 7-го по 16-е сентября) осуществлялись уставные учения по отданной всем войскам до начала лагерных занятий и основанной на полевом уставе армии США 1891 г. инструкции, деклариовавшей формы приказаний походных движений в целом и оборонительного и наступательного боев в частности [Там же: л. 19 об.]. К сожалению, данный этап маневров не был подробно отражен Н.Н. Распоповым, поскольку он, выехав 13-го сентября из Вашингтона, прибыл в форт Райли лишь 16-го сентября [РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 127. Л. 459], что было связано с тем важным фактом, что само присутствие военного агента на маневрах в немалой степени носило случайный характер.

Как отмечал военный агент, американское правительство изначально не планировало приглашать на маневры военных агентов иностранных государств, поскольку, по мнению военного министра Э. Рута, планировавшиеся маневры в силу своего значения было «невозможно приравнять... к большим маневрам европейских войск...» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 12 об.]. Тем не менее, когда все войска уже были собраны у форта Райли, в Вашингтон на 2 дня приехал сам Э. Рут, что позволило Н.Н. Распопову лично представиться военному министру с просьбой посещения маневров, на что спустя 3 дня был получен положительный ответ и официальное приглашение как для него, так и для других военных агентов, которые, в отличие от нашего военного агента, так и не успели им воспользоваться [Там же]. В результате Н.Н. Распопов был единственным иностранным офицером на этих маневрах.

На втором этапе (с 17-го по 26-е сентября) производились непосредственные военные маневры, представлявшие собой проведение двусторонних тактических заданий, выражавшихся в выполнении войсками роли нападающего или обороняющегося: *нападение на транспорт, аванпостная служба, атака укрепленной позиции и развертывание дивизии с атакой обозначенного противника* [Там же: л. 12]. В связи с ограниченным объемом журнальной статьи у нас нет возможности подробно останавливаться на каждом из них, отметим лишь общие положения, позволяющие представить суммарную картину всех маневров в целом.

Н.Н. Распопов отмечал, что обоим из двух ролевых отрядов, которые каждый новый маневр (продолжался 4—6 ч.) состояли из разного набора войсковых частей в зависимости от поставленной задачи и обозначались как «синие» и «коричневые» (названы по цвету формы), назначалось несколько посредников из строевых офицеров (майор Эдвард Дж. Макклерланд, капитан Гораций М. Рив и др. [Dockweiler: 6]), составлявших после маневра отчет и представлявших его главному посреднику — полк. Артуру Л. Вагнеру, «офицеру с боевым опытом и военной эрудицией», который в свою очередь передавал его командующему войсками ген.-майору Джону К. Бейтсу [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 11 об. — 12]. В ходе доклада, проходившего каждым вечером на следующий день после маневра, помимо обсуждения отчета в присутствии всех офицеров регулярной армии и национальной гвардии зачастую зачинались отдаленные от темы беседы на различные темы, как, например, вопросы реорганизации армии или внутренней политики США в целом [Там же: л. 12].

Говоря об американских офицерах, следует также отметить, что на всем протяжении второго этапа маневров Н.Н. Распопову как представителю русской армии было оказано особенное внимание. Так, упомянутый выше ген.-майор Джон К. Бейтс, разрешая военному агенту «...следить за маневрами откуда мне (Н.Н. Распопову. — С. Н.) удобно...» [Там же: л. 33—33 об.], вместе с офицерами национальной гвардии и регулярных частей выражал ему чувства доброжелательности и симпатии, особенно подчеркивая, что можно «встретить это чувство не только в армии, но и в стране, где живут американцы» [Там же: л. 34—34 об.].

Как представляется, наибольший интерес с точки зрения изучения состояния вооруженных сил США в начале XX в. составляет обрисованная Н.Н. Распоповым итоговая оценка как всех военных маневров у форта Райли в 1902 г. в целом, так и отдельных родов войск, принявших в них участие.

Касаясь пехоты военный агент отмечал, что, несмотря на наличие упомянутого выше полевого устава, в котором подробно описаны действия воинских подразделений, она не смогла к моменту проведения маневров добиться уставных построений, поскольку в батальоны и высшие соединения была сведена впервые, что не в последнюю очередь было связано с положением самого устава, в самом начале которого декларировались слова военного министра Р. Проктора о том, что «для единообразного обучения во всей армии все упражнения и маневры, не входящие в устав, воспрещаются» [Infantry Drill 1896: 1]. По словам Н.Н. Распопова, помимо «особенно бросавшегося в глаза» отсутствия управления боевым порядком и слишком ранней (до первого артиллерийского выстрела) атаки, «составляющей... характерную черту американской пехоты» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 24 об.], неудовлетворительным была и ее строевая подготовка. Так, ген. Джоном К. Бейтсом 17-го сентября был отдан приказ 6-му пехотному полку пройти церемониальным маршем по

территории форта, который, тем не менее, не продемонстрировал «ни стройности, ни равнения» [Там же: л. 20, 25]. В то же время из положительных качеств пехоты США, Н.Н. Распопов отметил ее «хорошее управление огнем», а также «выдержанность» унтер-офицеров [Там же: л. 25].

Конница, осуществившая единственную кавалерийскую атаку при прикрытии транспорта 18-го сентября (*нападение на транспорт*), по мнению военного агента, характеризовалась крайне слабой разведкой, невыработанной посадкой и аллюром [Там же: л. 25—25 об.]. Вместе с этим американская конница продемонстрировала искусное владение «наиболее налаженным делом по опыту маневров» — спешиванием с лошади, что, по словам военного агента, связано с тем фактом, что этим движением «американцы излишне часто увлекаются» [Там же: л. 25 об.].

Самой уничижительной оценки Н.Н. Распоповым была удостоена американская артиллерия. Военный агент помимо ее слабости в проведении предварительной артиллерийской разведки, слишком быстрой смены позиции и плохой координированности с расположением остальных родов войск в целом особенно акцентировал внимание на ее неудовлетворительный результат стрельбы по мишеням 19-го сентября (*аванпостная служба*), которая дала 4 осечки и представляла собой одну лишь пристрелку, «примитивно и неискусно веденную», без «перехода на поражение», в результате чего все мишени оказались «практически не тронутыми» [Там же: л. 22, 26]. В итоге военный агент пришел к выводу, что артиллерия по итогам маневров — это «наиболее отсталый род оружия», Распопов связывал этот факт с незнанием в американской армии иностранных языков и вследствие этого осуществления «всех своих научных займов у английской армии» [Там же: л. 26 об.]. Не в последнюю очередь слабость американской артиллерии следует связывать и с тем фактом, что, как справедливо указывал Н.Н. Распопов, большинство офицеров являлись «питомцами» Вест-Поинтской академии, в которой, по словам бывшего военного агента в США А.П. Горлова (1868—1873), «артиллерийское дело... не передается воспитанникам в полноте, соответствующей современному состоянию этих предметов; ученики получают только краткие и даже... поверхностные понятия из этих наук, и стоят, при выпуске, гораздо ниже по познаниям — нежели воспитанники европейских специальных военных школ» [РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7. Л. 23 об.].

Несмотря на участие инженерных войск в маневре 23-го сентября (оборона укрепленной позиции), а также 24-го сентября — сооружения и наведения двух мостов: понтонного через р. Канзас к югу от форта [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 22, 23 об.—24] и более мелкого, переброшенного через овраг лонжеронного с двойным замком [Dockweiler: 38—40], Н.Н. Распопов не предоставил об инженерных войсках какой-либо оценки. Единственным, на что он обратил внимание, был тот факт, что офицеры этого рода войск, аналогично артиллеристам, являясь воспитанниками Вест-Поинта, обладали «необыкновенно высоким» авторитетом [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 26 об.]. В данной оценке военный агент не был далек от истины, поскольку уже с момента создания Академии в 1802 г. в ее стенах кадетам культивировалось чувство ответственности перед страной, выраженное в девизе академии: «Долг. Честь. Страна» [Хамула: 26].

Что касается войск национальной гвардии, то по причине общего малого количества штатов, принявших участие в маневрах, и вследствие этого ограниченного состава самих войск, в своей оценке этому роду войск Н.Н. Распопов

крайне лаконичен, отмечая лишь, что она «представляется совсем сырым материалом» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 26 об.].

Переходя от индивидуальных оценок родов войск к подведению итогов, военный агент, попытавшись сформулировать собственное видение причин возникновения указанных выше недочетов, приходит к выводу, что, во-первых, это было связано с отсутствием общего руководства и управления в ходе маневров, в результате чего каждый род войск действовал самостоятельно, не сообразуясь с другими, что «давало о себе знать постоянно» [Там же: л. 27]. Наглядным примером такой дезорганизации является проведение 24-го сентября «совершенно неудавшегося» маневра по *развертыванию дивизии с атакой обозначенного противника*, когда в результате самопроизвольного разделения атакующих частей на отдельные и самостоятельные боевые порядки, ген. Джоном К. Бейтсом было решено прекратить данный маневр и более того — «на будущее время не проводить подобных...» [Там же: л. 23—23 об.]. Справедливости ради нужно отметить, что такая дезорганизация была характерна для США в целом, поскольку вначале XX в. в системе американского военного управления не существовало единоначалия в армии, и как следствие отсутствовала координация между общевойсковыми формированиями и структурами [Байбакова 2013: 132].

Во-вторых, Н.Н. Распопов указывает на еще более серьезную проблему в армии США — ее «своеобразную» воинскую дисциплину, которая, обусловленная складом общественных условий и выраженная в весьма свободных отношениях между начальниками и подчиненными, по мнению военного агента, всегда «будет служить тормозом... в доведении армии... до совершенства» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 27 об. — 28]. Как известно, истоки данной проблемы связаны с самим характером американских сухопутных сил, которые со времен войны за независимость, существуя в рамках небольшой регулярной армии, обходятся без всеобщей воинской повинности, пополняясь в военное время добровольцами, что восходит еще к «Отцам-основателям» США, считавшим, «что только вооруженный народ способен обеспечить безопасность страны, а существование регулярной армии, являвшейся инструментом тирании, представляет угрозу демократии» [Байбакова 2014: 91]. Весьма красноречиво данную ситуацию в американской армии отметил еще в 1861 г. подполк. Романов, находившийся в США в годы Гражданской войны в качестве военного представителя от Российской империи: «Солдат надобно убеждать и просить, чтобы они исполнили какое-нибудь приказание, никаких других мер не допускается и принимать опасно, потому что солдаты могут рассердиться и отказаться от службы» [РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 342. Л. 2 об.].

Как итог, во время маневров Н.Н. Распопов был свидетелем ряда характерных примеров пренебрежения воинской дисциплины со стороны нижних чинов. Так, например, 17-го сентября ген. Джон К. Бейтс вместе с помощником Э. Рута совершили не входящий в общую программу маневров объезд лагеря, во время которого войска национальной гвардии штата Колорадо «вообще не обратили на объезд никакого внимания» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 20]. Кроме этого, военный агент отмечал, что непосредственно в ходе военных маневров «солдаты курили, закусывали, находясь в цепи» [Там же: л. 28]. Тем не менее справедливости ради нужно отметить, что в то же время, несмотря на отсутствие внешних признаков дисциплины у офицеров (не вставание при заходе в столовую ген. Джона К. Бейтса, курение трубки во время доклада и пр.), в каждом из них, по мнению Н.Н. Распопова, в ходе маневров проявлялась

особенная, «трудно формулируемая», внутренняя дисциплина, выраженная в глубоком понимании чувства долга, «составляющем наиболее крупную характерную черту американского офицера» [Там же: л. 29].

Но все же вопреки существовавшим во время маневров различным недочетам военный агент указывал на наличие нескольких положительных моментов, показывающих американскую армию с хорошей, с военной точки зрения, стороны. Так, отмечая наличие у солдат отличной сноровки, «выработанной во время борьбы с индейцами», и качественное применение ими к местности всех родов оружия, военный агент самой главной комплементарной чертой называет «трепетное отношение к военному делу» со стороны как нижних чинов, так и офицеров, которые, «совершенно не беспокоились» о «показной стороне этого мероприятия» [Там же: л. 27 об.].

Последним аспектом, на котором останавливается Н.Н. Распопов в своем рапорте касаясь маневров у форта Райли в 1902 г., является их значение для всей армии в США в целом.

По его мнению, сам факт проведения маневров имел огромное значение для Америки, поскольку они должны были стать «первым шагом в осуществлении нового широкого плана по реорганизации вооруженных сил Соединенных Штатов», который включал в себя две основные черты: создание немногочисленной, но обученной армии и образование из многочисленных категорий вооруженных сил различных штатов обученного резерва [Там же: л. 29 об.]. Тем не менее военный агент уверен, что создание многочисленной регулярной американской армии в ближайшее время вряд ли может быть осуществимо из-за двух глобальных причин: нижней палаты Конгресса, которая «не любит и боится армии», и нехватки добровольцев [Там же]. Для решения первой проблемы, по мнению Н.Н. Распопова, необходимо «заинтересовать общественное мнение», которое «сможет заставить уступить Конгресс» [Там же: л. 31 об.]. Что касается второй — военным министерством США уже в ходе данных маневров была произведена попытка мотивирования потенциальных добровольцев за счет создания в лагере Рут «роскошных» условий содержания бойцов — новых казарм с «обилием воздуха и света», хорошего питания и пр. [Там же: л. 28 об.].

Вместе с этим Н.Н. Распопов справедливо отмечал, что для доведения регулярных войск до «возможного совершенства» необходимо также и серьезно пересмотреть роль войск национальной гвардии, которые, уже «не отвечая современным военным требованиям» и являясь неподконтрольными центральному правительству, со времен Гражданской войны «совершенно поблекли под натиском последующих событий и испытаний» [Там же: л. 30—30 об.]. И именно данные военные маневры как раз способствовали получению ими важного военного опыта и приобщения к войскам регулярной армии. Так, уже после их проведения офицеры национальной гвардии выражали свою признательность полк. Артуру Л. Вагнеру за его «практические и блестящие лекции по военной стратегии» [Dockweiler: 48—49]. А для командующими войсками ген.-майора Джона К. Бейтса они организовали специальный банкет, на котором «искренне и горячо» благодарили его и офицеров регулярных войск за «огромную пользу», которую войска национальной гвардии вынесли из маневров [РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 343. Л. 32].

Наконец военные маневры показали необходимость создания общего лагеря для всех родов войск, как регулярных, так и национальной гвардии, где до настоящего момента «разбросанные по фортам США войска смогут и в дальнейшем набирать опыт совместных военных действий» [Там же: л. 29 об.].

Как справедливо отмечал Н.Н. Распопов, «совместная лагерная жизнь сблизит и сгладит то, что было чуждо или враждебно друг другу» [Там же: л. 31].

Обобщая все выше сказанное, нельзя не согласиться с прогнозом Н.Н. Распопова, который в заключении своего рапорта отметил, что 1902 г., когда впервые в истории США удалось провести совместные военные маневры различных родов войск, «станет исторической датой в ходе развития и реорганизации вооруженных сил Северо-Американских Соединенных Штатов» [Там же: л. 32]. Дело в том, что уже 18-го ноября 1902 г. (с. с.) была открыта вторая сессия 57-го Конгресса, где было прочитано послание президента, намечавшего проведение практически всех отмеченных военным агентам важнейших мероприятий, касающихся армии: проведение ежегодных совместных маневров, учреждение Генерального Штаба и реорганизация милиционных войск [Там же: л. 42].

Таким образом, подробный анализ рапорта американского военного агента полк. Н.Н. Распопова о посещении им военных маневров у форта Райли в 1902 г. демонстрирует его качественную разведывательную деятельность и высокий профессионализм. Являясь непосредственным свидетелем данного события, Н.Н. Распопов смог подробнейшим образом отразить не только подготовку, сам ход маневров и важнейшие события и эпизоды в их процессе, но и, что более важно, он зачастую отражал собственную оценку сухопутных сил США, комментируя их нынешнее состояние, а также прогнозируя их будущее развитие. В итоге нельзя не согласиться с мнением начальника Генерального Штаба США ген.-майора Джеймса Ф. Белла, который в 1907 г. в своем письме начальнику ГУГШ, ген.-лейтенанту Ф.Ф. Палицыну (1905—1908), подвел итог всего периода службы Н.Н. Распопова в США в должности военного агента: «Во время своего пребывания в этой столице и порой в исключительно сложных обстоятельствах Распопов вел себя таким образом, чтобы завоевать и сохранить высочайшее уважение всех американцев, с которыми он близко общался» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 127. Л. 5].

Список источников

- Николаев А.М. Полвека тому назад: воспоминания о службе офицера Императорского Генерального Штаба в должностях помощника военного агента в Лондоне и военного агента в Вашингтоне во время Первой мировой войны. Нью-Йорк, 1968. 341 с.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Infantry Drill Regulations, United States Army. Adopted Oct. 3, 1891, NY, 1896, 357 p.
URL: http://www.archive.org/details/infantrydrillreg00unit_0/page/n1/mode/2up (accessed: 19.11.2024).

Список литературы / References

- Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1, 2. М.: Издательский дом Русская разведка; ИИА Евразия+, 1998.
(Alekseev M.N. Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II, Book 1, 2, Moscow, 1998 — In Russ.)
Байбакова Л.В. Армия США во время испано-американской войны 1898 года: (По донесениям российских дипломатов) // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 129—145.
(Baibakova L.V. The US Army during the Spanish-American War of 1898: (According to reports from Russian diplomats), *Modern and contemporary history*, 2013, no. 5, pp. 129—145. — In Russ.)

- Байбакова Л.В. Новый взгляд на боеспособность армии США в годы испано-американской войны 1898 г. // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2014. № 1. С. 86—119.
- (Baibakova L.V. A new look at the combat capability of the U.S. Army during the Spanish-American War of 1898, *History Studies. Journal of the History Faculty Lomonosov Moscow State University*, 2014, no. 1, pp. 86—119. — In Russ.)
- Манухин А.А. Революционные события в Мексике глазами русских наблюдателей (1910—1914 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2016. № 1. С. 21—30.
- (Manukhin A.A. Revolutionary events in Mexico through the eyes of Russian observers (1910—1914), *RUDN Journal of World History*, 2016, no. 1, pp. 21—30. — In Russ.)
- Окунева М.А. «Доктрина Т. Рузвельта» и антиимпериалистическое движение в Латинской Америке в начале XX века // Вопросы истории. 1975. № 6. С. 76—92.
- (Okuneva M.A. The “Doctrine of T. Roosevelt” and the anti-imperialist movement in Latin America at the beginning of the 20th century, *History issues*, 1975, no. 6, pp. 76—92. — In Russ.)
- Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900—1914 гг.). М.: ИВИ РАН, 2001. 282 с.
- (Sergeev E.Yu. “Another earth, another sky...”: The West and the military elite of Russia (1900—1914), Moscow, 2011, 282 p. — In Russ.)
- Хамула Л.А. Зарождение и становление военного образования в США: первая половина XIX века // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2. С. 24—26.
- (Khamula L.A. The origin and formation of military education in the United States: the first half of the XIX century, *Cultural Studies of Russian South*, 2011, no. 2, pp. 24—26. — In Russ.)
- Dockweiler J.H. Report on Maneuver Division: Camp Root, Fort Riley, Kansas, September-1902-October. Sacramento, 1903, 50 p. URL: <http://www.archive.org/details/reportonmaneuve00caligoo/page/n9/mode/1up?view=theater> (accessed: 19.11.2024).
- Hill H.C. Roosevelt and the Caribbean, Chicago; Illinois, 1927, 233 p.

MILITARY MANEUVERS OF THE AMERICAN TROOPS AT THE FORT RILEY IN 1902 IN THE REPORTS OF THE MILITARY AGENT N.N. RASPOPOV

Sergey D. Nikitenko

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
serg777nikitenko@yandex.ru

Abstract. The history of studying the Russian intelligence industry against the background of the current difficult international situation is more relevant than ever, including in the context of the evolution of Russia's foreign policy cooperation with Western countries and the United States. And one of the central positions in this regard at the beginning of the XX century was played by the institute of military agents. The purpose of this article is to analyze the activities of the Russian military agent in the United States, N.N. Raspopov, and his reports on the state of the American land army in the early twentieth century, which he compiled during his personal presence at military maneuvers at Fort Riley in 1902. The novelty of the research lies in the first attempt in Russian historiography to widely refer to N.N. Raspopov's reports as a source for studying the military potential of the United States at the beginning of the 20th century, as well as in introducing into scientific circulation a wide range of previously unpublished documents of the Russian State Military Historical Archive (RGVIA). In the reports, N.N. Raspopov describes in detail the history of the preparation of the maneuvers, their description and results, and cites the number of troops who took part. The military agent analyzes the shortcomings during the maneuvers, evaluates each of the branches of the armed forces and predicts the importance of maneuvers for the future modernization of the US

army as a whole. The author concludes that a detailed analysis of N.N. Raspopov's reports demonstrates a serious level of his professionalism as a military agent in the United States.

Keywords: N.N. Raspopov, military agent, Fort Riley, military maneuvers, US Armed Forces

For citation: Nikitenko S.D. Military maneuvers of the American troops at the Fort Riley in 1902 in the reports of military agent N.N. Raspopov, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, issue 2, pp. 102—111.

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Никитенко Сергей Дмитриевич — аспирант кафедры всеобщей истории, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, serg777nikitenko@yandex.ru

Nikitenko Sergey Dmitrievich — postgraduate student of the department of World History, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, serg777nikitenko@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 112—122.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 112—122.

Научная статья

УДК 327(47+57+485)"1920/24"

EDN <https://elibrary.ru/nmjjiwd>

DOI: 10.46726/H.2025.2.12

БОРЬБА ДИПЛОМАТОВ РСФСР/СССР ЗА ПРИЗНАНИЕ ШВЕДИЕЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920—1924 ГГ.

Егор Андреевич Решетов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, girlanda1999@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная история установления официальных советско-шведских дипломатических отношений в 1924 году. Особое внимание обращено на усилия, которые предпринимали официальные лица РСФСР/СССР по налаживанию связей с Шведским королевством, начиная с 1920 года. Отмечена роль в этом процессе советских дипломатов М.М. Литвинова, П.М. Керженцева, Н. Осинского (В.В. Оболенского). Выделены препятствия на пути двустороннего диалога. Показана динамика и этапы в изменении позиции правящей элиты Швеции по вопросу о признании РСФСР/СССР де-юре на протяжении 1920—1924 годов. В частности, изменение воззрений лидеров влиятельной в королевстве Шведской социал-демократической партии во главе с К.Я. Брантингом. Статья частично основана на архивных материалах, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: советско-шведские отношения, признание де-юре, Л.Б. Красин, М.М. Литвинов, П.М. Керженцев, В. Осинский (В.В. Оболенский), К.Я. Брантинг, Э. Трюгер, Густав V

Для цитирования: Решетов Е.А. Борьба дипломатов РСФСР/СССР за признание Швецией советского государства в 1920—1924 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 112—122.

Зимой 1920 г. в международном положении Советской России произошли два важных события. Первое — 16 января Верховный совет Антанты принял решение о начале торговых операций с РСФСР через кооперативные организации [Шишкин 1989: 125], что по факту означало снятие военно-экономической блокады большевистского государства, о которой страны Согласия официально объявили 10 октября 1919 г., но которую на практике проводили с конца 1917 г., постепенно ужесточая [Там же: 54—110]. Блокада в сочетании с Гражданской войной оказалась, по признанию советских чиновников, весьма эффективна, сведя внешнюю торговлю РСФСР «в полном смысле слова» «на нет» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 786: 34]. Вторым важным изменением в международном положении РСФСР стал советско-эстонский мирный договор, подписанный в Тарту (Юрьеве) 2 февраля 1920 г. и 31 марта дополненный торговым соглашением [ДВП СССР Т. 2: 430—432]. Москва и Ревель (Таллинн) признавали друг друга де-юре и устанавливали полномасштабные дипломатические и экономические отношения. Эстонская столица стала одним из перевалочных центров внешнеторговых операций большевиков. В том числе, со Швецией. Вообще,

деловые круги этого королевства установили торговые отношения еще в 1918 г. [Шишкин 1989: 48—51]. Позже большевики вовлекали шведов в полулегальные торговые операции с Веймарской Германией, а также закупали через них вооружения для Красной армии [Черноперов, Решетов 2024: 111]. Отмеченные экономические контакты были эпизодическими и не вели к прорыву в отношениях Стокгольма и Москвы. В этих условиях большевики сделали большую ставку на Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ Российской Федерации), который после снятия блокады получил возможность вести внешнеторговые операции. В Москве была создана делегация, которую возглавил нарком торговли и промышленности Леонид Борисович Красин. Весной 1920 г. сотрудники Центросоюза, большая часть которых были сотрудниками наркомата торговли и промышленности и наркомата по иностранным делам, выехала в турне по странам Европы. Одной из остановок стал Стокгольм. Шведы проявили большой интерес. Итогом стали соглашения от 15 мая 1920 г., подписанные представителями РСФСР с концерном из 14 крупнейших шведских фирм, с паровозостроительной компанией «А.Б. Нюдквист и Хольм» и с правительством [ДВП СССР Т. 2: 516—530]. Согласно договоренностям: 1) представители Москвы при депонировании в банках Швеции 25 млн. крон золотом получали возможность приобретать в королевстве товары на 100 млн. крон в течение 14 месяцев; 2) Советская Россия должна была получить 1000 паровозов; 3) происходил обмен торговыми миссиями: в Москве отрывалось представительство шведского Всеобщего экспортного объединения, в Стокгольме — представительство Центросоюза.

Шведов к договорам с большевиками (а там вряд ли строили иллюзии, что за Центросоюзом стоят официальные советские власти) подталкивали объективные обстоятельства: 1) тяжелое положение промышленности (в 1920 г. только 23,6 % предприятий Швеции были полностью загружены, еще у 25 % заводов в основных отраслях мощности были задействованы не более чем на четверть [Ловцов 1990: 159]; 2) растущая международная конкуренция за открывающийся российский рынок; 3) возможность дополнительных прибылей при обмене большевистского золота на твердую валюту [Шишкин 1989: 159].

Договоры, подписанные со шведами, означили прорыв т. н. «золотой блокады» — отказ ведущих банков западных стран принимать золото из большевистского государства в виде залога или платежа. Уже 20 сентября 1920 г. член делегации Центросоюза и одновременно один из руководителей Наркомата по иностранным делам Максим Максимович Литвинов (Валлах Меир Хенех Моисеевич) сообщил руководству о том, что с согласия Л.Б. Красина договорился с директором банка «Свенска эконо Акценбологед» Улоф Ашбергом «на комиссионных началах» «перевести из Ревеля» и реализовать «через американский монетный двор полмиллиона рублей» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 15: 9—10].

Соглашение от 15 мая и договоренности с Ашбергом способствовали росту поставок из РСФСР золота в Швецию и/или транзиту драгметалла через Стокгольм в другие страны. В конце 1920 года только в «Нордиска Хандельс-банкен» большевики поместили 20 тонн драгоценного металла и еще 10 тонн подготовили для отправки [Иголкин 2004: 35].

Расширившиеся торговые операции, однако, не подвигали Швецию к укреплению дипломатического взаимодействия. По мнению В.А. Шишкина, Стокгольм стремился выдержать паузу в ожидании выработки единой позиции Антанты и других стран в отношении Советской России [Шишкин 1979: 62]. Именно эту линию проводило находившееся у власти с 10 марта 1920 г.

правительство во главе с социал-демократом Карлом Яльмаром Брантингом. Этот премьер-министр враждебно воспринял приход большевиков к власти. Пост министра иностранных дел в его кабинете занимал также член СДПШ Эрик Куле Пальмшерна, прозванный за свое аристократическое происхождение «красным бароном». В конце октября 1920 г. правительство Брантинга ушло в отставку. Король Густав V назначил премьер-министром до новых парламентских выборов, намеченных на осень 1921 г., внепартийного барона Герхарда Луи де Гира. Этот либерально настроенный политик, не питая больших симпатий к большевистскому режиму и осознавая временность своего пребывания во главе правительства, также не стремился стимулировать договорной процесс с РСФСР, которая продолжала добиваться «если не дипломатических, то [хотя бы] полуофициальных сношений» [ДВП СССР Т. 2: 691]. Итоги развития двусторонних связей НКВД зафиксировал в годовом отчете VIII Съезду Советов (проходил с 22 по 29 декабря 1920 г.). Сотрудники НКВД, памятуя о майских соглашениях 1920 г. о расширении экономических связей, с мало скрываемым раздражением констатировали: «Уступая двойному нажиму — со стороны рабочих и промышленников, шведское правительство проявляло склонность пойти на <...> соглашение, но, вследствие внутреннего кризиса, оно вынуждено было подать в отставку. Пришедшее ему на смену министерство известного социал-предателя Брантинга и лакея Франции “социал-демократического” барона Пальмшерна сразу заняло крайне враждебную позицию по отношению к рабочей России и делало все от него зависящее для затруднения соглашения» [Там же]. По словам составителей отчета, кабинет Брантинга-Пальмшерна, оберегая шведских рабочих от «тлетворного влияния» большевиков, отказывался вступать в какие-либо переговоры с органами советской власти, согласившись лишь пустить в Швецию делегатов от Центросоюза [Там же]. Еще одним скромным достижением в двустороннем диалоге стало признание Фредрика Стрёма шведским правительством в качестве советского консула [Кан 1999: 193].

В Москве надежды на прорыв в отношениях со Стокгольмом появились в начале 1921 г. Г.Л. де Гир в феврале неожиданно ушел в отставку. Король Швеции Густав V назначил главой правительства еще одного независимого политика Оскара Фредерика фон Сюдова. Тот согласился занять кресло премьера лишь после обещания СДПШ о поддержке его политики. В ожидании перемен РСФСР сформировала делегацию во главе с известным революционером, с 1920 г. сотрудником НКВД Платоном Михайловичем Керженцевым (Лебедевым) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106: 1]. Его заместителем стал революционер болгарского происхождения, с 1920 г. торговый представитель РСФСР в Германии Борис Спиридонович Стомоняков. Кстати, помимо отношений со Швецией делегация во главе с П.М. Керженцевым имела полномочия вести переговоры с Данией и Норвегией. Москва назначением своих переговорщиков явно намекала скандинавам на готовность развивать в неразрывной связке взаимовыгодные торговые и дипломатические отношения.

Тринадцатого февраля 1921 г. Керженцев в статусе полномочного представителя РСФСР вместе с женой прибыл в Стокгольм. Граф Антон Магнус Херман Врангель, получивший в правительстве О. фон Сюдова портфель министра иностранных дел, принял советского дипломата весьма любезно [Жуковский 1986: 261]. Между тем 16 марта 1921 г. Великобритания, а 6 мая того же года Германия подписали с РСФСР торговые договоры, тем самым признав Советскую Россию де-факто. Опираясь на соглашения, эти страны стали

расширять экономические связи с большевистским государством и занимать экономические ниши, на которые могла претендовать Швеция. Происходящее тревожило деловой мир королевства. Кстати, сами шведские предприниматели торговые дела с большевиками продолжали вести. В том числе в снабжении ими Красной армии [Черноперов, Решетов 2024: 112—113].

Керженцев, желая подтолкнуть шведов к переговорам, 4 июля 1921 г. направил Врангелю телеграмму, в которой сообщал, что уполномочен начать переговоры о торговом договоре [ДВП СССР Т. 4: 210]. Однако ответа не последовало.

Что касается ведущей парии Швеции — социал-демократической, то ее лидеры не ослабляли антисоветского настроя. Газета «Известия» 15 мая 1921 г. сообщала читателям о том, что лидер СДПШ Брантинг в своей первомайской речи заявил о советской угрозе, «особенно для прибалтийских государств» [Известия: 15.05.1921].

В дипломатических отношениях со шведами у большевиков наблюдался полный штиль. На позицию Стокгольма не повлияло даже заключение Керженцевым 2 сентября 1921 г. торгового соглашения с Норвегией [ДВП СССР. Т. 4: 298—303], которое широко обсуждалось в скандинавской прессе. В том числе потому, что норвежское правительство согласилось на наименование главы миссии РСФСР в их стране полномочным представителем (полпредом) [Там же: 305] — дипломатическим рангом, который придумали большевики, и которого не было в общепринятой классификации. На фоне прорыва в советско-норвежских отношениях газета «Известия», затронув диалог Москвы и Стокгольма, 20 сентября 1921 г. с сожалением констатировала: в течение двух с лишним месяцев шведское правительство «не дало отчета на предложение товарища Керженцева о переговорах» [Известия: 20.09.1921].

В октябре 1921 г. в Швеции состоялись парламентские выборы. Победу праздновали социал-демократы, что позволило их лидеру Брантингу 13 октября сформировать второе правительство под своим руководством. Причем премьер-министр занял еще кресло министра иностранных дел. К этому времени воззрения Брантинга претерпели определенные изменения. Свидетельством чему стала его декларация, озвученная в день создания кабинета. В ней содержалось «указание на готовность нового правительства начать переговоры с советским [правительством]» [Там же: 15.10.1921].

Через 3 дня после создания в Швеции правительства, 16 октября 1921 г. заместитель наркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинов, который в это время по совместительству занимал в Эстонии должность полпреда, в телеграмме главе НКВД Георгию Васильевичу Чичерину (копия председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину (Ульянову)) сообщил, что к нему в Ревель приехал У. Ашберг [ДВП СССР Т. 4: 431—432]. Во время встречи этот банкир сообщил, что «от имени своего друга премьера Брантинга» имеет поручение проговорить с советским представителем вопросы признания большевистского правительства Швецией. Причем де-юре (!). Сам Ашберг базой для установления полномасштабных двусторонних отношений считал «признание [Россией] старых долгов, т. е. полмиллиарда крон, при одновременном кредите в один миллиард крон в виде займа». Кроме того, он допускал принятие предложения Литвинова об ипотеке на национализированные дома. В завершении разговора Ашберг предложил Литвинову отбыть в Стокгольм для продолжения переговоров.

Заместитель главы НКВД в столицу Швеции не поехал, но изменение позиции Брантинга способствовало началу 25 октября 1921 г. переговоров о торговом договоре с советской делегацией во главе с Керженцевым. Советником представителя РСФСР на этот раз выступал Геллер. Шведскую сторону представляли премьер-министр и министр иностранных дел Брантинг, а также министр торговли Свенсен [Известия: 28.10.1921]. Переговоры проходили в здании шведского МИДа.

Советская делегация к переговорам оказалась подготовлена лучше. Уже на первом заседании Керженцев вручил Брантингу проект торгово-политического договора. Шведы изучали его две недели. Лишь 8 ноября 1921 г. Керженцев в телеграмме Чичерину (копия Ленину) сообщил о новой встрече с Брантингом. По словам советского дипломата, глава шведского правительства и МИДа «в обстоятельной беседе» еще раз заявил о готовности Швеции признать Советскую Россию де-юре, но при условии удовлетворения всех без исключения претензий, имеющихся у Стокгольма [ДВП СССР Т. 4: 486—487]. По итогам переговоров Брантинг обещал в ближайшее время предоставить собственный проект соглашения. Его представили советской делегации 11 ноября. Причем на этом этапе переговоров, согласно совместной телеграмме Литвинова и Керженцева, Брантинг не присутствовал. Помимо Свенсена на встречу прибыли 3 бывших министра — иностранных дел, торговли и юстиции [Там же: 491]. Шведы повторили свои условия, озвученные 8 ноября: признание де-юре советского правительства возможно только при оплате частных долгов и гарантированных заказов для шведской промышленности. Представители РСФСР обсуждать вопрос о частных претензиях отказались, после чего переговорщики перешли к обсуждению проблемы кредитов и признания. Литвинов и Керженцев позицию Стокгольма и свою обрисовали следующими словами: «Шведы ставят вопрос вполне ясно: мы вас признаем де-юре, если признаете претензии, а о кредитах договаривайтесь <...> с банками и промышленниками. <...> Наша постановка: гарантируем заказы, если дадите кредиты, а де-юре вытекает само собой, претензии же — вопрос международного значения и не может нами затрагиваться» [Там же: 492].

Обозначившиеся глубокие разногласия привели к тому, что советская и шведская делегации ограничились подготовкой не торгово-политического договора, а временного соглашения. Его подписание, по-видимому, ускорила подготовка к Генуэзской конференции, открытие которой было намечено на 10 апреля 1922 г. На форум пригласили РСФСР, и лидеры западных стран надеялись, что решения в Генуе откроют советский рынок и решат вопрос довоенных и военных долгов. Временный советско-шведский торговый договор был подписан 1 марта 1922 г. [Известия: 03.03.1922] и состоял из 17 статей. Согласно документу, официальный представитель советского правительства в Швеции (П.М. Керженцев) объявлялся единственным представителем России в этой стране. Он сам и его штат наделялись правами, которые обычно предоставляются дипломатам других держав и их персоналу. Советское правительство получало права юридического лица. Кроме этого, фиксировался взаимный отказ от конфискаций и ревизий и право граждан одной страны посещать другую по личным делам, «выступать там в судах и обращаться к властям» [Кан 1964: 78]. Подписание соглашения не означало вступление его в силу. Окончательную судьбу договора в Швеции должны были решить парламентская комиссия и обе палаты риксдага.

В политической элите единства по соглашению с Советской Россией не было. Лидер шведских либералов и экс-министр юстиции Йоанес Элиэль Лёвгрен, выступая в Гётенберге, заявил: «Швеция не должна спешить с заключением договора накануне Генуэзской конференции» [Там же]. Шведские газеты, поддерживавшие буржуазные партии, согласно «Известиям», в своем большинстве констатировали, что «договор является тем плохо замаскированным юридическим признанием Советской России, которого советское правительство сумело добиться от Швеции», что он «дает крупные политические преимущества и выгоды только России, преимущества же Швеции остаются на бумаге» [Известия: 09.03.1922].

Отмеченный мейнстрим у части шведской элиты не изменился даже после известия о заключенном 16 апреля 1922 г. в Рапалло советско-германском договоре. Комиссия риксдага 19 мая того же года проголосовала за отклонение договора (13 голосов — «за», 7 — «против»). Большинство депутатов парламента это предложение поддержало при голосовании 2 июня 1922 г.

Основными аргументами противников договора были следующие [Известия: 04.06.1922]:

1) Швеция не должна заключать договор накануне общеевропейской конференции по русскому вопросу (имелась ввиду сначала Гаагская конференция, открытие которой было назначено на 15 июня 1922 г.), чтобы не нарушать солидарности с другими странами в выработке единой позиции в отношении большевистского государства;

2) договор, являющийся «почти признанием де-юре советского правительства», дает больше выгод Москве, чем Стокгольму;

3) Швеция в своих уступках РСФСР пошла дальше других стран, что ослабляет ее возможности при обсуждении «русского вопроса» (вопроса о долгах);

4) принцип взаимности не применим там, где «отсутствует демократический правовой порядок и гарантии для иностранцев»;

5) договор не обеспечивает удовлетворения претензий шведов, проживавших в России, по возмещению понесенных ими убытков.

При всей критике соглашения с РСФСР от 1 марта 1922 г. шведские парламентарии не отвергали саму идею договориться с большевиками в будущем. Правда, только «на основе заключения большинства комиссии» [Там же].

Голосование в риксдаге 2 июня 1922 г. означало, что советско-шведские переговоры, длившиеся почти год, провалились. Москва не скрывала разочарования. 10 июня 1922 г. Керженцев в интервью корреспонденту газеты «Социал-Демократен» заявил: «Вследствие отказа риксдага от ратификации русско-шведского договора, отношения между Швецией и Россией естественно ухудшились... Советское правительство не откажется от новых переговоров со Швецией, но при этом выставит ряд предварительных условий» [Там же: 13.06.1922].

Вскоре РСФСР перешла к конкретным действиям. Правда, диалектического характера. С одной стороны, из Швеции был отозван советский дипломатический корпус, что означало разрыв в отношениях двух стран на межгосударственном уровне. С другой стороны, Москва не препятствовала развитию экономических отношений [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1084: 8—9]. Учитывая номенклатуру экспортно-импортных товаров, Швеция и РСФСР были взаимно заинтересованными партнерами. Москва нуждалась в металлах, станках, машинах, двигателях, бумаге, предметах домашнего хозяйства и т. п., производимых в скандинавском королевстве. Стокгольм же был заинтересован в

российском сырье, полуфабрикатах и продукции сельского хозяйства. Играя на данном факторе, большевики нарочито демонстрировали развитие экономических связей с промышленно-развитыми странами, которые априори выступали конкурентами Швеции. В этой связи Стокгольм не могли не беспокоить новости о том, что 5 июня 1922 г. торговый договор с РСФСР подписала Чехословакия, а лидер французской радикальной партии Эдуард Мари Эррио — один из кандидатов на пост премьер-министра страны — в сентябре того же года посетил Россию. В итоге политика Москвы сработала. В феврале 1923 г. после почти восьмимесячной паузы шведское правительство Брантинга направило в Москву делегацию, в которую вошли упоминавшийся Э. Лёвгрен и генеральный консул И. Сакс. Цель их поездки — достижение договоренности о возобновлении прерванных переговоров [Известия: 09.02.1923]. Брантинг, получив информацию от этой делегации, 10 марта 1923 г. передал Керженцеву памятную записку для советского правительства, в которой предлагал урегулировать двусторонние отношения путем обмена нотами, что делало возможным заключение соглашения на следующих основаниях:

1) каждое из правительств примет официального представителя другой стороны, официальный представитель РСФСР в Швеции будет рассматриваться как единственный представитель России;

2) данные представители будут уполномочены выдавать, визировать паспорта и засвидетельствовать документы; они будут иметь право свободного общения со своим правительством и его органами;

3) официальный представитель одной страны, как и его персонал, будет пользоваться в другой стране полной неприкосновенностью личности, частного имущества, жилища и канцелярии;

4) каждая из сторон должна «воздерживаться от поддержания или поощрения “пропаганды”, направленной против учреждений другой страны» [ДВП СССР Т. 6: 375—376, 377—378].

После того, как записка Брантинга была уже в Москве, в Швеции произошла смена кабинета. Новое правительство 19 апреля 1923 г. возглавил профессор права, лидер консервативной Национальной партии Эрнст Трюгер. Портфель главы МИДа достался Карлу Фредрику Вильгельму Хедершерну. К этому времени произошли изменения и у советской стороны. Вместо Керженцева уполномоченным по ведению переговоров в статусе председателя советской торговой делегации в Швеции решением Политбюро ЦК РКП(б) был назначен Николай/Валериан Осинский (Валериан Валерианович Оболенский) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351: 1]. Двадцать пятого июня 1923 г. он встретился с К. Хедершерном. Во время беседы глава МИД Швеции заявил, что он предложение Брантинга не поддерживает, и выразил пожелание вести переговоры «на других основаниях» [ДВП СССР Т. 6: 377]. Правда, на каких именно, не пояснил [Там же]. Чтобы понять позицию Стокгольма и выполнить пожелание Хедершерна о письменном ответе на вопросы, «затронутые в беседе» с Н. Осинским, последний 6 июля 1923 г. направил премьер-министру Э. Трюгеру ноту, в которой от имени правительства СССР изложил ответ Москвы на памятную записку Брантинга и одновременно варианты урегулирования отношений с Стокгольмом, которые предлагало большевистское руководство:

1) «Советское правительство согласно в любой момент начать переговоры» на базисе, достигнутом на переговорах с Керженцевым в 1922 г.;

2) «Если же этот базис не является приемлемым», руководство СССР «выражает согласие на заключение соглашения, подобного тем, какие уже

заключены им с Данией и Норвегией»; причем без каких-либо преимуществ для Швеции по сравнению с этими странами [Там же].

В заключение ноты от 6 июля 1923 г. Осинский просил Трюгера дать ответ «в письменной форме», 1) разъяснив позицию правительства относительно памятной записки Брантинга от 10 марта 1923 г. и 2) определив наиболее желательный базис и направления переговоров [Там же].

Затребованный ответ появился только 25 августа 1923 г. В нем МИД Швеции подтвердил правомочность устного заявления Хедершерна Оболенскому об отказе руководствоваться в своей политике запиской Брантинга. Далее министерство иностранных дел, указав, что еще не имело «случая передать своим коллегам по совету министров вопрос о том, каков может быть объем и содержание возможного соглашения с Россией», подчеркнуло: глава ведомства Хедершерна выступает за то, чтобы переговоры с Москвой проходили «на довольно широкой основе», и чтобы их результатом «могло быть урегулирование российско-шведских отношений». По характеру это могло быть торговое соглашение, но заключавшее «в себе, кроме того, особые условия, которых требовала бы ситуация» [Там же: 378].

Заявление МИД Швеции в практические шаги не переросло. По-видимому, из-за позиции главы Хедершерна, который, по мнению А.С. Кана, был ярким сторонником антисоветского союза с Финляндией [Кан 1974: 456]. Лишь после того, как Хедершерна покинул свой пост 11 ноября 1923 г., 17-го числа того же месяца по личному распоряжению короля Швеции Густава V была сформирована специальная комиссия для поддержания контакта с Оболенским.

Возобновившиеся переговоры наиболее интенсивно проходили в последние две недели ноября 1923 г. Камнем преткновения вновь стали требования шведской стороны. Стокгольм, не желая говорить о юридическом признании Советского Союза, пытался добиться от Москвы тех же льгот, «которые СССР предоставлял или намеревался предоставить в будущем государствам, признавшим его де-юре» [Шишкин 1991: 90; ДВП СССР Т. 7: 42].

Переговоры вновь затягивались. Тогда в дело вмешалось руководство НКВД. Заместитель наркома по иностранным делам Литвинов дал интервью газете «Известия», посвященное советско-шведским отношениям, которое было опубликовано 22 января 1924 г. В нем дипломат отверг аргументы-претензии Стокгольма к Москве. Так, в ответ на заявление Трюгера в риксдаге о том, что «Советская Россия будто бы первая взяла на себя инициативу разрыва сношений с Швецией в 1918 г., конфисковав здание шведского посольства», Литвинов заявил: «Здание шведского посольства в Петрограде не конфисковывалось и даже не подвергалось муниципализации ни до, ни после разрыва дипломатических сношений и отъезда из Петрограда шведского посланника» [Там же: 41]. В ответ на распространенное обвинение в преследовании шведов в большевистской стране Литвинов с явной долей лукавства заметил: «Ни шведы, ни другие иностранцы не подвергались в РСФСР никаким преследованиям, пока их правительства не порвали дипломатических сношений. Лишь по мере того, как отдельные страны стали участвовать в интервенции, в блокаде и других враждебных действиях против советских республик, принимались меры против граждан этих стран с целью предупреждения шпионажа, как это делается во всяком государстве, находящемся в состоянии войны» [Там же: 42].

В рассматриваемом интервью Литвинов не только опровергал, но и контратаковал. В частности, заявил, что Трюгер, приводя неверные факты, «пытается снять с Швеции ответственность за участие в блокаде и отвести

наши контрпретензии» [Там же]. Причем это происходит в то время, когда переговоры о торговом договоре близки к завершению. В заключении Литвинов предупредил Стокгольм: «У нас нет оснований платить Швеции премию за то, что она соглашается подписывать с нами соглашение позже всех и в то время, когда в порядке дня стоит уже вопрос о полном признании СССР. Мы надеемся, однако, что шведское правительство, учтя последствия вторичного срыва переговоров, поймет нелогичность и необоснованность своих экстремистских требований и не будет больше на них настаивать. Никаких других препятствий к немедленному подписанию договора больше нет» [Там же: 43].

Тон интервью Литвинова демонстрирует уверенность, за которой стояло реальное изменение международной обстановки, укреплявшее позиции Советского Союза. Это и подобные заявления достигали желаемого. В исследовании В.А. Шишкина приведено следующее донесение чехословацкого представителя в Швеции В. Радимского: «Русская делегация в Стокгольме дала ряд интервью, в которых не слишком дипломатично обращала внимание на невыгоды, вытекающие для Швеции из-за постоянного откладывания урегулирования отношений. Однако уже несколько месяцев между ними идут переговоры информативного характера... Глава нынешнего правительства неоднократно проявлял равнодушие и безразличие к переговорам, и социал-демократы утверждают, что он не имел бы ничего против того, чтобы переговоры кончились неудачей... В последнее время, однако, в этом вопросе начался поворот в том смысле, что правительство после аудиенции и закрытого совещания у короля не только не отказалось от прежней позиции о признании России де-факто, но и решило признать Советы де-юре. Утверждается, что официальное признание состоится в ближайшие дни» [Шишкин 1991: 91].

Совершенно очевидно, что главным мотивом в пользу такого решения были соображения экономического характера. Об этом убедительно свидетельствует речь Э. Лёвгрена 25 февраля 1924 г. в Линчипинге. Затронув вопрос о переговорах с СССР, он заявил, что для Швеции не так уж и важно, в какой форме произойдет нормализация отношений с Советским Союзом: на основе его признания де-факто или де-юре; разница здесь «гораздо меньше, чем многие полагают». Более важным является подписание, собственно, самого торгового договора, который и представляет «наибольший интерес» [Известия: 27.02.1924].

Пятнадцатого марта 1924 г. в истории установления советско-шведских отношений наступило давно ожидаемое событие. В этот день министр иностранных дел Швеции барон Эрик Теодор Маркс фон Вюртемберг в присутствии премьер-министра Э. Трюггера вручил полпреду СССР В. Осинскому ноту о признании Советского Союза де-факто и де-юре [ДВП СССР Т. 7: 153]. В этот же день было подписано советско-шведское торговое соглашение [Там же: 147—151]. Шестнадцатого марта 1924 г. нарком по иностранным делам СССР Чичерин направил шведскому правительству ноту, в которой уведомил, что советское руководство «с большим удовлетворением приняло к сведению» шведскую ноту о признании, одушевлено «желанием немедленно приступить к действительному установлению нормальных дипломатических отношений» и наделяет Осинского «впредь до окончательной организации представительства Союза полномочиями поверенного в делах» [Там же: 154]. В ответной ноте глава МИДа Швеции Э. фон Вюртемберг сообщил, что в СССР в качестве поверенного в делах назначен Карл Герхард фон Хейденстама, советник миссии в резерве, который в момент назначения возглавлял торговую делегацию Ассоциации шведских экспортеров [Там же].

Окончательная точка в истории признания Швецией Советского Союза де-факто и де-юре была поставлена 9 мая 1924 г. В этот день в Москве ЦИК СССР ратифицировал, а в Стокгольме король Густав V подписал торговый советско-шведский договор [ДВП СССР Т. 7: 151]. Обмен ратификационными грамотами состоялся на следующий день в столице Швеции. Как отмечал А.С. Кан, две страны «с различными социальными и экономическими системами» вступили в официальные межгосударственные отношения [Кан 1974: 456].

Список источников

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958—1963. Т. 2—7.
Известия: орган Центрального исполнительного комитета СССР и Всероссийского центрального исполнительного комитета, 1921—1924.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Список литературы / References

- Жуковский Н. Дипломаты нового мира: очерки. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 349 с. (Zhukovsky N. Diplomats of the New World: essays, 2nd ed., exp., Moscow, 1986, 349 p. — In Russ.)
- Иголкин А.А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 18—54.
(Igolkin A.A. Lenin's People's Commissar: at the origins of Soviet corruption, *New Historical Bulletin*, 2004, no. 10, pp. 18—54. — In Russ.)
- Кан А.С. Новейшая история Швеции. М.: Междунар. отношения, 1964. 304 с. (Kahn A.S. The modern history of Sweden, Moscow, 1964, 304 p. — In Russ.)
- Кан А.С. История Швеции. М.: Наука, 1974. 720 с. (Kahn A.S. History of Sweden, Moscow, 1974, 720 p. — In Russ.)
- Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Рос. госуд. гуманитар. ин-т, 1999. 359 с. (Kahn A.S. Sweden and Russia in the past and present, Moscow, 1999, 359 p. — In Russ.)
- Ловцов Л.В. Политика военного коммунизма и железнодорожный транспорт (1918—1920 гг.). М., 1990. Рукопись, депонированная в ИНИОН. № 43633 от 08.01.91. 380 с. (Lovtsov L.V. The policy of war communism and railway transport (1918—1920), Moscow, 1990, The manuscript deposited in INION, no. 43633, dated 08.01.91, 380 p. — In Russ.)
- Революция и гражданская война в России: 1917—1923 г.: энциклопедия: в 4 т. М.: Терра, 2008. Т. 1. 560 с. (Revolution and Civil War in Russia: 1917—1923: encyclopedia in 4 volumes, Moscow, 2008, vol. 1, 560 p. — In Russ.)
- Черноперов В.Л., Решетов Е.А. Из истории советско-шведских военных связей в 1920-м — 1930-е годы // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 3. С. 110—124. (Chernoperov V.L., Reshetov E.A. From the history of Soviet-Swedish military relations in the 1920s—1930s, *Bulletin of the Bryansk State University*, 2024, no. 3, pp. 110—124. — In Russ.)
- Шишкин В.А. В борьбе с блокадой: о становлении советской внешней торговли. М.: Политиздат, 1979. 112 с. (Shishkin V.A. Fighting the blockade: the emergence of Soviet foreign trade, Moscow, 1979, 112 p. — In Russ.)
- Шишкин В.А. Антисоветская блокада и ее крушение. Л.: Наука, 1989. 206 с. (Shishkin V.A. The anti-Soviet blockade and its collapse, Leningrad, 1989, 206 p. — In Russ.)
- Шишкин В.А. Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929 гг.). СПб.: Наука, 1991. 437 с. (Shishkin V.A. The price of recognition: The USSR and Western Countries in search of a compromise (1924—1929), St. Petersburg, 1991, 437 p. — In Russ.)

THE STRUGGLE OF RSFSR/USSR DIPLOMATS FOR RECOGNITION THE SOVIET STATE BY SWEDEN IN 1920—1924

Egor A. Reshetov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, girlanda1999@mail.ru

Abstract. The article examines the little-studied history of the establishment of official Soviet-Swedish diplomatic relations in 1924. Special attention is paid to the efforts made by officials of the RSFSR/USSR to establish relations with the Kingdom of Sweden, starting in 1920. The role of Soviet diplomats M.M. Litvinov, P.M. Kerzhentsev, and N. Osinsky (V.V. Obolensky) in this process is noted. The obstacles to the bilateral dialogue are highlighted. The dynamics and stages of the change in the position of the Swedish ruling elite on the issue of de jure recognition of the RSFSR/USSR during the years 1920—1924 are shown. In particular, the change in the views of the leaders of the influential Swedish Social Democratic Party in the kingdom, led by K.J. Branting. The article is partly based on archival materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: L.B. Krasin, M.M. Litvinov, P.M. Kerzhentsev, V. Osinsky (V.V. Obolensky), K.J. Branting, E. Tryger, Gustav V

For citation: Reshetov E.A. The struggle of RSFSR/USSR diplomats for recognition the Soviet state by Sweden in 1920—1924, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, issue 2. p. 112—122.

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Решетов Егор Андреевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, girlanda1999@mail.ru, SPIN: 6261-7970

Reshetov Egor Andreevich — postgraduate student, Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, girlanda1999@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123—134.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 123—134.

Научная статья

УДК 323.1+94(5-011)

EDN <https://elibrary.ru/nnpyrm>

DOI: 10.46726/H.2025.2.13

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЭТНОКОНФЕССИИ И СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Игорь Валерьевич Рыжов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@imomi.unn.ru

Александр Игоревич Дубинин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, adubin40rus@mail.ru

Аннотация. В данной статье уделяется внимание этническому и религиозному разнообразию региона, а также проблемам, с которыми столкнулись страны Ближнего Востока в последние годы. В качестве методов исследования в ходе написания статьи были использованы следующие: историко-системный и общенаучные (синтез и анализ). Объектом данного исследования являются этнические и религиозные отношения между странами Ближнего Востока. При написании статьи были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать взаимоотношения стран Ближнего Востока между собой на современном этапе; 2) проанализировать роль исторических событий прошлого в контексте сегодняшней ситуации в регионе; 3) дать оценку иностранному влиянию на этнические и религиозные факторы в отношениях между странами региона; 4) проанализировать суть влияния вооруженных формирований на конфликтогенность Ближнего Востока. Новизна данной работы заключается в изучении влияния националистических и сепаратистских движений, роли иностранного влияния на ситуацию внутри ключевых государств региона, а также в анализе их исторической специфики, влияющей на современное положение. Актуальность данной работы заключается в усилении конфликтогенного потенциала региона в особенности после начала нового этапа противостояния Израиля и Палестины.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ирак, Турция, Иран, ислам, шииты, сунниты, США, Запад, курды

Для цитирования: Рыжов И.В., Дубинин А.И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123—134.

Введение

За последние годы в мире заметно усложнились международные отношения. Появились новые вызовы, серьезно угрожающие стабильности ситуации во многих регионах земного шара. Увеличивается количество очагов насилия, следствием чего становится усиление этнополитических проблем. Стоит отметить, что при развитии военных конфликтов следует учитывать, что к середине 2010-х годов в мире насчитывалось по меньшей мере 45 региональных конфликтов.

© Рыжов И.В., Дубинин А.И., 2025

В историографии вопроса этноконфессии в системе региональных международных отношениях на Ближнем Востоке уделяется особое внимание в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Так одним из основных трудов является «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)» под редакцией В.В. Наумкина и Д.Б. Малышевой [Наумкин, Малышева]. В монографии детально описываются причины кризисных явлений региона и дается историческое обоснование тем или иным событиям. В ходе создания данной научной работы был проанализирован сборник статей «Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока» под редакцией А.М. Мустафабейли, в котором авторы заостряют внимание на влиянии США и союзников на положение в регионе, а также затрагивают курдский вопрос [Мустафабейли, Козырев: 73—83]. О проблемах создания новой системы безопасности на Ближнем Востоке упоминается в статье И.В. Рыжова, М.Ю. Бородиной, Е.М. Савичевой под названием «Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в окружающем мире» [Рыжов, Бородина, Савичева: 418—435]. О том, что Ближний Восток стал местом интересов не только внутренних игроков региона, но и крупнейших государств мира, пишет О.А. Мазур в статье «Ближний Восток: на острие противоречий» [Мазур: 106—113]. Кризисные моменты политики США в регионе описываются в работе «Ближний Восток: состояние и развитие перспектив региональной ситуации», авторами которой являются А.В. Крылов и А.В. Федорченко [Крылов, Федорченко: 98—145]. Проблема курдского национального движения сразу в нескольких странах региона освещается в коллективной монографии под редакцией В.Г. Барановского и В.В. Наумкина «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития» [Барановский, Наумкин: 98—133]. Перспективы Иракского Курдистана описываются в сборнике «Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике» под редакцией Ю.Д. Квашнина и Н.В. Тоганова [Голубев: 15—27]. Тематике взаимоотношений России и Ближнего Востока посвящена статья «Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное развитие» Ж.Г. Аватисяна [Аватисян: 79—81]. Месту России на политической карте Ближнего Востока уделяется внимание в статье Н.У. Ханалиева «Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке» [Ханалиев: 143—153]. Стоит отметить, что одним из главных факторов, способствующих разобщению народов региона, является религиозный. Данной проблематике уделили внимание А.И. Пирогов и Д.А. Бирюков в статье «Исламский фундаментализм в арабском мире». Авторы полагают, что сегодняшний исламский фундаментализм является угрозой не только региону, но и всему мировому сообществу [Пирогов, Бирюков: 128—136]. Роли ислама в ближневосточной повестке уделяется первая глава сборника «Ближний Восток в фокусе политической аналитики» под редакцией А.В. Федорченко и А.В. Крылова [Федорченко, Крылов: 63—102]. Проблему этнического многообразия региона описывает А.М. Ахунов в пособии: «Основы этнографии стран арабского Востока» [Ахунов: 15]. Отдельно стоит отметить, что иностранные авторы, так же, как и отечественные, работают над выявлением основных тенденций в развитии региона. Так, Г. Фуллер в труде “The Future of Political Islam” заостряет внимание мирового сообщества на негативном влиянии США на жизнь Ближнего Востока и размышляет над будущим политического ислама как явления [Fuller]. О деструктивной роли США на Ближнем Востоке пишет Г. Гоз в научной публикации “Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War” [Gause: 1—28]. А. Гельке в работе “Politics in Deeply

Divided Societies” рассматривает ситуацию в регионе через призму теории глубоко раздельных обществ, согласно которой общество большинства стран Ближнего Востока разделено на несколько противостоящих друг другу по этническому, религиозному или иному признаку частей [Guelke: 1—96]. О том, за счет кого и каким образом пополняются ряды радикальных исламизированных элементов, пишут Д. Шапиро и Д. Биман [Shapiro, Byman: 37—46].

Примечательно, что при подсчете количества вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке существует два противоположных мнения. Так, с одной стороны, согласно статистике, количество войн в мире неуклонно снижается в сравнении с 1990-ми годами. К примеру, если в 1992 году произошло порядка 50 конфликтов (в том числе и внутри государств), а в состоянии непосредственной войны находилось около 20 % стран всего мира, то на начало XXI века конфликтами остались затронуты всего 13 % государств [Наумкин, Малышева: 10]. С другой стороны, прогресс не стоит на месте, человечество постоянно совершенствует оружие, благодаря чему увеличивается интенсивность боев. Соответственно и количество жертв в ходе боевых действий также увеличивается. К примеру, в 2014 году войны унесли жизни порядка 215 тыс. человек. Отдельно стоит отметить, что большая часть погибших пришлась на мирное население. К примеру, на территории Ирака, согласно данным СИПРИ, жертв среди гражданских лиц было порядка 128 тыс. человек. Данная цифра крайне примечательна в контексте общего количества смертей в ходе военного конфликта США и союзников с Ираком с 2003 по 2011 годы — 162 тыс. [Наумкин, Малышева: 11]. В Сирии за период активных боевых действий правительственных войск и ИГИЛ (запрещена в РФ) за вторую половину 2014 года количество убитых гражданских лиц составило порядка 2 тысяч человек.

В целом Ближний Восток является одним из давних источников этнических и религиозных конфликтов в мире. К тому же процессы глобализации не прошли мимо даже такого консервативного региона. В некоторых государствах посредством глобализации была разрушена традиционная для них модель общества, а люди оказались не готовы к социальным и экономическим изменениям. Поэтому естественным можно назвать желание некоторых политических сил, как правило, мусульманских, противостоять современным тенденциям. Представители религиозных организаций (зачастую радикально настроенных) полагают, что образ жизни, по которому многие столетия жили народы Ближнего Востока, не может сочетаться с глобализационными процессами, которые, как правило, несут за собой в дополнение либеральную западную идеологию. Следовательно, активизация данного процесса как общемировая тенденция способствовала росту реакционных консервативных и даже радикальных взглядов среди населения региона.

Процесс глобализации на Ближнем Востоке: особенности и тенденции

Стоит отметить, что несмотря на некоторые успехи глобализационных процессов на Ближнем Востоке, которые в определенных странах даже нашли своих единомышленников среди правящих элит (аравийские монархии в первую очередь), в целом в регионе намечена тенденция к тому, чтобы отделить друг от друга понятия «глобализация» и «вестернизация». Таким образом, лидеры государств региона стараются модернизировать общество, но за основу его обновления взять не западные образцы, а традиционные для мусульманского общества ценности. Таким образом, можно сказать о зарождении антиглобализма в религиозном облики [Наумкин, Малышева: 14]. Данную проблематику изучали некоторые западные ученые. К примеру, американский

политический аналитик Грэм Фуллер в своей работе «Будущее политического ислама» полагает, что население Ближнего Востока стало крайне реакционно настроенным по отношению к США и союзникам после планомерного давления (идеологического и военного) со стороны американцев [Fuller: 38]. К тому же после развала Советского Союза, который в последние десятилетия своего существования серьезным образом дискредитировал себя в глазах мусульманской общественности (прежде всего война в Афганистане и насаждение атеизма), основные проблемы целых народов Ближнего Востока некоторые местные жители стали связывать исключительно с либеральными западными тенденциями. Следовательно, антиамериканские настроения действительно наложили определенный отпечаток на общественную жизнь стран региона, а также на формирование политических сил. После террористического акта 11 сентября 2001 года противостояние двух идеологий вышло на новый уровень. США и сателлиты рассматривают Ближний Восток с точки зрения возможности обогатиться за счет нефтегазовых ресурсов. Очевидно, что борьба с террористическими образованиями в данном контексте отходит на второй план, уступая экономической выгоде. К тому же нельзя сказать, что с приходом в регион американцев конфликты сошли на нет. Арабо-израильское противостояние в 2023 году вступило в новую фазу, военные конфликты в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене также свидетельствуют о том, что США в регионе преследует свои интересы, отличные от задекларированных. Курдский вопрос до сих пор является нерешенным, Палестина по-прежнему не имеет собственного государства, а ЦАХАЛ активно пользуется собственным военным превосходством и поддержкой США, проводя кровопролитную операцию в регионе. Также на Ближнем Востоке остаются государства, которые можно называть «бомбой замедленного действия». К примеру, Йемен, где периоды затишья довольно часто прерываются вооруженными столкновениями.

Теория глубоко раздельных обществ как фактор этнической и религиозной раздробленности региона

Политическому и религиозному кризису в регионе способствует сразу несколько факторов, в том числе и раздробленность государств по следующим признакам:

- 1) конфессиональный (сунниты — шииты, мусульманское большинство и христианское меньшинство);
- 2) национальный (евреи — арабы, персы — арабы);
- 3) политический (разнообразие форм правления).

В то же время на Ближнем Востоке есть и примеры дальновидной политики некоторых лидеров настоящего и прошлого, направленной на достижение мира между представителями разных конфессий во властных структурах. К примеру, одним из наиболее близких к Саддаму Хуссейну деятелей был христианин Тарик Азиз, который на протяжении многих лет отвечал за внешнюю политику Ирака. Бывший президент Сирии Башар Асад, алавит, назначив на посты в службах специального назначения представителей своего клана, разрешил суннитам получать доходы благодаря экономической открытости страны. Однако данные примеры скорее исключение из правил, а суннитско-шиитское противостояние продолжает оставаться болевой точкой региона. Также стоит отметить и другие причины, из-за которых обстановка на Ближнем Востоке остается напряженной: авторитаризм, который часто тяготеет к диктатуре, а также неравенство разных групп населения, которое зачастую не зависит от принадлежности к конфессии или этносу.

Проанализировать ситуацию на Ближнем Востоке возможно через призму так называемой теории глубоко разделенных обществ (ТГРО) [Guelke: 13—14]. Говоря о данной теории, следует обратить внимание на то, что общество той или иной страны можно поделить на две полярные части. Однако Адриан Гелке выделяет в качестве исключения Ирак, в котором общество можно поделить на три части: сунниты, шииты и курды. В теории глубоко разделенных обществ указывается на то, что основным типом дифференциации можно назвать этнический фактор: «этнически фрагментированные общества становятся глубоко разделенными» [Наумкин, Малышева: 27]. Также следует выделить классы, касты, языки и расы в качестве причин разделения народов.

Для того, чтобы преодолеть межэтническую разделенность, можно выделить две модели решения ситуации: интеграционистскую и консоционалистскую. Сторонники первой концепции выступают за принципы федерализма и плюрализма, который способен разрядить обстановку и дать стимул к интеграции населения, а также воспрепятствовать радикализации. Консоционалисты относятся к суждениям первых со скепсисом, считая наиболее безболезненным выходом из ситуации консолидацию элит и их общие усилия по стабилизации этнических отношений в регионе.

Роль иностранного вмешательства в этническую и религиозную жизнь Ближнего Востока

Линии разобщенности в обществах можно рассматривать как совокупность этнических, родоплеменных, социальных, межрегиональных и иных противоречий [Наумкин, Малышева: 27]. Например, этнический национализм служит катализатором для столкновений, а где-то и вовсе «служит мощным основанием для притязаний меньшинств на сецессию и образование новых государств» [Guelke: 32]. В Сирии можно было наблюдать за желанием алавитского меньшинства сохранить контроль над властными структурами и не допустить федерализации государства, за которую активно выступали курды. Однако стоит помнить, что первопричиной боевых действий на территории страны является засуха и, как следствие, переезд обедневшего сельского населения в города. В Ираке же ситуация накалилась из-за несоблюдения прав суннитского меньшинства со стороны шиитов, которые также подвергались дискриминации во времена правления С. Хусейна. На примере Йемена можно проследить за так называемой многоуровневой разделенностью, выстроенной в иерархическом порядке доступа к власти и благам. В контексте данной страны можно упомянуть о проблеме севера и юга, которая затрагивает многие государства и помимо Йемена. В упомянутой стране разногласия возникли из-за хуситов, исповедующих шиизм (преимущественно север страны), и остальным населением. Конфликты подпитывались и родоплеменными столкновениями, несмотря на попытку властей подавить их при помощи мер, направленных на федерализацию страны.

Попытки примирения этнических групп были предприняты и в Ливане. Еще в 1943 году был подписан Национальный пакт, благодаря которому власти планировали достигнуть консенсуса между различными общинами и движениями. Однако даже данная мера не смогла спасти страну от гражданской войны 1975—1990 годов. В то время серьезный поток беженцев из Сирии (порядка полутора миллионов) нарушил хрупкий демографический баланс в Ливане. Впоследствии в 2014 году власти данной страны ввели визовый режим для сирийцев, с целью ограничить поток беженцев из этой страны.

Говоря о вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке, нельзя не упомянуть фактор внешнего вмешательства США и союзников, что привело к усилению политических и этнических противоречий между странами региона и представителями западных демократий. Особенно в данном контексте стоит выделить Ирак, военное вторжение в который было совершено без международного мандата. Одновременно с иностранным вмешательством в самой стране накал противостояния между суннитскими радикалами и шиитской милицией вышел на новый уровень и спровоцировал увеличение жертв среди мирного населения. В целом можно сказать, что американцы допустили три ключевые ошибки, которые поспособствовали усугублению противоречий:

- 1) уничтожение государственного аппарата;
- 2) ликвидация армейских подразделений страны;
- 3) запрет деятельности БААС.

Говоря о причинах данных действий, можно предположить, что США посчитали данные структуры неспособными к трансформации. Напротив, в Вашингтоне опасались желания армии, БААС и в целом государственного аппарата взять реванш. Как следствие, все основные силы, которые и являлись опорой централизованного режима, были демонтированы, что способствовало усилению конфронтации. Таким образом, в стране сформировался своеобразный вакуум власти, заполнить который стало крайне тяжело. Также стоит отметить, что в своей концепции по контролю за регионом американцы использовали религиозный фактор. Безусловно, шииты, ущемленные в своих правах, нуждались в скорейшей реабилитации. Однако ставка, сделанная правительством Джорджа Буша-младшего на примирение конфессий в стране при помощи опоры на шиитские организации, ограничила в правах суннитов. Те, в свою очередь, начали вражду с шиитами и с христианским меньшинством в стране. Вдобавок реабилитированные курды начали строить собственные квазигосударственные образования. Междоусобица в стране началась при непосредственной помощи Соединённых Штатов Америки. Иракская государственность была разрушена, а новую построить не удавалось. Стоит отметить, что даже американские эксперты указывают на пагубное влияние страны на ситуацию в регионе. Так, Грегори Гоз писал следующее: «Соединенные Штаты продемонстрировали в Ираке, что они гораздо успешнее могут разрушать государство, чем строить» [Gause: 24]. Приход в Ирак США пагубно повлиял и на демографическую ситуацию в государстве. Только за период с 2003 по 2006 годы в стране погибло порядка 600 тысяч человек. Из них порядка 13 % умерли из-за бомбардировок, включая 46 % женщин и 39 % детей [Наумкин, Малышева: 34]. Христианское население страны также уменьшилось практически на миллион человек. Для временного охлаждения накала противостояния была избрана тактика, включающая в себя работу с суннитскими племенами, которые были способны ослабить позиции «Аль-Каиды» в районах с суннитским большинством. Однако данные меры сгладили конфликт ненадолго, и вскоре сунниты вновь объявили о том, что они намерены бороться с дискриминацией со стороны правительства Малики.

Курдская проблема как главный фактор сепаратизма на Ближнем Востоке

На севере Ирака все еще болевой точкой оставался Курдистан. Получив желаемую автономию, курды в трех северных регионах стали строить подобию квазигосударства со своей экономикой. Несмотря на послабления, которые центральная власть дала курдам, последние хотели не довольствоваться

этим, а, наоборот, стремились расширить свои права, в частности, старались добиться права на заключение нефтяных контрактов без ведома центра. К тому же никуда не делись претензии на Кикрук, который курды считали своей столицей. Стоит отметить, что данный город является типичным для Ближнего Востока примером этнической разделенности (имеет схожие черты с Иерусалимской проблемой). На Кикрук, город с богатыми нефтегазовыми ресурсами, претендовало сразу несколько народов: арабы, курды и туркоманы. К тому же во многом из-за этого населенного пункта С. Хуссейн нарушил Декларацию 1970 года, подписанную им же с курдским народом.

На данный момент курды не оставляют попыток подчинить себе город. Масло в огонь подлила война, развернутая «Исламским государством» (запрещена в РФ) на северных территориях Ирака. С одной стороны, боевые действия подталкивают курдов сблизиться с правительством страны для борьбы с радикальными элементами. Обратная сторона медали заключается в стремлении курдов получить дополнительные привилегии от центра, что может только накалить ситуацию: вполне вероятно, что курды не захотят довольствоваться тремя регионами на севере, а замахнутся на другие спорные районы, включая Кикрук.

После того, как бои на территории Сирии перешли в острую фазу, многие радикальные элементы в составе нескольких группировок, таких как «Аль-Каида» и подчинившаяся ей «Джабхат ан-Нусра», начали активно бороться с правительством Башара Асада. В отдельных регионах экстремисты добились значительных успехов. В частности, к середине второго десятилетия нынешнего века провинции Ракка и Дейр аз-Зор перешли под их контроль. В целом к 2014 году боевики ИГИЛ (запрещена в РФ) замахнулись не только на территорию Сирии, а добились успехов и в Ираке, что позволило им провозгласить трансграничное государство. Немалую роль в этом сыграли боевики, прибывшие из других стран и даже континентов: от Америки до Европы. Существует мнение, согласно которому прибывшие на Ближний Восток иностранные граждане изначально были охвачены идеей защиты населения от режима Башара Асада, а затем стали приверженцами идей глобального джихада [Yupan, Sharipo: 38]. Также среди приехавших в Сирию были и те, кто руководствовался желанием заработать, однако и те продавали свое имущество для помощи джихаду.

Говоря об этнических и религиозных спорах и проблемах на территории Ближнего Востока, нельзя не упомянуть Иран, так как его территория издавна была заселена разными этносами и народами, среди которых также, как и в Ираке, можно выделить курдов. Несмотря на то, что курды являются национальным меньшинством, их влияние на страну весьма значительно. В целом можно выделить сразу несколько провинций Ирана, тесно связанных с курдским меньшинством. Это Курдистан, Кершманах и Илам [Козырев, Мустафабейли: 74]. Стоит отметить, что данные регионы не являются экономически развитыми.

Иранские курды, безусловно, находятся в тяжелых условиях, связанных как с низким социальным статусом, так и с экономической отсталостью. Однако курды Ирана в отличие от иракских и сирийских не чувствовали себя изгоями, таким образом их положение в обществе было все же менее удручающим. Курдская литература, искусство, живопись долгое время были связаны с персидской. Власти Ирана не ставили народ в жесткие рамки и старались не притеснять их, что серьезным образом отличает их от иракских и сирийских соседей. Стоит отметить, что такое положение курдов в стране отнюдь не

означало, что им удалось избежать притеснений на всех исторических этапах за последние 100 лет. Так, после падения Османской империи в регион пришли войны и этнические конфликты, что привело за собой усиление позиций националистов. Во главе с Симко Шиканом курды начали противостоять центральной власти Ирана, однако при победах на отдельных этапах боевых действий успехов на длительной дистанции восставшие не добились.

После окончания Второй мировой войны произошел второй этап зарождения курдского сепаратизма. СССР поддержал восставших, что способствовало провозглашению в 1946 году Курдской республики с центром в Мехабаде. Правительство республики опиралось на националистические идеи, открывало школы, обучение в которых велось на курдском языке, и проводили экономические реформы, с целью урегулировать отношения между крестьянами и местной буржуазией. Однако данное государственное образование просуществовало крайне недолго. Уже в декабре все того же 1946 года центр, воспользовавшись выводом войск Советского Союза из Ирана, разгромил силы курдов, а руководители квазигосударственного образования и вовсе были казнены.

После того как с силами сепаратистов было покончено, Мохаммед Реза Пехлеви, на тот момент являвшийся иранским правителем, начал проводить более лояльную и гибкую политику по отношению к курдскому населению. Он даже подчеркивал роль курдов в истории страны, а некоторые курды и вообще занимали высокие государственные посты [Козырев, Мустафабейли: 75]. Также М.Р. Пехлеви старался приблизить к себе представителей влиятельных племен курдов для помощи в борьбе с сепаратизмом. В 1960-х годах в стране возник новый виток политической и социальной напряженности. В отдельных регионах под эгидой Демократической партии Иранского Курдистана даже возникло вооруженное восстание, которое продолжалось на протяжении полутора лет. Также лидеры курдских сепаратистов выдвинули лозунг: «демократия — Ирану, автономия — Курдистану». В целом же партия сочетала политические и военные методы борьбы.

Другим фактором, крайне негативно повлиявшим на курдов, стала ирано-иракская война 1980—1988 годов. Из-за того, что боевые действия охватывали весомую часть территорий курдов, жертвы, как среди мирного населения, так и среди военных, были колоссальными. Кроме того, обе стороны пытались заручиться поддержкой курдского населения противника, что только подталкивало Тегеран и Багдад к репрессиям по отношению к курдам. В целом, можно сказать, что при правлении Хомейни стремление курдов к автономии жестко подавлялось.

Следующий виток в отношениях между властями Ирана и курдов произошел во время правления М. Хатами, которого можно было назвать более либеральным, чем его предшественник. Он дал послабления курдам в культурной сфере, а губернатором иранского Курдистана был назначен этнический курд. Послабления продлились не так долго, и уже к 1999 году на территории Курдистана возникли восстания, которые послужили фундаментом для создания вооруженного подполья во главе с Партией свободной жизни Курдистана и ДПИК.

Далее президент М. Ахмадинежад перешел к репрессиям населения регионов, тяготеющих к отделению. Стоит отметить, что сепаратистские настроения активным образом подогревались извне. Так, монархии персидского залива, Соединенные Штаты Америки и Израиль оказывали поддержку курдам. Настороженность Тегерана стала еще сильнее, когда власти получили сведения о сближении курдов и Организации моджахедов иранского народа. Понимая это, власти Ирана пошли на серьезный шаг, а именно начали сотрудничать с Курдским автономным регионом в Ираке, что впоследствии привело

к тому, что к 2013 году порядка 500 иранских компаний начали вести бизнес на территории курдской автономии [Козырев, Мустафабейли: 78]. Однако власти Ирана не ограничились только экономическим сближением. К 2000 году в городе Эрбиле (центр курдской автономии Ирака) было открыто иранское консульство, а в 2007 году в Тегеране заработало представительство Иракского Курдистана. Также правительство исламской республики наладило авиационную связь с Эрбилем, а в 2011 году состоялся визит президента Иракского Курдистана в столицу Ирана, в ходе которой лидера иракских курдов попросили посодействовать в налаживании диалога правительства Ирана с сепаратистами.

В 2013 году на пост президента Ирана был избран Х. Рухани, имевший имидж либерально настроенного правителя. Новоиспеченный лидер пообещал выделить порядка 1 млрд долларов на улучшение жизни районов, которые населяют преимущественно курды. Однако на практике это обещание выполнено не было, что разделило мнение курдов на два полюса: одни продолжали верить в то, что улучшения не за горами, другие утратили доверие к лидеру государства и настроились по отношению к нему крайне реакционно. Некоторые оппозиционные организации, возглавляемые Б. Адабом, старались наладить отношения с руководством ИРИ, в то время как другие не стремились к поиску компромиссов, так как видели в качестве примера иракских курдов, добившихся большей самостоятельности, чем они.

Одновременно с этим власти Ирана находились под угрозой суннитских радикально настроенных группировок, которые стремились воспользоваться усилением противоречий между сепаратистами и властью в своих целях. В качестве примера можно привести Ансар аль-Ислам, руководство которой провозгласило священную войну против шиитских властей республики. В ответ на это центр создал специальное подразделение под названием «Разим». Для борьбы с сепаратизмом предполагалось привлечь в новое военное формирование этнических курдов, лояльных властям. Вскоре на границе была сконцентрирована бронетехника. Однако даже эти меры не остановили курдов, и летом 2016 года ДПИК атаковали КСИР. В ходе боевых действий было убито несколько военнослужащих. Чуть позже власти объявили об уничтожении 13 боевиков оппозиции. В сентябре того же года курды убили порядка 25 иранских стражей революции.

Антиправительственная деятельность оппозиции в Ираке и Иране усилилась при помощи извне: американцы, израильтяне, саудиты финансировали курдов через консульство в Эрбиле. Уже к 2017 году в Курдском автономном районе произошел референдум о независимости, в ходе которого подавляющее большинство (порядка 93 %) проголосовало за отделение от Ирака. Данный прецедент мог пагубно повлиять на расстановку сил в регионе. Большинство стран референдум не поддержало. Турция и Иран высказались против голосования, пообещав задействовать все силы, включая военные. Однако не все политические деятели выступали за подавление воли сепаратистов. Так, лидер суннитов Ирана Мехлеви Абдилхамид выступил с критикой действий Тегерана, направленных на экономическую блокаду региона. Таким образом, политика легитимных властей Ирака и Ирана стала диаметрально противоположной: от начала ведения экономических отношений и открытия консульств до угроз военного вторжения после референдума об отделении земель курдов от Ирака.

В 2017 году президент Турции Р. Эрдоган в ходе визита в Иран договорился о принятии мер для противостояния курдскому сепаратизму как в Ираке, так и в Сирии. Вашингтон также не принял результаты референдума в Ираке, а государственный секретарь американцев Р. Тиллерсом озвучил позицию своего государства, по которой США поддерживали целостность Ирака. Однако

среди экспертов существует противоположное мнение, согласно которому американцы «за спиной» у мирового сообщества проводят двойную политику: принимая во внимание идеологическое, военное и политическое противостояние с Ираном, руководство США стремится к поддержке лидеров Иракского Курдистана, в том числе по вопросам референдума о независимости. К тому же стоит принимать во внимание обстановку в соседней Сирии, которая складывается явно не в пользу США. К тому же гибель иракского режима означала для американцев геополитическое поражение в стране. Таким образом, на конец 2010-х годов боевые действия в регионе, подогреваемые внутренними противоречиями, не только не прекратились, но и еще сильнее обострились, что к 2024 году привело к ухудшению геополитической ситуации и новой волне конфронтации на Ближнем Востоке.

Вывод

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу о том, что Ближний Восток по-прежнему является центром противостояния политических течений, религиозных взглядов и вооруженных формирований. Противостояние суннитов и шиитов в ближайшее время не закончится, как и конфронтация между национальными меньшинствами и центром. Вероятно, без вмешательства в дела региона со стороны стран Северной Америки и Европы ситуация разрешилась бы намного быстрее и с меньшими жертвами как среди мирного населения, так и среди участников вооруженных формирований. Новый виток противостояния между Израилем и Палестиной, в ходе которого еврейское государство не стесняется обстреливать мирное население Сектора Газа, стал возможен во многом благодаря поддержке Израиля Соединёнными Штатами Америки. Для того чтобы сделать вывод о нынешней ситуации в регионе, был произведен анализ этнических, религиозных и политических взаимоотношений в странах, являющихся ключевыми игроками на карте современного Ближнего Востока. Также была дана характеристика политических процессов, берущих свое начало не в XXI веке, но имеющих важное значение в контексте современной обстановки на Ближнем Востоке.

Список литературы / References

- Аветисян Ж.Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 79—81.
(Avetisyan J.G. Relations between Russia and the Arab world: the history of formation and the current state, *Society: Philosophy, history, culture*, no. 5, 2016, pp. 79—81. — In Russ.)
- Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. 169 с.
(Actual problems of the Near and Middle East: a collection of scientific articles, ed. by A.M. Mustafabeyli, Moscow, 2017, 169 p. — In Russ.)
- Ахумов А.Н. Основы этнографии стран Арабского Востока: учебное пособие для студентов вузов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 336 с.
(Akhumov A.N. Fundamentals of ethnography of the countries of the Arab East, Kazan, 2014, 336 p. — In Russ.)
- Ближний Восток в фокусе политической аналитики: сборник научных трудов: к 15-летию Центра ближневосточных исследований / под ред. А.В. Федорченко и А.В. Крылова М.: ИМИ МГИМО, 2019. 548 с.
(The Middle East in the focus of political analysis: a collection of scientific papers: on the 15th anniversary of the Center for Middle East Studies, ed. by A.V. Fedorchenko and A.V. Krylov, Moscow, 2019, 548 p. — In Russ.)
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития / под ред. В.В. Наумкина и В.Г. Барановского. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.

- (The Middle East in a changing global context: key trends of centennial development, ed. by V.V. Naumkin and V.G. Baranovskyi, Moscow, 2018, 556 p. — In Russ.)
- Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике / под ред. Ю.Д. Квашнина и Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15—26.
- (Golubev D.S. Problems and prospects of the sovereignization of Iraqi Kurdistan, *The Greater Middle East in World Economy and Politics*, ed. by Yu.D. Kvashnin and N.V. Toganov, Moscow, 2017, pp. 15—26)
- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / под ред. В.В. Наумкина и Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
- (Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa), ed. by V.V. Naumkina and D.B. Malysheva, Moscow, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Козырев Н.И., Мустафабейли А.М. Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 73—83.
- (Kozyrev N.I., Mustafabeyli A.M. Actual problems of the Near and Middle East: collection of scientific articles, ed. by A.M. Mustafabeyli, Moscow, 2017, pp. 73—83. — In Russ.)
- Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10 (292). С. 98—145.
- (Krylov A.V., Fedorchenko A.V. The Middle East: the state and prospects of development of the regional situation, *Russia and the Muslim world*, 2016, no. 10 (292), pp. 98—145. — In Russ.)
- Мазур О.А. Ближний Восток: на острие противоречий // Век глобализации. 2015. № 1. С. 106—113.
- (Mazur O.A. The Middle East: at the edge of contradictions, *The Age of Globalization*, 2015, no. 1, pp. 106—113. — In Russ.)
- Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделенных обществах Ближнего Востока // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 25—53.
- (Naumkin V.V. Islamic radicalism and external intervention in deeply divided societies of the Middle East, *Conflicts and wars of the XXI century (Middle East and North Africa)*, Moscow, 2015, pp. 25—53. — In Russ.)
- Пирогов А.И., Бирюков Д.А. Исламский фундаментализм в арабском мире // ЭСГИ. 2015. № 4 (8). С. 123—136.
- (Pirogov A.I., Biryukov D.A. Islamic fundamentalism in the Arab world, *ESGI*, 2015, no.4 (8), pp. 123—136. — In Russ.)
- Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Савичева Е.М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2023. № 15. С. 418—435.
- (Ryzhov I.V. Borodina M.Yu., Savicheva E.M. The Middle East: the search for a new security architecture in a changing world, *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*, 2023, no.15, pp. 418—435. — In Russ.)
- Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке // Власть. 2017. № 9. С. 143—152.
- (Khanaliev N.U. Priorities of Russia's national security in the Greater Middle East, *Vlast*, 2017, no. 9, pp. 143—152. — In Russ.)
- Byman D., Shapiro J. Homeward bound: Don't hype the threat of returning Jihadists, *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 6, November—December, 2014, pp. 37—46.
- Gregory F. Gause III. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. Brookings Doha center analysis paper, no 20, 2014, 27 p.
- Fuller E. The future of politic Islam, New York: Palgrave Macmillan, 2003, 262 p.
- Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies, Cambridge; Malden: Polity, 2012, 196 p.

MIDDLE EASTERN ETHNIC CONFESSIONS AND THE SYSTEM OF REGIONAL INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 21ST CENTURY

Igor V. Ryzhov

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@imomi.unn.ru

Alexander I. Dubinin

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, adubinin40rus@mail.ru

Annotation. This article focuses on the ethnic and religious diversity of the region, as well as the problems faced by the countries of the Middle East in recent years. The following research methods were used during the writing of the article: historical-systemic and general scientific (synthesis and analysis). The object of this research is the ethnic and religious relations between the countries of the Middle East. When writing the article, the following tasks were set: 1) to analyze the relations of the countries of the Middle East among themselves at the present stage; 2) analyze the role of historical events of the past in the context of the current situation in the region; 3) to assess the foreign influence on ethnic and religious factors in relations between the countries of the region; 4) To analyze the essence of the influence of armed groups on the conflictogenicity of the Middle East. The novelty of this work lies in the study of the influence of nationalist and separatist movements, the role of foreign influence on the situation inside the key states of the region, as well as in the analysis of their historical specifics affecting the current situation. The relevance of this work lies in strengthening the conflict potential of the region, especially after the beginning of a new stage of confrontation between Israel and Palestine.

Keywords: Middle East, Iraq, Turkey, Iran, Islam, Shiites, Sunnis, USA, West, Kurds

For citation: Ryzhov I.V., Dubinin A.I. Middle Eastern ethnic confessions and the system of regional international relations in the 21st century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 123—134.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@imomi.unn.ru, SPIN: 5761-6776

Igor V. Ryzhov — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of history and politics of Russia, Institute of international relations and world history, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@imomi.unn.ru

Дубинин Александр Игоревич — аспирант кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, adubinin40rus@mail.ru

Alexander I. Dubinin — postgraduate student of Department of history and politics of Russia, Institute of international relations and world history, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, adubinin40rus@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 135—146.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 135—145.

Научная статья

УДК 327(47+57+73)"1970/89"

EDN <https://elibrary.ru/nxwgtz>

DOI: 10.46726/H.2025.2.14

«СОВЕТЫ НЕ ДОЛЖНЫ НЕДООЦЕНИВАТЬ НАШЕЙ РЕШИМОСТИ», ИЛИ «ДАВАЙТЕ ЗАНИМАТЬСЯ КУЛЬТУРОЙ»: СПЕЦИФИКА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО «ХОЛОДНОГО» ДИАЛОГА В КОНЦЕ 1970-Х — 1980-Е ГГ.

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет,

г. Иваново, Россия; Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике советско-американских отношений. Основными источниками стали документы Министерства культуры СССР, преимущественно вводящиеся в научный оборот впервые, а также мемуары, публицистика и иные материалы. Показано, что Министерство культуры являлось ведущим институциональным каналом, обладавшим широким диапазоном как официально-номинальных межведомственных контактов, унаследованных в ходе проведенной при его создании реорганизации, так и новообретенных коммуникативных линий, усложненных приватно-корпоративными сопряжениями. Выявлено, что подобный статус позволил Министерству выступать своеобразным барометром-индикатором динамики советско-американского диалога на различных стадиях «холодной войны». Делаются выводы о том, что «холодный» диалог в сфере культуры в этот период носил сложный, поливалентный характер. Официальная негативная идеологическая риторика со стороны СССР и США, особенно усилившаяся в годы эскалации напряженности, претерпевала параллельную амортизацию в виде продолжавшегося сотрудничества, мотивированного встречной заинтересованностью в его конкретных результатах и обогащении опытом. Это подготовило «имагологический поворот», нейтрализацию политического дискурса и конвергенцию культур непосредственно в исследуемый период, а также создало основу для нового осмысления данных тенденций с целью диагностики и преодоления конфликтных ситуаций современности.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Министерство культуры СССР, культурная политика, идеологический дискурс, «холодная война»

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США»

Для цитирования: Юдин К.А. «Советы не должны недооценивать нашей решимости», или «давайте заниматься культурой»: специфика советско-американского «холодного» диалога в конце 1970-х — 1980-е гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 135—145.

Введение: постановка проблемы и историографический ракурс

Министерство культуры СССР, возникшее 15 марта 1953 г., стало одним из ведущих ведомств в системе политического контроля и управления пост-сталинского периода. Интегральный характер нового учреждения, созданного на основе широкой институциональной преемственности функций ранее

существовавших структур — Министерств высшего образования, кинематографии, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР и некоторых других — предопределил многоплановость и масштабность направлений его деятельности, обладавшей как центральным, так и региональным охватом. Информационные справки, докладные записки и иная документация, исходившая от Министерства, является важнейшим историческим источником по истории советско-американских культурных связей. По этой причине не менее внушительным является историографический корпус (см.: [Унаева]).

Многими авторами активно исследуются персонально-биографические аспекты в публикациях, посвященных карьере и жизненному пути руководителей данного ведомства — Н.А. Михайлова, Е.А. Фурцевой, П.Н. Демичева, а также их заместителей, например, Н.П. Охлопкова, обладавшего специфическим «интеллектуальным портретом», творческими качествами и мышлением, делавшими его «инородным элементом» в партийно-государственной номенклатуре [Гершзон 2017: 59]. Из актуальных и новейших работ следует отметить публикации и монографическое исследование М.М. Гершзона, Н.В. Белошапки, Д.Н. Шилова [Гершзон 2024; Белошапка 2012, 2023; Шилов], которые успешно совмещают верность традициям изучения институциональной истории в общепринятых хронологических рамках — хрущевской «оттепели», брежневского «застоя» — с новыми концептуальными трендами, предполагающими рассмотрение имагологических тенденций [«Враг номер один»], обращение к переходным и смешанным состояниям политико-идеологического климата внутри страны [Комиссаров] и международных отношений в период «холодной войны», влиянию американского фактора и санкций США на культурную политику и дипломатию и СССР [Трегубов; Советская культурная дипломатия; Журавлева; Рабуш].

Специфика «холодного» культурно-политического диалога

«Советы не должны недооценивать нашей решимости. Мы отложим открытие любой американской или советской консульской службы, и большая часть культурных и экономических обменов, которые в настоящее время находятся на рассмотрении, будет приостановлена» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Ед. хр. 265. Л. 97], — переведенный фрагмент выступления президента США Дж. Картера по американскому телевидению 4 января 1980 года, вынесенный сотрудниками Минкульта СССР на отдельный лист, — стал своеобразным барометром-индикатором, политико-риторическим водоразделом, позволившим сравнивать и осуществлять диагностику перспектив развития советско-американских контактов, в том числе — давать их переоценку с учетом изменившихся обстоятельств — предельно отрицательной реакции США на ввод советских войск в Афганистан. 6 января 1980 г. Дж. Картер заявил об одностороннем свертывании научных, культурных и торгово-экономических связей с СССР. Позже, в феврале, Национальная Академия наук США солидаризировалась с этой позицией. Конфронтацией в сфере массовой культуры стало и бойкотирование Олимпийских игр 1980 г., при котором вернулись самые неблагоприятные сравнения: «в периодической печати США проводились параллели с Олимпиадой 1936 года в Германии, которая для немцев, как писали в американских СМИ, была не просто спортивным состязанием, а способом посредством пропаганды легитимизировать гитлеровский режим [Рабуш: 49, 51]. «Хотя Дж. Картер и заявлял о своей вере в разрядку, он обвинял СССР в тоталитаризме и

распространении этого “политического зла” на страны советского блока» [Журавлева: 34].

В ответ на эти медийные выпады в справке Министерства культуры о советско-американских культурных обменах был сделан встречный ретроспективный негативный акцент. Отмечалось, что несмотря на продуктивность реализации общего Соглашения между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве сроком на 6 лет, которое было подписало Л.И. Брежнев во время визита в июне 1973 г. в США, американская сторона с самого начала «проводила линию на получение односторонних преимуществ в свою пользу, ссылаясь на необходимость “баланса интересов”». И далее: «На переговорах в Москве в ноябре — декабре 1979 года американская делегация внесла несколько неприемлемых для советской стороны предложений и отказалась включить в тексты документов советские формулировки», а также «настаивала на оплате американских коллективов в СССР только в американских долларах и <...> отказалась включить в тексты новой программы (обменов. — К. Ю.) статью об обязательствах американской стороны по обеспечению безопасности советских участников обменов и в том числе художественных коллективов» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 265. Л. 117—118].

В 1978 г. в США произошла очередная реорганизация в ведомствах, ответственных за обеспечение культурной политики, возникло новое самостоятельное учреждение — Агентство по международным связям США (United States International Communications Agency), которое объединило в себе функции Информационного агентства США (ЮСИА) и Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента [Филимонов: 137]. Новинкой культурно-коммуникационной политики США становится всемирная телевизионная сеть «Уорлднет», первая пресс-конференция которой была проведена в 1983 г. [Цатурян: 113]. Все это также было воспринято в СССР достаточно настороженно. «Во второй половине 1970-х гг. правящие круги США, — отмечалось в документах Минкульты СССР, — заявили о стремлении значительно усилить свое пропагандистское воздействие на зарубежное общественное мнение, предприняли меры по укреплению своих позиций в ведении идеологической борьбы против СССР и других социалистических стран». И далее: «В целом, реорганизация американского пропагандистского аппарата представляет собой новый шаг, направленный на совершенствование всей системы внешнепропагандистской службы США, повышение эффективности идеологических диверсий против СССР и других социалистических стран» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 265. Л. 117]. Негативной коммеморации подверглась и позиция США на Белградской встрече 1978 г. по вопросам сотрудничества в гуманитарных и других областях, на которой «американские представители пытались обвинить СССР в недостаточном поощрении и поддержке прямых контактов между деятелями культуры, образования и науки, в ограничении доступа к советским архивам, в использовании соглашений о культурном и научном сотрудничестве для ограничения показа советскому зрителю западного искусства, для массированного продвижения в страны Запада по каналам искусства и культуры марксистско-ленинской идеологии» [Там же: л. 121].

Подобный дискурс был отражен в соответствующей нормативной документации Министерства культуры, ориентировавшегося на вышестоящие партийно-государственные органы и исходившие от них решения. 28 сентября 1982 г. вышло постановление ЦК КПСС «О противодействии подрывным акциям США и мерах по дальнейшей активизации информационно-

пропагандистской работы». В декабре 1982 г. постановлением Коллегии Министерства культуры СССР был утвержден специальный план мероприятий, направленных на противодействие «подрывным пропагандистским акциям империалистических государств». 1 ноября 1983 г. ЦК КПСС принял постановление «О некоторых вопросах совершенствования и координации внешнеполитической пропаганды и контрпропаганды». В январе 1984 г. издан приказ министра культуры СССР «О некоторых дополнительных мерах по усилению противодействия подрывным пропагандистским акциям империалистических государств в области культуры и искусства» [Там же: ф. 2329, оп. 2, д. 2396, л. 82; Белошапка 2012: 274]. 21 февраля 1983 г. появился приказ Министерства культуры СССР «О серьезных недостатках и о мерах улучшения идеологической, политико-воспитательной работы в Московской государственной консерватории», который предписывал «применять индивидуальные формы работы, особенно с ведущими исполнителями и с творческой молодежью; усилить их идейную закалку и политическую зрелость, воспитывать у них чувства высокой гражданственности и патриотизма, преданность делу партии и народа, высокие моральные качества, невосприимчивость к рекламным атрибутам буржуазного образа жизни» [Музыка вместо сумбура: 703].

5 мая 1984 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О вопросах Олимпийских игр в Лос-Анджелес (США)», в котором говорилось: «Считать нецелесообразным участие советских спортсменов в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе ввиду грубого нарушения американской стороной Олимпийской хартии, отсутствия должных мер обеспечения безопасности для делегации СССР и развёрнутой в США антисоветской кампании <...>» [Юдина: 200]. Это стало установкой на усиление негативного образа США в периодических изданиях, в которых помещались антиамериканские карикатуры и публикации, представлявшие Америку царством террора, угрожавшему и физическому, и моральному облику нормального, советского человека [Беглов: 8—9].

При этом концепт «двух Америк», присутствовавший даже в публицистике этого этапа «холодной войны», позитивные суждения о сохранении общности советских людей и американцев, большинство из которых выступало «за разрядку и сотрудничество» [Секистов, Коротков: 174; Советский Союз глазами американцев], памяти о союзнических отношениях в период Второй мировой войны — все это подготовило комплексный «имагологический поворот» в период перестройки [Юдин]. По существу, на социокультурном пространстве продолжалось состояние «холодного потепления», только в иной модификации, с превалированием холодного «политического воздуха», при которой амбивалентность советско-американских отношений приобрела еще более сложную морфологию, обусловленную реализацией стратегии «долговременной обороны», начатой еще в середине 1960-х гг. [Трегубов: 59].

Как показывают документы, культурно-дипломатический прагматизм, заинтересованность профильных учреждений в сотрудничестве были свойственны обеим сторонам, стремившимся минимизировать воздействие политического дискурса, угрожавшего уже стабилизированным, апробированным механизмам взаимодействия, говоря современным языком, рейтингу активности ведомств, в том числе обеспеченному сформированным материально-техническим траекториям. Поэтому даже в первые месяцы после упомянутого «воззвания» Дж. Картера Министерство культуры сигнализировало о возможных проблемах и последствиях встречных санкций. «Уже подписаны контракты на выступления в этой стране [в США. — К. Ю.] в 1980 году, —

говорилось в записке заместителя Министра культуры Ю.Я. Барабаша, — невыполнение указанных контрактных обязательств приведет к острому конфликту, который может вылиться в судебное разбирательство, предъявление серьезных финансовых претензий и вызвать новую волну антисоветской шумихи. В этой связи Министерство культуры СССР считало бы возможным рассмотреть вопрос о поэтапном прекращении деловых связей с фирмой “Columbia”. На первом этапе выполнить подписанные контракты на 1980 год. Совпосольство США также считает целесообразным пойти на выполнение ранее подписанных контрактов с фирмой “Columbia” при условии получения от американской стороны дополнительных гарантий безопасности советских артистов» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 295. Л. 81; Белошапка 2012: 271].

С этим были солидарны и некоторые американские компании. Например, руководство корпорации «Контрол Дейта» (“Control Data Corporation”) объявило о предъявлении правительству США иска на сумму в 1,5 миллиона долларов в качестве компенсации ущерба, понесенного фирмой вследствие отказа официальных структур предоставить иммунитет экспонатам крупного коммерческого предприятия — выставке «Шедевры Ленинградского Эрмитажа». Подготовка к ее экспозиции была квалифицирована Госдепартаментом как не соответствовавшая национальным интересам США [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 265. Л. 113].

О стремлении адаптироваться к вынужденным ограничениям свидетельствовала хроника советско-американских культурных связей за 1980 — 1982 гг., которые продолжались по иным каналам — через общество «Родина», Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Все это нашло отражение и зафиксировано в документах Министерства культуры. Так, с 8 по 20 января 1980 г. по заданию Министерства культуры СССР в США была проведена работа по закупке духовых и ударных инструментов для Государственного симфонического оркестра на сумму более 45 тыс. долларов в рамках командировки, в которой под руководством председателя в/о «Разноэкспорт» Министерства внешней торговли СССР приняли участия музыканты В.И. Зверев, К.М. Ладилов, В.М. Снегирев, Л.В. Володин [Там же: л. 114]. 22 декабря 1980 г. была подписана программа сотрудничества между ССОД, обществом «СССР—США» и Национальным советом американо-советской дружбы на 1981—1983 гг. [Там же: л. 108]. Продолжались и кинематографические контакты. В соответствии с договоренностью между “Satra films Corporation” и в/о «Совэкспортфильм» в марте 1981 г. Нью-Йорк посетила делегация советских кинематографистов, что было приурочено к демонстрации в кинотеатре «Эмбасси» х/ф «Москва слезам не верит» [Там же: л. 109].

Для укрепления коммуникации использовалось и сотрудничество с «четвертой властью», СМИ, обладавшими в США значительным влиянием. С 1980 по 1982 гг. Министерство культуры оказало содействие американским компаниям “CBS Broadcasting Inc.” (CBS), “American Broadcasting Company” (ABC) в съемках 15 телесериалов [Там же: л. 111]. Судя по всему, один из таких проектов был посвящен повседневной жизни Русской православной церкви (РПЦ). С 6 по 25 июля 1982 г. в СССР находилась американская съемочная группа во главе с продюсером Э. Мармор, осуществлявшая съемки в разных городах — Москве, Киеве, Одессе, Загорске, Ленинграде. По итогам ее деятельности была дана вполне адекватная оценка: «Э. Мармор — квалифицированный продюсер. Она стремилась снять как можно больше интересного и необычного материала. Трудно утверждать, что ее стремление снять вышеуказанные нерекомендуемые

объекты (нищих, калек, случайно потерявшую сознание прихожанку. — К. Ю.) было вызвано стремлением *спровоцировать* (так в источнике, очевидно, подходящее по смыслу слово — дискредитировать. — К. Ю.) жизнь советского народа и использовать этот материал в программе. К концу работы над программой была очень благожелательно настроена к советским людям» [РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 13. Д. 4157. Л. 28].

В то же время, безусловно, и советской, и американской стороне приходилось в это время ориентироваться на официальную регламентацию взаимоотношений на локально-институциональном и международном уровне, реагировать как на сохранявшиеся бреши в ней, так и на конструктивные изменения. В справке о культурных обменах между СССР и США за 1985 г. констатировалось: «Советско-американские обмены в области культуры в условиях отсутствия межправительственного соглашения продолжали носить в 1985 году ограниченный характер. Несмотря на возросший интерес со стороны американской общественности к развитию связей, в отчетный период, например, практически отсутствовали обмены в области художественных выставок и исполнительского искусства, в других областях культуры обмены осуществлялись крайне нерегулярно» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 1667. Л. 48]. При этом в советских документах американская сторона всегда выглядела «более виноватой», хотя условия взаимодействия были общие. Так, в той же справке Госдепартамент США рассматривался как институциональный агрессор, который сорвал «под предлогом отсутствия культурного соглашения» проведение передвижной выставки достижений советской космической науки, инициатором которой выступал Чикагский музей науки и промышленности [Там же]. Но параллельно и Министерство культуры сообщало, что вынуждено было отказывать многим американским деятелям в сотрудничестве по тем же причинам или формально-количественным лимитам. Подобная практика присутствовала и ранее, и отмечена в историографии. В 1975—1976 гг. по согласованию Министерства культуры и Министерства высшего и среднего специального образования (Минвуза СССР) для профессиональной стажировки были отобраны только два кандидата из всего списка рекомендованных посольством США лиц — С. Голуб, направленный в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, и Ч. Нейдин, распределенный в Московскую государственную консерваторию [Белашапка 2023: 634—635].

Так или иначе, но ситуация кардинально меняется в связи с начавшейся в СССР перестройкой, приведшей к интенсификации механизмов культурной дипломатии, особенно — после советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве 19—21 ноября 1985 г. Одним из значительных событий этого периода стало празднование 30-летия Соглашения Лэйси-Зарубина (27 января 1958 — 27 января 1988 г.), являвшегося, как известно, ведущим международным документом, создавшим нормативно-правовую основу для долгосрочного сотрудничества в сфере культуры и реализации обменных программ. В юбилейных торжествах с американской стороны принимали участие: экс-президенты США Р. Никсон, Д. Форд, Дж. Картер, госсекретарь США Дж. Шульц и его заместитель Т. Саймонс, сотрудник аппарата Комитета по иностранным делам Конгресса США П. Гэлбрейт, директор ЮСИА Ч. Уик, руководство и представители учреждений культуры, СМИ — искусствовед Р. Бенсон, президент Института международных отношений им. Д. Эйзенхауэра С. Эйзенхауэр, президент Американского комитета по американо-советским отношениям У. Миллер, исполнительный директор телекомпании «Интерньюз» К. Спенсер

и многие другие. Советскую делегацию в США представляли: министр культуры СССР В.Г. Захаров, директор Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина И.А. Антонова, начальник Отдела Управления внешних сношений Министерства культуры СССР В.И. Литвинов, заместитель Министра просвещения СССР М.И. Журавлева, заместитель директора Института США и Канады АН СССР С.М. Плеханов, народный артист РСФСР Н.Н. Губенко, композитор Д.Ф. Тухманов [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 2889. Л. 11, 31, 49].

В своих мемуарах министр культуры СССР В.Г. Захаров, опираясь на документацию вверенного ему ведомства, отмечал, что 1986—1987 гг. стали ключевыми в нормализации советско-американских отношений, а юбилейная дата стала и символом, и реальным инструментом новой разрядки. «Наша делегация, — писал он, — была очень тепло встречена в Соединенных Штатах. Госсекретарь США Дж. Шульц принял меня как главу делегации. Между нами состоялась довольно продолжительная и теплая беседа по относящимся к визиту проблемам» [Захаров: 105].

Не менее важным оказался диалог с директором ЮСИА Ч. Уиком, в ходе которого был сделан шаг по осмыслению не тождественности и не сводимости культуры к внешнеполитической доктрине. В.Г. Захаров вспоминал: «В довольно резкой форме я привел ему свои замечания по поводу ряда внешнеполитических акций США. А затем заявил: “Господин Уик, мы и дальше будем работать вместо наших внешнеполитических ведомств или займемся делами по развитию наших отношений в области культуры?” Он засмеялся и сказал: **“Давайте заниматься культурой”**. После этой встречи у нас сложились неплохие деловые отношения. <...> У меня уже тогда сложились четкие представления о дипломатии американцев: они переговоры ведут жестко, наступательно, как правило, прямолинейно. Таков стиль их переговоров. Я тоже старался с ними вести беседы достаточно открыто и напористо, это их отрезвляло» [Там же: 109]. Через несколько месяцев после встречи, 31 мая 1988 г., директор ЮСИА Ч. Уик писал министру культуры СССР В.Г. Захарову: «В течение прошедших 6 месяцев мы увеличили объем и уровень наших культурных обменов. Фестиваль советской музыки в Бостоне имел огромный успех; организаторы ответного фестиваля американской музыки уже приступили к тщательной работе по планированию своего визита в Москву в 1989 году. Я с удовольствием узнал, что гастроли Танцевального театра Гарлема прошли с успехом и хочу поблагодарить Вас и Ваших сотрудников за обеспечение их проведения» [РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 2897. Л. 27].

Начавшееся сотрудничество было закреплено с помощью других совместных мероприятий и проектов, завершение некоторых хронологически планировалось достаточно оптимистично — с расчетом уже на 1990-е гг. Среди них стоит упомянуть в первую очередь советско-американскую встречу по информационным обменам, организованную 26—28 сентября 1988 года в Москве, в которой из США принимали участие известные кинопромышленники и сотрудники культурных учреждений, в частности, председатель Американской ассоциации кинокомпаний Д. Валенти, президент компании “Columbia Pictures” С. Доун, президент United Press International П. Штайнле, член правления «Американо-советская киноинициатива» М. Своуп, хранитель библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтон, председатель правления и исполнительный директор компании “20th Century Fox” Б. Диллер, члены комиссии по международному радиовещанию Г. Роджерс, А. Розенталь, Дж. Т. Сарджент и др. Советскую сторону представляли: начальник Управления внешних сношений

Министерства культуры СССР И.И. Бадюл, его заместитель Г.П. Петров, начальник Отдела стран Западной Европы, Америки и международных организаций В.И. Литвинов, заместитель начальника Управления театров В.С. Черняев, директор Государственного концертного объединения (Госконцерт СССР) В.В. Панченко, генеральный директор Всесоюзного художественно-производственного объединения им. Е.В. Вучетича П.В. Хорошилов, директор Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина И.А. Антонова.

На встрече в рамках работы дискуссионной секции по вопросам обменов в сфере культуры и искусства обсуждалась очень важная и знаковая тема: «Роль деятелей культуры в создании атмосферы доверия между народами», что маркировалось как «совместные усилия в искоренении из сознания советских и американских граждан “образа врага”» [Там же: д. 2895, л. 10, 27]. В декабре 1989 г. Министерство культуры СССР и Смитсоновский институт США (Smithsonian Institution) подписали договор, уже в полной мере отражавший «дух перестройки», о реализации совместного советско-американского проекта «Традиционные культуры СССР и США», рассчитанного на 1990—1995 гг. Подчеркивалось, что проект был «призван стать важным шагом в направлении более глубокого понимания культурного наследия, связывающего народы обеих стран, и выступать моделью межнационального сотрудничества в области научной и просветительской деятельности» [Там же: д. 2880, л. 62, 64].

Заключение

Период 1970-х — 1980-х гг. стал одним из сложных и неоднозначных в истории советско-американских отношений в целом и культурного диалога как их составляющей в частности. На эти годы пришлись масштабные и основательно изученные в историографии геополитические трансформации, связанные с переходом от разрядки к обострению «холодной войны», сменившегося очередным благоприятным циклом — отступлением «заморозков» в связи с начавшейся в СССР перестройкой. Поэтому изучение институциональных каналов коммуникации, в данном случае на примере деятельности Министерства культуры СССР и его разнообразной документации, позволило значительно расширить представления и детализировать морфологию происходивших в то время имагологических «дрейфов», модификаций образов — «своего / чужого», «другого / врага», показать, что они далеко не всегда были монологичными, гомогенными и жестко детерминированными.

Инкорпорация Министерства культуры СССР в систему государственной власти, с одной стороны, емко отражала официальный политико-идеологический дискурс и риторику, регламентированную соответствующей нормативно-правовой базой внутреннего или международного характера. С другой стороны, формировавшиеся в течение длительного времени личные контакты, переписка между деятелями культуры, занимавшими различные должности, создавало основу для органичной и объективной конвергенции культур, возникавшей как на волне прагматичного (в том числе меркантильного) интереса в сотрудничестве, так и искренней доброжелательности, тяготения к коммуникации и взаимному обогащению опытом. Все это, независимо от фазы «холодного» противостояния, прочности государственного строя, который оставался прежним, как в США, или терял устойчивость (СССР), становилось своеобразным универсальным механизмом амортизации «конфликтного этоса» [Смирнов: 76] и эволюции «мягких сил», позволявшим осуществлять прогнозирование их дальнейшего применения.

Список источников

- Беглов М. Олимпиада в ретроспективе // Крокодил. 1984. № 32. С. 8—9.
- Захаров В.Г. От Смольного до Правительства СССР: записки министра культуры СССР. М.: Издательство РАГС, 2010. 353 с.
- Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917—1991 / сост. Л.В. Максименков. М.: МФД, 2013. 864 с.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
- Секистов В.А., Коротков Г.И. Устами американцев. М.: Воениздат, 1978. 184 с.
- Советский Союз глазами американцев. 1917—1977. Документы и материалы. М.: Мысль, 1979. 348 с.

Список литературы / References

- Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. 317 с.
(Beloshapka N.V. State and Culture in the USSR: from Khrushchev to Gorbachev, Izhevsk, 2012, 317 p. — In Russ.)
- Белошапка Н.В. Позднесоветские практики подготовки иностранных специалистов и образовательных обменов в области профессионального искусства // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33, № 3. С. 627—640.
(Beloshapka N.V. Late Soviet practices of training foreign specialists and educational exchanges in the field of professional art, *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 2023, vol. 33, iss. 3, pp. 627—640. — In Russ.)
- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
(“Enemy Number One” in the Symbolic Politics of the USSR and USA Cinematography during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)
- Гершзон М.М. О деятельности Н.П. Охлопкова на посту заместителя министра культуры СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 20. С. 51—62.
(Gershzon M.M. On the activities of N.P. Okhlopko as Deputy Minister of Culture of the USSR, *News of Irkutsk State University. Series: History*, 2017, vol. 20, pp. 51—62. — In Russ.)
- Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953—1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024. 224 с.
(Gershzon M. Thaw. USSR Ministry of Culture in 1953—1963, Moscow, 2024. — In Russ.)
- Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 1. С. 20—45.
(Zhuravleva V.I. Russia and the USA as significant Others in national discourses of identity, *International Analytics*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 20—45. — In Russ.)
- Комиссаров В.В. Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг. Иваново, 2024. 216 с.
(Komissarov V.V. Domestic intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985, Ivanovo, 2024, 216 p. — In Russ.)
- Рабуш Т.В. Санкции против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 45—53.
(Rabush T.V. Sanctions against the USSR, their results and consequences (on the example of anti-Soviet sanctions of 1980), *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2016, iss. 6, pp. 45—53. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Конфликтный этос культуры: семиотический дискурс // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3 (53). С. 73—79.

- (Smirnov D.G. Conflict ethos of culture: semiotic discourse, *Scientific search: personality, education, culture*, 2024, iss. 3 (53), pp. 73—79. — In Russ.)
- Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945—1989: коллективная монография / науч. ред. авт. коллектива О.С. Нагорная. М.: ПЭН, 2018. 445 с.
(Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War. 1945—1989: collective monograph, scientific ed. of the collective author by O.S. Nagornaya, Moscow, 2018, 445 p. — In Russ.)
- Трегубов Н.А. Трансформация советских культурных связей с США в условиях «холодной войны» // Евразийский журнал региональных политических исследований. 2017. № 1. С. 54—65.
(Tregubov N.A. Transformation of Soviet cultural ties with the USA in the context of the “cold war”, *Eurasian Journal of Regional Political Studies*, 2017, no. 1, pp. 54—65. — In Russ.)
- Унаева Д.Н. Отечественная историография основных направлений деятельности министерства культуры СССР в 1953—1964 гг. // Астраханские петровские чтения. Материалы VIII Международной научной конференции. Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2024. С. 193—198.
(Unaeva D.N. Domestic historiography of the main areas of activity of the USSR Ministry of Culture in 1953—1964, *Astrakhan Peter the Great Readings. Proceedings of the VIII International Scientific Conference*, Astrakhan, 2024, pp. 193—198. — In Russ.)
- Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: РУДН, 2012. 408 с.
(Filimonov G.Yu. Cultural and information mechanisms of US foreign policy. Origins and new reality, Moscow, 2012, 408 p. — In Russ.)
- Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США. Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 105—115.
(Tsaturyan S.A. US Public Diplomacy in the New Information Century, *USA. Canada: economy, politics, culture*, 2010, iss. 8, pp. 105—115. — In Russ.)
- Шилов Д.Н. П.Н. Демичев — министр культуры эпохи «застоя» (биографический очерк) // Вестник культуры и искусств. 2021. № 4. С. 55—69.
(Shilov D.N. P.N. Demichev — Minister of Culture of the “Stagnation” Era (biographical essay), *Bulletin of Culture and Arts*, 2021, iss. 4, pp. 55—69. — In Russ.)
- Юдин К.А. «Имагологическая перестройка»: специфика культурной политики СССР второй половины 1980 — начала 1990-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 2. С. 38—50.
(Yudin K.A. “Imagological Perestroika”: Specifics of the Cultural Policy of the USSR in the Second Half of the 1980’s — Early 1990’s, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*, 2024, iss. 2, pp. 38—50. — In Russ.)
- Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 194—204.
(Yudina A.V. Sport as an instrument of political confrontation: on the issue of state policy in the sphere of physical culture and sport, *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2017, vol. 12, iss. 6, pp. 194—204. — In Russ.)

**“THE SOVIETS SHOULD NOT UNDERESTIMATE
OUR RESOLVE”, OR “LET’S ENGAGE IN CULTURE”:
THE SPECIFICS OF THE SOVIET-AMERICAN
“COLD” DIALOGUE IN THE LATE 1970’S — 1980**

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation;
The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of Soviet-American relations. The main sources were documents of the Ministry of Culture of the USSR, mainly introduced into scientific circulation for the first time, as well as memoirs, journalism and other materials. It is shown that the Ministry of Culture was the leading institutional channel with a wide range of both officially nominal interdepartmental contacts inherited during the reorganization carried out during its creation, and newfound communication lines complicated by private-corporate interfaces. It was revealed that such a status allowed the Ministry to act as a kind of barometer—an indicator of the dynamics of the Soviet-American dialogue at various stages of the Cold War. It is concluded that the “cold” dialogue in the field of culture during this period was of a complex, polyvalent nature. The official negative ideological rhetoric from the USSR and the United States, especially intensified during the years of escalation of tension, underwent parallel depreciation in the form of continued cooperation motivated by mutual interest in its concrete results and enrichment of experience. This prepared an “imagological turn”, the neutralization of political discourse and the convergence of cultures directly in the period under study, and also created the basis for a new understanding of these trends in order to diagnose and overcome conflict situations of our time.

Keywords: Soviet-American relations, Ministry of Culture of the USSR, cultural policy, ideological discourse, “cold war”

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

For citation: Yudin K.A. “The Soviets should not underestimate our resolve”, or “let’s engage in culture”: the specifics of the Soviet-American “cold” dialogue in the late 1970’s — 1980’s, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 135—145.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 27.02.2025

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru, SPIN: 3820-1170

Yudin Kirill Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation; Grant executor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 146—154.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 146—154.

Научная статья

УДК 94(470.65)“1992”:070

EDN <https://elibrary.ru/pmkwck>

DOI: 10.46726/H.2025.2.15

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Денис Васильевич Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет,

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,

г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере крупнейших столичных периодических изданий начала 1990-х гг. анализируются оценки, которые были даны Северной Осетии в российской центральной прессе тех лет. В качестве источника использованы материалы средств массовой информации различных политических взглядов. Предметом интереса столичных журналистов в те годы стали следующие аспекты: политический режим, существовавший в республике, её сложные взаимоотношения с ближайшими соседями и непростая криминогенная обстановка. Упоминалось в печати и участие российских военных в нормализации ситуации в регионе. Важное место среди публикаций ведущих федеральных масс-медиа также занимали репортажи, посвящённые трагическому осетино-ингушскому конфликту осени 1992 года. В данном противостоянии российская пресса в большей степени симпатизировала осетинской стороне как силе, защищавшей стабильность и правопорядок на Северном Кавказе. Даже незаконные задержания некоторых журналистов или захват в заложники ингушских семей не изменили данного мнения. Сделан вывод о том, что на фоне своих тревожных соседей (Чечня, Ингушетия) или других республик региона Северная Осетия выглядела стабильным образованием, а политический консерватизм её лидеров уступал лояльности федеральному Центру.

Ключевые слова: Северная Осетия, Россия, пресса, силовые структуры, осетино-ингушский конфликт, Пригородный район

Для цитирования: Тумаков Д.В. Северная Осетия в оценках российской прессы начала 1990-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 146—154.

В начале 1990-х гг. Северный Кавказ стал настоящей «горячей точкой» постсоветской России. После драматических событий лета—осени 1991 года из политико-правового поля страны фактически вышла Чечня, где у власти оказался сепаратистский режим генерала Д.М. Дудаева [Тумаков 2017: 18—34], призывавший все республики региона выйти из состава России [Война и ислам: 47]. В Ингушетии в течение первого года её существования фактически отсутствовали легитимные органы управления [Тумаков 2022: 443—446], а в некоторых районах Дагестана властям приходилось вводить режим чрезвычайного положения из-за роста криминала [Тумаков 2021: 20—25]. На этом фоне явную лояльность Москве сохраняла Северо-Осетинская советская социалистическая республика (СОССР), но отношения осетинского народа и федерального Центра в начале 1990-х гг. в целом тоже складывались неоднозначно.

В федеральных СМИ начала 1990-х гг. СССР характеризовалась как «заповедник консерватизма», где крах КПСС и Советского Союза в целом воспринимался не как установление демократии или начало национального возрождения, а как крушение привычной стабильности и безопасности [Огоев]. Летом 1992 года журналист В. Огоев называл осетин «одним из самых советизированных народов на Северном Кавказе», объясняя данное обстоятельство малочисленностью местной интеллигенции, аморфностью национальной идеологии и отсутствием сильных религиозных чувств до 1917 года, а также уничтожением или эмиграцией прежних элит и активной национальной политикой Советской власти в последующие десятилетия [Там же]. Если в соседней Чечено-Ингушетии сопротивление правящему режиму в 1920—1940-е гг. возглавляло исламское духовенство, то в Осетии в это время социальные слои, оппозиционные новой власти, отсутствовали [Там же]. Говоря о ситуации начала 1990-х гг., Огоев сделал прогноз о дальнейшем усилении изоляционистских настроений в СССР, поскольку она находилась во враждебных отношениях с соседними Грузией, Ингушетией и непризнанной Чеченской Республикой [Там же].

Точку зрения журналиста «Независимой газеты» разделяли его коллеги из правительственного издания «Российские вести», осенью 1992 года охарактеризовавшие Северную Осетию как «одну из наиболее консервативных бывших автономий России» [Касаев], где практически отсутствовала демократическая оппозиция. По утверждению корреспондента А. Касаева, любые резонансные общественно-политические мероприятия в республике были инициированы исключительно действующей властью, а численность организаций либерального или реформаторского толка не превышала нескольких сотен человек [Касаев]. О советской ностальгии осетин свидетельствовало сохранявшееся до конца 1993 года наименование их республики. Позднее аналогичное мнение о настроениях осетинского народа применительно к последним годам существования Советского Союза и первому постсоветскому десятилетию высказывали современные отечественные исследователи А.А. Цуциев [Цуциев: 98] и В.А. Шнирельман [Шнирельман: 168].

Во многом в силу этих обстоятельств Северная Осетия в тот период вызвала симпатию у российских национал-патриотических сил, находившихся в оппозиции официальным властям страны. Так, в статье специального корреспондента еженедельной газеты «Литературная Россия» писателя В.Н. Ерёменко содержалась позитивная характеристика председателя Совета министров СССР С.В. Хетагурова, чья карьера была во многом типичной для партийного работника позднесоветской эпохи. В период правления Л.И. Брежнева Хетагуров проделал путь от обычного слесаря до директора предприятия, а затем достиг немалых высот и в республиканской партийной иерархии [Ерёменко]. В интервью «Литературной России» он прямо заявил, что Северная Осетия является неотъемлемой частью страны, но упрекал федеральный Центр за нерешительность и медлительность, которые в скором будущем могут привести к новой региональной войне [Ерёменко].

В центральной периодической печати Северная Осетия иногда представляла в роли жертвы агрессии, что было связано с её непростыми взаимоотношениями с ближайшими соседями. Поздней осенью 1991 года государственное информационное агентство ТАСС без подробностей упоминало о беспокойной или напряжённой обстановке на административной границе Северной Осетии и ещё формально единой Чечено-Ингушетии [В Южной

Осетии...; К положению...]. После распада СССР обстановка в регионе усложнилась. Например, в ночь на 10 мая 1992 года неизвестные люди обстреляли из автоматов пост ГАИ у селения Чермен Пригородного района, причём под перекрёстный огонь попала служебная автомашина министра внутренних дел Северной Осетии генерал-майора Г.М. Кантемирова. Чиновник, провожавший до границы друзей-ингушей, и сопровождавшие его милиционеры открыли ответный огонь, а также вызвали по рации на помощь наряд ОМОНа. В ходе перестрелки сам министр не пострадал, но шесть пулевых ранений получил его водитель, а сами нападавшие успели скрыться [На границе...; Еременко]. В том же году в экстремальных условиях проходили весенние полевые работы в Пригородном районе: осетинские колхозники боялись выходить в поле, несмотря на принимавшиеся милицией меры, так как их «тревожили экстремисты из соседней Ингушетии» [Алешкин 1992а]. Так, в колхозе «Чермен» на картофельном поле появились некие вооружённые люди, потребовавшие прекратить работу, а на полевом стане колхоза имени К. Хетагурова неизвестные налётчики избили и тяжело ранили сторожа, после чего угнали сельскохозяйственную технику [Там же].

Отметим, что буквально за несколько дней до начала широкомасштабных боёв в Пригородном районе, в ночь на 27 октября, в поселке Дачный неизвестными была обстреляна машина председателя Ардонского районного суда, был ранен один из пассажиров. Более того, как сообщало информационное агентство РИА-Новости, прибывший на место происшествия на бронетехнике местный ОМОН также подвергся обстрелу [Инцидент]. В последнем случае о погибших или пострадавших центральная пресса не сообщала. Весьма резонансным событием стала и трагическая гибель ингушской девочки под колёсами бронетранспортёра осетинского ОМОНа, патрулировавшего в ночное время суток одно из селений Пригородного района. Мгновенно собравшаяся толпа из нескольких сотен ингушей пыталась учинить самосуд над омовцами, но те вызвали по рации подкрепление. В произошедшей перестрелке между толпой и стражами порядка, как сообщала пресса, жертв не было [Трагедия]. Упомянутые случаи продемонстрировали как большое количество оружия на руках осетин и ингушей, так и их взаимную ненависть и непримиримое отношение друг к другу. Как утверждал в беседе с В.Н. Еременко один из осетинских жителей Пригородного района, в случае передачи спорных земель Ингушетии он станет «стрелять до последнего» [Еременко].

В то же время накануне эскалации осетино-ингушского конфликта в газетных репортажах из Северной Осетии речь, в отличие от соседних Чечни или Ингушетии, шла не о росте уличного криминала или политическом безвластии, а скорее о типичных фактах из повседневной жизни. По утверждению корреспондента столичной газеты «Гудок», осенью 1992 года Владикавказ в целом жил обычной жизнью российского города: поезда ходили по расписанию, строились новые жилые кварталы, развивался общественный транспорт, вполне нормально функционировало автобусное сообщение с соседними регионами, а поток личного автотранспорта на городских улицах даже показался ему неиссякаемым [Бутурлинов]. Примерно в это же время вышеупомянутый В.Н. Еременко писал, что в аэропорту Беслан он стал свидетелем выгрузки новых импортных автомобилей, которые при этом не оставались без покупателей [Еременко]. Лаконичные заметки, вышедшие летом того же года в издании «Сельская жизнь», сообщали и о достижениях сельского хозяйства республики [Лорсанукаев; Убирают...].

В 1992 году одной из центральных тем для публикаций масс-медиа стало значительное падение жизненного уровня большинства населения России в результате сильного экономического кризиса. В вышеупомянутой публикации «Гудка» был упомянут и ряд подобных моментов из жизни Северной Осетии. Заккрытие ряда промышленных предприятий, рост безработицы, нелегальная торговля бензином по спекулятивным ценам, в том числе с Грузией, нехватка хлеба и длинные очереди за ним, крайне скудный ассортимент продуктов в государственных магазинах. В частности, в периферийных районах республики корреспондент заметил на полках магазинов только пакеты с вермишелью, в то время как сахар, сливочное масло, манную и гречневую крупу можно было приобрести лишь на базарах — «единственном источнике продовольственного снабжения». Там у селян или перекупщиков любой желающий мог приобрести мёд, многочисленные овощи и фрукты, а также малодоступную для большинства жителей каспийскую осетрину из Дагестана. О скромном уровне жизни большинства жителей республики свидетельствовал и тот факт, что они предпочитали овощной рацион питания, а мясо, масло или колбасу чаще приобретали для детей [Бутурлинов]. На этом фоне эффект разорвавшейся бомбы едва не вызывало разоблачительное выступление народного депутата России генерал-майора юстиции Т.Д. Батагова на сессии местного парламента, в котором он обвинил ряд организаций и руководство республики в незаконном обогащении в результате вывоза из Северной Осетии цветных металлов на сумму в десятки миллионов долларов. Широкий резонанс его речи подчёркивал сам факт упоминания о ней в правительственном издании «Российские вести» [Касаев].

Единственным напоминанием о беспокойной обстановке на Северном Кавказе для московских журналистов стали патрули из вооружённых милиционеров на улицах города и усиленные бронетехникой контрольно-пропускные пункты на окраине. Антикриминальные действия российских военнослужащих на территории Северной Осетии ещё до начала активных боевых действий в Пригородном районе тоже были предметом интереса центральных СМИ. В частности, на страницах «Известий» командир бригады Внутренних войск (ВВ) МВД РФ полковник В. Васильев утверждал, что его подчинённые занимаются проверкой автотранспорта в Моздокском районе республики, пресекают ввоз и вывоз оружия с её территории, а также провоз огромных денежных сумм. Уже тогда обстановка в Осетии была непростой и сильно напоминала боевую. Так, на знаменитой ещё с XIX века Военно-Грузинской дороге посты российских войск располагались через каждые 15—20 км. Они состояли из бетонных блоков и были усилены бронетехникой — в глубоких окопах близ контрольно-пропускных пунктов располагались бронетранспортеры. Солдаты ежедневно несли службу в бронежилетах и касках, находились за бруствером из мешков с песком или в отрытых окопах полного профиля и грелись в вагончиках-бытовках. При этом они постоянно держали наготове личное стрелковое оружие, а также пулемёты и гранатомёты [Военные...; Еременко]. Упомянутые меры предосторожности с их стороны не были лишними, так как пост ВВ у небольшого селения Чми на стыке границ Северной, Южной Осетии и Ингушетии часто обстреливался со стороны ингушской горы Столовая [Еременко]. Аналогичную картину увидели другие столичные журналисты на заставе Нижний Ларс в Дарьяльском ущелье на государственной границе с Грузией, где посты ГАИ и заставы ВВ МВД РФ в ночное время суток нередко обстреливались контрабандистами из Чечни, Ингушетии или Грузии, незаконно

вывозившими бензин и продовольствие из Осетии [Еременко; Овсиенко]. Примечательно, что о стычках силовиков с самими осетинами пресса не упоминала.

Действия стражей порядка давали определённый результат. Анонимный автор «Известий» утверждал, что за три месяца российские военные только при проверке автотранспорта в Моздокском районе изъяли 43 единицы оружия, 2500 единиц боеприпасов к нему и 9 боевых гранат, а также 37 млн рублей наличных денег и безлицензионные товары на сумму 12,7 млн рублей. Кроме того, усилиями военнослужащих был задержан 91 преступник, находившийся во всероссийском розыске, что позволило добиться сокращения показателей преступности в Моздокском районе на 60 %. Эти успехи стоили федеральным силам жертв: за тот же период ВВ МВД РФ потеряли 1 бойца убитым и 2 ранеными [Военные...]. В общей сложности подразделения ВВ МВД РФ лишь за месяц изъяли на территории Северной Осетии свыше 50 автоматов, 53 пистолета, 5000 единиц боеприпасов к стрелковому оружию и 67 боевых гранат [Овсиенко]. Тем не менее, как показали последующие события, все перечисленные успехи федеральных силовых структур не привели к реальному разоружению местного населения и коренному изменению обстановки.

Во время эскалации осетино-ингушского конфликта (31 октября — 4 ноября 1992 года) Москва фактически поддержала Северную Осетию: части ВВ МВД и ВДВ оказали народному ополчению и МВД республики помощь в отражении нападения ингушей [Тумаков 2022: 449—451]. Каких бы то ни было негативных упоминаний о взаимодействии осетинских боевых групп или населения республики с федеральным Центром в крупнейших российских масс-медиа того времени нами обнаружено не было. В определённой степени исключением являлась большая статья военного журналиста подполковника Ю.О. Кислого в журнале ВВ МВД РФ «На боевом посту», упоминавшая о гибели двух курсантов Владикавказского высшего военного командного училища МВД от рук осетинской толпы в селе Комгарон и захвате ею учебного центра в том же населённом пункте [Кислый: 7]. Однако данная журнальная публикация была датирована уже началом 1993 года, когда в политике официальной Москвы в регионе произошли некоторые изменения.

Очень примечательно, что в некоторых материалах ведущих столичных СМИ осетинская сторона не подвергалась резкой критике даже в том случае, когда она откровенно нарушала федеральное законодательство. Например, 2 ноября 1992 года собственный корреспондент «Российской газеты» по Северному Кавказу А.М. Алешкин был захвачен в заложники вооружёнными осетинскими ополченцами по обвинению в укрывательстве ингушей, оружия и боеприпасов. По словам пожилого журналиста, он «за всю свою жизнь не испытывал большего унижения и незащитности перед лицом грубой силы» [Алешкин 1992b], так как в его квартире во Владикавказе был произведён тщательный обыск без предъявления соответствующего ордера, а «командир группы захвата» даже угрожал Алешкину расстрелом. Большая разница в возрасте и удостоверение работника солидного московского издания не повлияли на настроения бойцов. В итоге корреспондент был похищен и на автомобиле доставлен в районный, а затем уже в республиканский штаб народного ополчения Северной Осетии, после чего известный полевой командир Б.Х. Дзуцев (1940—2006 гг.) выпустил А.М. Алешкина на свободу. Любопытно, что ополченцы так и не признали своей вины в данном инциденте. Напротив, Дзуцев сказал журналисту, что «прощает на первый раз» и призвал того «вести себя как следует» [Там же].

Оказавшись на свободе, А.М. Алешкин опубликовал на страницах «Российской газеты» довольно большую статью, в которой он сообщил подробности своих злоключений, раскритиковав осетинских ополченцев за бесцеремонность обыска в его квартире, но также признав справедливость некоторых обвинений в свой адрес с их стороны. В частности, журналист действительно укрыл в собственной квартире соседнюю ингушскую семью Котиевых, глава которой ранее относился к партийной номенклатуре, а в 1992 году работал в Институте горного и предгорного сельского хозяйства. Вместе с ним осетинами были похищены его жена и малолетний сын. Ингуши сами попросили Алёшкина о помощи, так как во время межэтнического конфликта во Владикавказе начался их массовый захват в заложники. Однако корреспондент парламентского издания назвал народных ополченцев «этими в общем-то симпатичными осетинскими парнями» и признал их действия по захвату ингушей в заложники ответными. Данные одного из членов «группы захвата» о четвертовании осетинского участкового милиционера и убийстве всех его детей ингушскими боевиками или об истреблении ими же воспитанников детсада, а также об угрозах ингушей предать той же участи весь осетинский народ сообщались Алешкиным как истина, а не фронтовые слухи [Там же].

Более-менее решительному осуждению с его стороны подверглись лишь радикальные призывы ополченцев к полному уничтожению ингушей [Там же]. Позиция собственного корреспондента «Российской газеты» заключалась в том, что «не может быть никакой пощады бандитам, зверски, садистски убивающим женщин, детей, стариков», то есть ингушским комбатантам, однако он призывал осетин не ожесточаться и не совершать военных преступлений в отношении всего соседнего народа, обманутого собственными радикалами, а подумать о будущей совместной жизни. В то же время А.М. Алешкин хвалил осетинский народ за верность и помощь России в прошлых войнах («осетин — ты мне брат»), признавая военную поддержку со стороны федеральных сил Северной Осетии в её борьбе с «ингушскими экстремистами» [Там же]. В статье содержалось и пафосное утверждение корреспондента о том, что «война, которая в эти дни полыхает на осетинской земле, — это и моя война» [Там же]. Тем самым корреспондент официального периодического издания явно обозначал свои симпатии к одной из сторон первого межнационального конфликта на территории постсоветской России. Действия осетин как обороняющейся стороны воспринимались им если не как справедливые, то, по крайней мере, как ответ на агрессию со стороны тревожных соседей.

В целом такой же вывод читатели могли сделать и после знакомства со статьёй Н. Бастрыкина, вышедшей в конце 1992 года в столичной газете «Гудок». Автор призывал обе противоборствующие стороны осетино-ингушского конфликта к мирным переговорам, так как считал, что «в национальных конфликтах, как и в гражданских войнах, победителей не бывает, тут страдают все» [Бастрыкин]. Однако в то же время в роли основных виновников начала боёв в Пригородном районе выступали всё же ингуши, которые захватывали в заложники мирных граждан Северной Осетии других национальностей. Так, оказавшийся в плену дежурный по железнодорожной станции Владикавказ Ю. Калманов вспоминал, что на 150 человек захватчики выделили всего лишь бидон воды и пять буханок чёрствого хлеба [Там же]. В те дни железнодорожники республики фактически оказались на линии фронта. Начальник станции Владикавказ А. Калухов создал отряд добровольцев из своих подчинённых, вооружил их охотничьими ружьями, пистолетами или

малокалиберными винтовками и направил на охрану объектов на железной дороге. В результате им удалось обеспечить работу станций в Назрани и Владикавказе, хотя последняя неоднократно попадала под огонь снайперов из села Чермен и, по словам журналиста, напоминала «вторую линию фронта» [Там же]. Иногда осетинские железнодорожники чудом избегали гибели, но при помощи бойцов ОМОНа или военизированной охраны отражали нападения боевиков. Например, во время одной из серьёзных стычек ими были уничтожены снайпер и два его помощника, находившиеся в кабине башенного крана близ путей [Там же].

При этом само по себе описание мирных районов Северной Осетии и столицы республики Владикавказа, как писал тот же корреспондент «Гудка», было полно «сильных и острых ощущений» [Там же]. Так, на станции Эльхотово документы и в некоторых случаях вещи у пассажиров фирменного поезда «Осетия» проверял наряд спецназа, а на станции Беслан журналист наблюдал колонны российских танков и вооружённых железнодорожников на привокзальной площади [Там же]. Под охраной военных и бронетехники из Владикавказа в Назрань передвигался и железнодорожный состав. Тем самым читатели могли сделать вполне логичный вывод о том, что относительное спокойствие и межнациональный мир в небольшой северокавказской республике держатся исключительно при помощи федеральных войск.

Из более поздних публикаций центральной прессы следовало, что даже после введения осенью 1992 года режима ЧП в регионе и прекращения активных боевых действий осетинской стороне удалось сохранить мощные военизированные группировки. Народное ополчение республики было официально переименовано в Управление охраны объектов народного хозяйства (УООНХ) и все более приближалось к обычным силовым структурам. Спустя примерно полтора года после трагических событий в Пригородном районе численность его бойцов, согласно данным вышеупомянутого полевого командира Б.Х. Дзугцева и российской Временной администрации в зоне конфликта, колебалась от более чем 1000 до 3000 человек соответственно. На вооружении у них имелось большое количество военной техники, оружия и боеприпасов [Пятилетова].

Штаб данного формирования состоял из 12 бывших старших офицеров Советской Армии или МВД СССР, чей срок военной службы колебался в пределах от 25 до 27 лет. Летом 1994 года в интервью прокоммунистическому изданию «Советская Россия» Дзугцев высоко оценил боевые возможности своих подчинённых, прошедших не только через относительно краткие столкновения с ингушами, но и настоящие боевые действия с грузинскими войсками в Южной Осетии и Абхазии, а также двухнедельный курс тренировок по системе группы «Альфа». С его слов, бойцы УООНХ, «стреляя на шум, бьют только в “яблочко” из пистолета и автомата, могут в ночное время собрать и разобрать автомат, умеют обращаться с минами и пулемётом, точно бросать нож...» [Пятилетова]. Данные утверждения осетинского полевого командира были адресованы прежде всего ингушской стороне, чтобы предостеречь её от мыслей о новой силовой попытке решения земельного спора.

В условиях сложной социально-экономической и политической обстановки на Северном Кавказе в начале 1990-х гг. СОССР постоянно находилась в фокусе внимания федеральной прессы. Хотя руководители республики по своим политическим убеждениям были оппонентами курса Б.Н. Ельцина, это обстоятельство не помешало сторонам поддерживать взаимовыгодные отношения. На фоне беспокойных соседей Северная Осетия производила

относительно благоприятное впечатление. Накануне боевых действий в Пригородном районе правительственная газета «Российские вести» даже охарактеризовала её как «островок относительного спокойствия и мира» в регионе [Овсиенко]. Авторы других газетных репортажей также испытывали заметные симпатии к республике, подчёркивая достижения её народного хозяйства или воинскую храбрость осетин в прошлом и настоящем. Фактически Северная Осетия позиционировалась в СМИ как главный кавказский форпост России.

Список источников

- Алешкин А. Кинжалом землю не вспашешь // Российская газета. 1992. 29 мая.
 Алешкин А. Не стань жестоким, брат! // Российская газета. 1992. 4 ноября.
 Бастрыкин Н. В зоне чрезвычайного положения // Гудок. 1992. 9 декабря.
 Бутурлинов И. О чем шумит Терек // Гудок. 1992. 2 октября.
 В Южной Осетии без перемен // Сельская жизнь. 1991. 23 ноября.
 Военные посты МВД на кавказских дорогах // Известия. 1992. 13 октября.
 Еременко В. Преданный Кавказ // Литературная Россия. 1992. 16 октября.
 Инцидент в Северной Осетии // Известия. 1992. 28 октября.
 К положению в Северной Осетии и Южной Осетии // Сельская жизнь. 1991. 30 ноября.
 Касаев А. Триумф во Владикавказе. Обостряется борьба за власть в Северной Осетии // Российские вести. 1992. 23 октября.
 Кислый Ю. Огненная межа // На боевом посту. 1993. № 2. С. 7—12.
 Лорсанукаев С. Разгар сенокоса // Сельская жизнь. 1992. 3 июля.
 На границе Северной Осетии и Ингушетии опять неспокойно // Российская газета. 1992. 10 мая.
 Овсиенко С. Северный Кавказ: детонатор, который взорвется? // Российские вести. 1992. 27 октября.
 Огоев В. «Верность» осетин социализму как кризис национального самосознания. Конфликты с соседями ведут Осетию к региональному изоляционизму // Независимая газета. 1992. 8 июля.
 Пятилетова Л. Бимболат Дзуцев: «Я продал стенку и купил автомат» // Правда. 1994. 29 июня.
 Трагедия в Северной Осетии // Известия. 1992. 22 октября.
 Убирают ячмень // Сельская жизнь. 1992. 10 июля.

Список литературы / References

- Война и ислам на Северном Кавказе. XIX — XX вв. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 46 с.
 (War and Islam in the North Caucasus. XIX — XX centuries, Moscow, 2000, 46 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991—1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017. 740 с.
 (Tumakov D.V. The hotspot of New Russia: the Chechen crisis of 1991—1996 in the assessments of Russian society, Yaroslavl, 2017, 740 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Мятеж в горах: дагестанская кампания 1999 года в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс., 2021. 444 с.
 (Tumakov D.V. Mutiny in the Mountains: the Dagestan campaign of 1999 in the assessments of Russian society, Yaroslavl, 2021, 444 p. — In Russ.)
 Тумаков Д.В. Осетино-ингушский вооружённый конфликт 1992 года в освещении российской центральной печати // *Historia provinciae* — Журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 439—484.
 (Tumakov D.V. The Ossetian-Ingush armed conflict of 1992 in the coverage of the Russian central press, *Historia provinciae* — *Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2, pp. 439—484. — In Russ.)

Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992—...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. 200 с.

(Tsutsiev A.A. The Ossetian-Ingush conflict (1992—...): its prehistory and development factors. Historical and sociological essay, Moscow, 1998, 200 p. — In Russ.)

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

(Shnirelman V.A. Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century, Moscow, 2006, 696 p. — In Russ.)

NORTH OSSETIA IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN PRESS IN THE EARLY 1990`s

Denis V. Tumakov

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl,
Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

Abstract. Using the example of the largest metropolitan periodicals of the early 1990s, the article analyzes the assessments that were given to North Ossetia in the Russian central press of those years. The media materials of various political views are used as a source. The following aspects became the subject of interest of the capital's journalists in those years: the political regime that existed in the republic, its complex relations with its closest neighbors and the difficult criminal situation. The participation of the Russian military in normalizing the situation in the region was also mentioned in the press. An important place among the publications of the leading federal mass media was also occupied by reports on the tragic Ossetian-Ingush conflict in the autumn of 1992. In this confrontation, the Russian press was more sympathetic to the Ossetian side as a force defending stability and law and order in the North Caucasus. Even the illegal detention of some journalists or the hostage-taking of Ingush families will have not changed this opinion. It is concluded that, compared to its alarming neighbors (Chechnya, Ingushetia) or other republics of the region, North Ossetia looked like a stable entity, and the political conservatism of its leaders was inferior to loyalty to the federal Center.

Keywords: North Ossetia, Russia, the press, law enforcement agencies, Ossetian-Ingush conflict, Prigorodny district

For citation: Tumakov D.V. North Ossetia in the assessments of the Russian press in the early 1990`s, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*. 2025, iss. 2, pp. 146—154.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тумаков Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия; доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru, SPIN: 2145-9205

Tumakov Denis Vasylievich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 155—164.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 155—164.

Научная статья

УДК 130.31:004.7

EDN <https://elibrary.ru/qgkgtm>

DOI: 10.46726/H.2025.2.16

ТЕОРИЯ ИНДИВИДУАЦИИ ЖИЛЬБЕРА СИМОНДОНА И ЕЕ РОЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ЦИФРОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Владислав Олегович Саяпин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,

г. Тамбов, Россия, vlad2015@yandex.ru

Аннотация. В этой статье, благодаря знакомству с философией Жильбера Симондона, которому в 2024 году исполнилось 100 лет со дня рождения, утверждается, что в свете его теории индивидуации сегодня открываются новые перспективы на адекватное познание антропологических и техносоциальных последствий текущих цифровых преобразований в современном сетевом социуме. Теория индивидуации для цифрового мира — это концептуализация природных сущих, людей и технических сущих как цифровых сетей, и техносоциального мира как цифровой сети сетей. Сейчас мир воспринимается как обширное пространство взаимосвязанных цифровых сетей, кажущихся бесконечно разнообразными: биологическими, продуктивными, кибернетическими и — что важнее всего — социальными сетями. Образ цифровой сети с ее очевидным уклоном в сторону видения стал парадигматическим цифровым представлением о понимании нашего нынешнего технологического и сетевого социума как целостной сущности, которая в противном случае ускользнула бы от нашего когнитивного восприятия. В настоящее время можно признать, что философские изыскания Симондона являются богатым источником для разработки новых концепций, теорий и практик, позволяющих справиться с нашими современными условиями новой электронно-цифровой техносоциальной реальности.

Ключевые слова: социальный субъект, медиасреда, сетевой социум, цифровые социальные сети, сетевые сообщества, индивидуация, трансиндивидуальные отношения

Для цитирования: Саяпин В.О. Теория индивидуации Жильбера Симондона и её роль в осмыслении цифровых социальных сетей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 155—164.

Теория индивидуации французского философа Ж. Симондона (1924—1989) — это динамичный и метастабильный мировой процесс, в результате которого возникают разные индивиды: физические, биологические, технические, психические, коллективные и психосоциальные. В этой связи полная субъективация индивида (или психосоциальная фаза индивидуации) требует

не только индивидуальной (психической), но и коллективной (социальной) фазы индивидуации. Однако, строго говоря, мы не можем говорить об индивидуе, а только должны постигать индивидуацию индивида. Поэтому чтобы попытаться понять суть уже данного сущего, для того чтобы обнаружить его критерии, мы должны вернуться к его деятельности или к его генезису и «...рассматривать любые отношения как модальности сущего» [Свирский: 112]. Индивид — это не сущее, а действие и бытие, включающие в себя последовательно несколько фаз индивидуации, присутствующих вместе, и посредством которых он непрерывно проявляет себя и существует. Как отмечает Симондон, «...в сущем есть некая множественность, уже являющаяся не множественностью частей (множественность частей была бы ниже уровня единства сущего), но множественностью, которая даже выше такого единства...» [Симондон: 216]. Другими словами, индивидуальность здесь, в конечном итоге, является аспектом поколения, объясняется генезисом сущего и заключается в увековечении этого генезиса.

Итак, мировоззрение, которое выдвигает Симондон, — это динамические процессы, метастабильные равновесия и сети трансиндивидуальных отношений. Отсюда следует, что современные социальные субъекты и сетевые сообщества (веб-сайты) в цифровых социальных сетях (например, «ВКонтакте», «Одноклассники», «TikTok», «Telegram» и др.), не самоорганизуются, а возникают в результате непрерывного процесса самоиндивидуации. Отсюда следует, что жизнь социального субъекта — это бесконечная последовательность фаз индивидуаций (становлений). Другими словами, живое сущее становится социальным субъектом посредством последовательных фаз индивидуации. Такая фаза индивидуации социального субъекта имеет как внутреннюю (психическую), так и внешнюю (коллективную) сторону, что приводит к образованию трансиндивидуальной (психосоциальной) фазы индивидуации. То есть трансиндивидуальная фаза индивидуации — это взаимодействие внутренней и внешней сторон, которые разделены, но связаны постоянными отношениями. В этой связи трансиндивидуальные отношения социальных субъектов — это прежде всего отношения этих субъектов к самим себе, которые происходят через их собственные неиндивидуализирующие встречи с любым «Другим», включая технического объекта как другого. По мнению Деррида, трансиндивидуальные отношения — это еще и внешняя складка субъективации, которая отражает социального субъекта. Этот субъект не фиксирован, а он постоянно находится в режиме становления (много раз переписан и переосмыслен) и конституируется путем вписывания себя во внешность через отношение к себе [Derrida].

Вместе с тем психическая фаза индивидуации — это не только продолжение витальной фазы индивидуации, но и формирование «функционально-реляционного» единства социальных субъектов, с которым они «живут» и развиваются в сетевых сообществах в виде собственного «другого Я» [Combes: 30]. Вот почему эта индивидуальная фаза индивидуации состоит из индивидуаций восприятий и эмоций, где восприятие разрешает несовместимости собственного «другого Я» и сетевого сообщества, а эмоции управляют отношениями собственного «другого Я» и «другого Я — сетевое сообщество». Здесь психическая фаза индивидуации является продолжением витальной фазы индивидуации, которое, чтобы разрешить свою собственную проблему, должно само вмешаться в проблему своим действием. Кроме того, если мы признаем, что психическая фаза индивидуации является продолжением ряда фаз индивидуации,

которые продлевают первую фазу индивидуации живого сущего, то мы приходим к выводу: «Каждая мысль, каждое концептуальное открытие, каждый всплеск привязанности повторяет первую фазу индивидуации; мысль развивается по мере того, как повторение этой схемы первой фазы индивидуации, отдаленное возрождение которой, частичное, но верное» [Simondon 1989: 127].

Как мы знаем, первая фаза индивидуации для социального субъекта — это рождение отдельного живого сущего. Но что рождается в результате психической фазы индивидуации? Новый тип индивида, психический индивид? По-видимому, нет. Как считает Симондон, психика состоит из последовательных фаз индивидуаций, позволяющих сущему разрешать проблемные состояния, соответствующие постоянному установлению связи между тем, что больше его, и тем, что меньше его. Тем самым давая понять, что это скорее вопрос психических проблем, чем психического индивида. Существует только два вида индивидов: физические индивиды и живые индивиды. Вот почему, если мы хотим быть строгими, мы должны сказать, что, собственно говоря, это не психическая фаза индивидуации, а индивидуализация живого сущего, дающая начало «соматическому» и «психическому» [Там же: 134]. Психическая фаза индивидуации — это продолжение витальной фазы индивидуации. То, что мы в общих чертах называем психической фазой индивидуации, проявляется как операция в уже индивидуализированном сущем и всегда продолжается с первоначальной индивидуацией.

В результате все это может породить не нового индивида, а скорее новую область бытия. С самого начала, по сути, данное Симондоном определение индивида как реальности метастабильного отношения делает недействительным подход, основанный на заранее определенных областях; такие области зависят от модальности индивидуации и не существуют заранее. Области — это результат того, каким образом сохраняется или, наоборот, ухудшается метастабильность системы индивида и его окружения после индивидуализации. Кроме того, такая совместимость организма с окружающей средой может принимать форму удвоения жизненно важного психосоматического единства в соответствии с двумя жизненно важными функциями: соматическими и психическими функциями. Психическая фаза индивидуации тогда предстает как новая структура живого сущего, которая делится на две различные области: соматическую и психическую. Там, где ранее существовало однородное психосоматическое единство, после индивидуации возникает единство, состоящее из «функционального» и «относительного». Итак, мы подходим к точке, где можем ответить на поставленный выше вопрос: область бытия определяется не наполняющими ее субстанциями, а свойствами, порожденными индивидуализирующим удвоением, которые и дают ей название.

Можно отметить, что витальные проблемы не замкнуты сами на себя; их открытая аксиоматика может быть насыщена только неопределенной серией последовательных фаз индивидуаций, которые все больше не только вовлекают доиндивидуальную реальность, но и включают ее в трансиндивидуальные отношения. Поэтому психическая фаза индивидуации социального субъекта не может разрешиться самостоятельно и должна использовать свой оставшийся доиндивидуальный потенциал для совместной эволюции с другими социальными субъектами и использовать коллектив как аксиоматику для разрешения своей проблемы. Другими словами, коллективная фаза индивидуации необходима, поскольку несовместимость собственного «другого Я» социального субъекта с окружающей его медиасредой цифровой социальной

сети не может быть полностью преодолена внутренне. Поэтому психический способ индивидуации неразрывно связан с индивидуацией коллектива. И мы должны думать о едином психосоциальном (трансиндивидуальном) способе индивидуации, который способствует становлению как социальных субъектов, так и сетевых сообществ. Здесь понятию « сетевого сообщества », взятому в качестве аксиоматики, разрешающей психическую проблему, соответствует понятие « трансиндивидуального коллектива ».

Стало быть, результатом коллективной фазы индивидуации становятся как сетевые сообщества (веб-сайты цифровых социальных сетей), так и сам сетевой социум (или цифровая сеть сетей). В данном случае социальные субъекты и сетевые сообщества не противостоят друг другу, так как индивидуальная и коллективная фазы индивидуации являются следствиями единого масштабного процесса цифровой трансиндивидуальной фазы индивидуации. Из этого следует, что психическая фаза индивидуации и коллективная фаза индивидуации в некоторой степени взаимообусловлены, и это равносильно превращению их в полюса единого конституирующего отношения. При этом если сказать, что они взаимны, значит сказать, что речь идет о двух фазах индивидуации, из которых первая (психическая индивидуация) является « внутренней » для индивида, а вторая — « внешней ». Таким образом, в контексте взаимосвязи двух фаз индивидуации вводится понятие « трансиндивидуального »: две индивидуации, психическая и коллективная, позволяют нам определить категорию « трансиндивидуального », которая пытается учесть их систематическое единство.

Очевидно, что медиасреды цифровых социальных сетей могут оказывать влияние на реализацию как индивидуальной, так и коллективной фаз индивидуации. В этом случае медиасреда любой цифровой социальной сети — это текущая ситуация с широко распространенным подключенным глобальным миром вычислений и повсеместным присутствием новейших информационных технологий во все более трансиндивидуальных отношениях, наличествующих в сетевых сообществах этой социальной сети. Эти трансиндивидуальные отношения в сетевых сообществах происходят не только между социальными субъектами и техническими объектами, но и техническими объектами, наделенными искусственным интеллектом. Поэтому индивидуальная фаза индивидуации в рамках сетевого сообщества, а также в контексте новейших информационных технологий может быть трех типов: 1) несовместимость собственного « другого Я » с сетевым сообществом; 2) несовместимость, способствующая превышению собственного « другого Я »; 3) трансиндивидуальное разобщение собственного « другого Я » с « Другими ». Из этого следует, что в рамках трансиндивидуальной фазы индивидуации информационные технологии могут облегчить структурирование эмоций или другие входные и выходные сигналы, циркулирующие в сетевых сообществах. Другими словами, возможности этой фазы индивидуации, предоставляемые цифровой социальной сетью, могут привести не только к более глубокому и интегрированному партнерству между социальными субъектами и робототехническими системами, наделенными искусственным интеллектом, но и способствовать в будущем переходу к многовидовому интеллекту. В результате новейшие информационные технологии уже сегодня способствуют в рамках цифровых социальных сетей сетевого социума объединению в общие структуры не только социальных субъектов, но и различных форм искусственного интеллекта.

Вот почему новейшие цифровые технологии, будучи результатом эволюционного развития техничности, способствуют не только кульминационному становлению цифровых социальных сетей, но и сам современный социум становится техничным, цифровым и сетевым. В глобальном сетевом социуме огромное множество операций синтеза цифровых социальных сетей, технические функции компьютерной техники и смысловой мир социальных субъектов и сетевых сообществ объединяются в единое целое. Еще со времен промышленной революции важность вопроса о технологическом развитии постепенно возрастала, и к началу XX века он стал центральным в философии, в том числе у таких известных социальных мыслителей, как В. Беньямин, М. Хайдеггер, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др. В дальнейшем, в первой четверти XX века, растущее присутствие машин в повседневной жизни, войне, искусстве и политике подняло вопрос об отношениях между человечеством и его собственными творениями. Однако существенным недостатком большинства описаний техничности в этот период (и большинства видов использования технологий) являлась тенденция полностью исключить подобный технический менталитет из культуры. Симондон внес свой вклад в эту дискуссию как первый, кто прямо заявил, что техничность — это нечто большее, чем просто способность человека: это один из фундаментальных способов человеческого существования в мире, соизмеримый с религией, искусством и философией [Simondon 2005].

Тезис Симондона о включении технического менталитета в концепцию развития культуры, наряду с наукой и гуманитарными науками, был одной из его центральных задач. Технический менталитет — это фундаментальный способ человеческого отношения к миру, но западная культура, утверждает Симондон, разделена между литературными и научными направлениями, что приводит к осмыслению машин либо как порабощающей угрозы человеческой цивилизации, либо как порабощающей силы, работающей на досуг людей. Для Симондона эта проблема проистекает не из самой технологии, даже не из промышленной технологии, а из изначально порочного отношения к техничности. Он полагает, что современное отчуждение техники, вопреки утверждению Хайдеггера и Маркса, — это отчуждение человека от машины и отчуждение самой машины от того, что она действительно способна мастерить и как она может эволюционировать в направлении новых применений [Simondon 2017: 230—231].

Необходимо подчеркнуть, что высшая стадия техничности для Симондона — это сети, в которых мир становится технизированным [Simondon 2005: 86]. Это утверждение сегодня, в контексте цифровой конвергенции, цифровых социальных сетей, сетевых сообществ и сетевого социума, несет в себе несколько значений.

Во-первых, цифровые социальные сети в рамках сетевого социума, являясь техническими ансамблями, по мере своего развития создают собственную, идеально адаптированную медиасреду. Проще говоря, эта медиасреда является одновременно географической и технологической средой. Кроме того, различные цифровые социальные сети, как правило, связаны друг с другом напрямую, поскольку они выполняют друг для друга роли подобной окружающей внешней геотехносреды, и каждая такая сеть снабжает другие сети информацией. Роль сетевого социума (сети сетей) в этой связи заключается не только в том, что этот глобальный социум охватывает все окружающие его сетевые подсистемы (функциональные, социальные и другие сети) как горизонт всевозможных техносоциальных коммуникаций, происходящих в нем

одновременно, но и придает им определенную адекватную структурную сопряженность [Луман].

Во-вторых, метастабильная активность «Я» любого социального субъекта, благодаря посредничеству медиасреды социальной сети, проявляет себя в сетевом сообществе в виде активности собственного «другого Я». В этом случае социальный субъект представляет собой «трансиндивидуального субъекта», который представляет собой психосоциальную фазу индивидуации, и чьи собственные внутренние напряжения требуют внешнего влияния. Кроме того, разделение социального субъекта на индивида и индивид-медиасреду в сетевом сообществе происходит внутри его собственного «другого Я». Здесь медиасреда — это не просто совокупность информационных сообщений, а целый цифровой техносociальный мир медиасoобщений, с которыми социальный субъект состоит в трансиндивидуальных отношениях.

В-третьих, там, где посредничество подразумевает представление и модификацию техносociальной реальности, и существует техничность. Будучи метастабильной и техничной, медиасреда цифровой социальной сети всегда оставляет «дверь открытой» для новых изобретений. И эти изобретения происходят в ответ, когда решения, приносимые определенной фазой технического существования, больше не разрешают напряженность в посредничестве между активностью собственного «другого Я» социального субъекта и активностями «Других», проистекающими в сетевом сообществе. В этой связи содержательные аспекты и формы любых сетевых сообществ находятся всегда в зависимости от уникальности изобретения, или, по-другому, от типов цифровых социальных сетей, к которым принадлежат подобные веб-сайты.

В-четвертых, современный сетевой социум — это динамичная сеть сетей трансиндивидуальных отношений. Эти отношения (взаимодействия внутреннего и внешнего) обеспечивают способ понимания как социального субъекта, так и постижение отношений между этим субъектом и сетевым социумом в целом. В этом случае традиционные теоретико-методологические подходы (например, психологический и социологический подходы) устанавливают, что социальный субъект и сетевой социум существуют как статичные и одномерные понятия. Поэтому с опорой на симондонианский подход можно отметить, что речь должна идти не только о медиасреде обмена информацией, но и масштабной социальной метасистеме. Из этого следует, что сетевой социум как онтологическая единица приоритета — это социотехническая метасистема, индивидуализирующая сетевые сообщества и социальных субъектов. Другими словами, здесь социальный субъект является результатом индивидуальной фазы индивидуации, а сетевое сообщество — результатом коллективной фазы индивидуации.

В-пятых, социальные субъекты и сетевые сообщества в целом связаны между собой через симондонианский концепт «доиндивидуального состояния бытия», и это является предварительным условием для запуска процесса любой фазы индивидуации. Для Симондона концепт «доиндивидуального состояния бытия» — это не только весьма важное понятие его трансдуктивного метода познания, но и важнейший энергетический источник всех индивидов: физических, биологических, технических, психических, в том числе и сетевых сообществ, ведь «...прежде чем структурировать себя, коллектив уже существует в субъектах, в виде частей неисполненной природы» [Combes: 51].

Таким образом, доиндивидуальная реальность не только сформирована из несовместимых напряжений и потенциальных возможностей, но и вдохновлена

досократовским апейроном (неопределенным, беспредельным и бесконечным «первовеществом», или, по-другому доиндивидуальным потенциалом). При этом социальные субъекты уже изначально в цифровых социальных сетях связаны уже этим неопределенным доиндивидуальным потенциалом. Именно благодаря этому общему потенциалу социальные субъекты могут вступать в трансиндивидуальные отношения друг с другом и составлять сетевые сообщества. Каждое сетевое сообщество имеет свою собственную онтогенетическую, трансиндивидуальную (психосоциальную) фазу индивидуации, которая использует совокупное множество потенциалов, привнесенных в нее доиндивидуальной реальностью, содержащейся в социальных субъектах [Simondon 1989: 211].

Поэтому любое сетевое сообщество возникает всегда через доиндивидуальную зону социальных субъектов, которая остается не затронутой никакими функциональными отношениями между этими индивидами [Combes: 38]. Иначе говоря, трансиндивидуальная фаза индивидуации в цифровых социальных сетях сетевого социума — это ситуация формирования нового сетевого сообщества, которое выходит за рамки уже существующих функциональных социальных отношений между социальными субъектами. То есть новое сетевое сообщество формируется в рамках трансиндивидуальных отношений, а именно таким образом, когда социальные взаимоотношения между социальными субъектами происходят только через «сетевую социальность», или, по-другому, через сетевое сообщество. Более того, такие трансиндивидуальные отношения состоят из изменчивых и временных, но повторяющихся социальных взаимоотношений; из эфемерных, но интенсивных встреч.

Только будучи связанными в социальном (коллективном) плане, а также благодаря общему доиндивидуальному потенциалу, социальные субъекты и способны вступать в новые трансиндивидуальные отношения. В трансиндивидуальных отношениях внутреннее пространство сетевого сообщества — это определенное измерение социального субъекта, а «сетевая социальность» — это зона участия вокруг его собственного «другого Я». В этой связи сетевое сообщество является внешним по отношению к социальному субъекту, существуя как зона участия вокруг отдельных социальных субъектов — членов группы этого сообщества. Поэтому сегодня социальные субъекты, находясь в сетевом сообществе любой цифровой социальной сети глобального сетевого социума, могут оперативно участвовать в новых трансиндивидуальных фазах индивидуации. Отсюда следует, что формирование сетевого сообщества, с опорой на Симондона, не происходит как механическое собрание социальных субъектов, а рождается в результате тех доиндивидуальных сил, которые удерживаются внутри этих индивидов, которые в дальнейшем приводят к коллективной структуризации. Вот почему трансиндивидуальная фаза индивидуации — это две одновременные неразделимые стороны этой психосоциальной фазы индивидуации: одна сторона индивидуации сущего, которая является сообществом, — другая сторона индивидуации социального субъекта, где эти сгруппированные индивиды становятся «групповыми социальными субъектами», или некими единицами коллектива [Simondon 1989: 185].

В результате в сетевом сообществе трансиндивидуальные отношения несут в себе новый фазовый режим индивидуации, который накладывается на прежний режим, переполняет его, и при этом воссоединяет несколько социальных субъектов в рождающуюся группу. Как и в случае с индивидуацией социального субъекта, сетевое сообщество является следствием, а не причиной процесса индивидуации [Симондон: 216]. Более того, в рамках этих

трансиндивидуальных отношений индивидуализация собственного «другого Я» социального субъекта защищена от полного поглощения ее сетевым сообществом. Другими словами, эта часть самого себя, или определенное измерение социального субъекта, и являются формированием «сетевой индивидуальности» [Кастельс] этого нового индивида.

Безусловно, медиасреда сетевого социума — это не только взаимосвязанный мир вычислений и место для всех форм общения в сетевых сообществах цифровых социальных сетей, но это еще концептуализация и опыт непрерывного бесшовного слоя вычислительных устройств, покрывающий глобальное пространство сети Интернет. Все без исключения вычислительные устройства могут быть подключены к Интернету, что делает их доступными для отправки и получения информации и выполнения операций по запросу в любой момент. Подключенные устройства могут включать носимые устройства, умные часы, смартфоны, планшеты, ноутбуки, игровые приставки, устройства самоконтроля с количественной оценкой, датчики Интернета вещей, персональную робототехнику, искусственных компаньонов, подключенные автомобили и т. д. Кроме того, подключенный мир включает в себя не только обычные вычислительные устройства, но и идею «умной материи», где предметы повседневного обихода, такие как термостаты, весы, предметы одежды, стиральные машины-сушилки, дороги и здания все чаще подключаются к сетевому социуму. Процесс «подключения» к Интернету социальных субъектов и многих технических объектов идет полным ходом.

Еще одним свойством сетевого социума является облачная алгоритмическая обработка «больших данных», или, по-другому, обработка огромного объема медиатекстовых сообщений, возникающих в результате подключения к «облаку» социальных субъектов и технических объектов. Эти социально-человеческие когнитивные структуры непрерывно загружают информацию в «облако» (даты-центры сетевого социума), а нейронные сети с глубоким обучением обрабатывают эти данные в фоновом режиме и возвращают их в виде персонализированных рекомендаций, уведомлений и сигналов в режиме реального времени. Другими словами, это означает, что современные социальные субъекты развивают совершенно иное отношение к медиатекстовым данным. Связь социального субъекта и медиатекстовых данных — это такая связь, при которой существует понятие огромного информационного «Другого», вездесущего в «облаке» и использующего неясные цели, скорее всего неподконтрольные отдельным социальным субъектам.

Таким образом, глобальная медиасреда сетевого социума является площадкой для любых форм личных и профессиональных начинаний социальных субъектов, таких как работа, социальное взаимодействие, финансы, экономика, политика, развлечения и многое другое. Кроме того, эта медиасреда является информационной геотехносредой, в которой участвуют как социальные субъекты, так и технические сущие, часто наделенные искусственным интеллектом. В этом случае социальные субъекты находятся в совершенно новой ситуации с технологиями и информацией. Здесь технические объекты занимают позицию «Другого», являются всегда посредником в социальных взаимодействиях и тем самым способствуют индивидуализации в сетевых сообществах.

В заключение можно отметить, что в симондонианской теории «индивидуации», на наш взгляд, присутствует ряд как отрицательных, так и положительных содержательных моментов, связанных с определенной и чрезмерной зависимостью от эмоций и внешнего «Другого». Например, новейшие

информационные технологии современного сетевого социума уже сегодня могут представить социальному субъекту более качественную, быструю и объективную информацию, чтобы уменьшить его зависимость от эмоций или коллектива как такового. В этом случае такая ориентация в сетевом социуме на «облачную экономику» (на автоматизацию и искусственный интеллект) радикально преуменьшает активность социальных субъектов и превращает их во второстепенных когнитивных агентов. Однако что наиболее важно в нынешнем мышлении социально-человеческой когнитивной структуры? Это то, что такое совместное мышление как человека, так и робота, наделенного искусственным интеллектом, ведет к формированию (изобретательству) идей, прогрессу и росту. Что мы должны думать в этом случае о мыслящих робототехнических объектах? Это то, что мы хотим быть в большом взаимодействии с ними в решении проблем совместного продвижения вперед в обширном пространстве будущих возможностей разума.

Список литературы / References

- Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
(Castells M. Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society, Ekaterinburg, 2004, 328 p. — In Russ.)
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
(Luhmann N. Social Systems. Outline of the General Theory, St. Petersburg, 2007, 648 p. — In Russ.)
- Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 3 (33). С. 111—125
(Svirsky Ya.I. Conceptual Features of Gilbert Simondon's Philosophical Strategy, *Ideas and Ideals*, 2017, vol. 1, no. 3 (33), pp. 111—125. — In Russ.)
- Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. 704 с.
(Simondon G. Psychic and collective individuation, Moscow, 2023, 704 p. — In Russ.)
- Combes M. Simondon individu et collectivité: pour une philosophie du transindividuel, Paris: Presses Universitaires de France, 1999, 128 p.
(Combes M. Simondon, the individual and the community: towards a philosophy of transindividuality, Paris, 1999, 128 p. — In French)
- Derrida J. On Touching — Jean-Luc Nancy, Stanford: Stanford University Press, 2005, 400 p.
- Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989, 293 p.
(Simondon G. Psychic and collective individuation, Paris, 1989, 293 p. — In French)
- Simondon G. L'Invention dans les Techniques. Paris: Seuil, 2005, 347 p.
(Simondon G. Invention in Technology, Paris, 2005, 347 p. — In French)
- Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017, 271 p.

GILBERT SIMONDON'S THEORY OF INDIVIDUATION AND ITS ROLE IN UNDERSTANDING DIGITAL SOCIAL NETWORKS

Vladislav O. Sayapin

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Tambov, Russian Federation, vlad2015@yandex.ru

Abstract. This article, drawing on the philosophy of Gilbert Simondon, who turns 100 in 2024, argues that his theory of individuation offers new perspectives for adequately understanding the anthropological and technosocial implications of the ongoing digital

transformations in today's networked society. Individuation theory for the digital world is a conceptualization of natural entities, humans and technical entities, as digital networks, and of the technosocial world as a digital network of networks. We live in the age of digital networks. The world is now rapidly perceived as a vast space of interconnected digital networks of seemingly infinite diversity: biological, productive, cybernetic and, most importantly, social. The image of the digital network, with its obvious bias towards vision, has become a paradigmatic digital representation for understanding our current technological and networked society as a holistic entity that would otherwise elude our cognitive perception. It can now be recognized that Simondon's philosophical research is a rich source for the development of new concepts, theories and practices that allow us to cope with our contemporary conditions of the new electronic-digital technosocial reality.

Keywords: social subject, media environment, network society, digital social networks, network communities, individuation, transindividual relations

For citation: Sayapin V.O. Gilbert Simondon's theory of individuation and its role in understanding digital social networks, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2025, no. 2. pp. 155—164.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Саяпин Владислав Олегович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия, vlad2015@yandex.ru, SPIN: 6630-4607

Sayapin Vladislav Olegovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, vlad2015@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 165—175.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 165—175.

Научная статья

УДК 130.3:316.6:321.7

EDN <https://elibrary.ru/rqmivu>

DOI: 10.46726/H.2025.2.17

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ПОНЯТИЕ, АКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Денис Сергеевич Докучаев, Кирилл Александрович Стробыкин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

den-dokuchaev@mail.ru, kirill.strobykin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению региональной политической повестки как ключевого элемента регионального информационного пространства. Авторы предлагают теоретическое осмысление этого феномена через призму теории социальных систем Н. Лумана и критического дискурс-анализа. Региональная политическая повестка в работе рассматривается как механизм самореференции регионального дискурса и определяется как совокупность дискурсивных практик власти, формирующих у регионального сообщества приоритетное внимание и отношение к актуальным темам с целью информирования, легитимизации и укрепления доверия к власти. В рамках исследования выделены основные акторы формирования региональной политической повестки (государственные органы, СМИ, бизнес-сообщество, церковь и др.) и разработана их классификация по различным основаниям (форме влияния, системности, целям, содержательной роли и др.).

Ключевые слова: политика, политическая коммуникация регион, региональное информационное пространство, повестка дня, политическая повестка дня, региональная политика, регионализм, региональный дискурс, региональная политическая повестка, самореференция, акторы повестки

Для цитирования: Докучаев Д.С., Стробыкин К.А. Региональная политическая повестка: понятие, акторы и механизмы формирования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 165—175.

Введение. Человек, находясь в современном медиапространстве, ежедневно получает огромное количество информации. Средства массовой информации, социальные сети и мессенджеры создают бесконечный поток сообщений, пытаясь найти своего адресата в виде конкретного читателя, зрителя или слушателя. По данным Mediascope среднестатистический россиянин в 2023 году проводил в интернете не менее 4 часов в день, примерно столько же смотрел телевизор¹.

При таком объеме медиапотребления, с одной стороны, возникает ситуация тематического расфокусирования — человек поглощает всю сообщаемую ему информацию без какой-либо рефлексии. И тогда необходимо принять, что любая новость теперь живет столько времени, сколько она сообщается в эфире, или сколько человек тратит времени на ее прочтение. С другой стороны, и сам человек приспосабливается к потоку информации — он ограничивает количество

© Докучаев Д.С., Стробыкин К.А., 2025

¹ Ачкасова К. Медиапотребление 2023. // Mediascope. URL: https://drive.google.com/file/d/1cN9ZVWFP8ds3PTZLeP1uGEO_h5Bibvty/view (дата обращения: 30.01.2025).

ресурсов, на которые подписан и читает, отбирает для себя новые релевантные его опыту медиа каналы, формирует свой собственный «информационный пузырь», в котором начинает потреблять информацию в комфортном для него режиме. Последнее обстоятельство вынуждает, например, власть бороться за внимание аудитории к конкретным и важным для нее темам, делать все для преодоления информационного барьера, осознанно выставляемого субъектом. Отсюда формирование политической повестки (повестки дня) становится важнейшей задачей в информационной и идеологической работе властей любого уровня.

Цель исследования состоит в осмыслении феномена политической повестки как плана целенаправленных действий в региональном информационном пространстве для решения конкретных политических, социальных и общественных задач, определении ключевых акторов и механизмов ее формирования.

Актуальность исследования обусловлена сразу несколькими факторами. На сегодняшний день в научном пространстве отсутствует общепринятое определение (региональной) политической повестки, без чего предметный анализ малоэффективен.

Развитие цифровых технологий способствует изменению форм социальных отношений, упрощает возможность формирования политической повестки в регионе не только со стороны официальных органов власти и СМИ, но и со стороны других акторов, которых необходимо определить и, по возможности, классифицировать.

Эффективное продвижение региональной политической повестки представляет собой ключевой фактор, способствующий укреплению доверия населения к власти и обеспечению стабильности политической ситуации в регионе. Выявление препятствующих формированию оптимальной региональной повестки «барьеров» позволит скорректировать стратегии социально-политического развития в целях повышения их эффективности.

Гипотезы исследования. Региональную политическую повестку, с одной стороны, следует рассматривать в качестве инструмента воздействия на региональный дискурс; с другой стороны, она сама представляет собой совокупность дискурсивных практик, то есть она и конструируется региональным дискурсом, и формирует его через актуальное тематическое наполнение.

Акторами формирования региональной политической повестки выступают не только органы власти и СМИ в регионе, но и конкретные личности, пользующиеся авторитетом (инфлюенсеры, общественные деятели, предприниматели), а также региональное гражданское общество в целом посредством различных форм участия в политической жизни региона.

Любое пространство, в том числе информационное, стремится к однородности (гомогенности), однако из-за концентрации множества различных акторов и дискурсов, которые они конструируют, в информационном пространстве могут проявляться неоднородности (гетерогенность). В данном случае цель региональной политической повестки состоит в нивелировании информационного пространства, удержании его в состоянии однородности и сбалансированности.

Развитие цифровых технологий не только обеспечивает акторов новыми возможностями для формирования и продвижения региональной политической повестки, но и создает на этом пути новые «барьеры».

Методологическая база. С нашей точки зрения, наиболее удачными для осмысления феномена политической повестки являются концепции теории социальных систем, предложенные Н. Луманом, дополненные с нашей

стороны критическим дискурс-анализом и системным подходом. С точки зрения Н. Лумана, любая социальная система, в том числе и региональная, представляет собой самореферентную систему, существование и стабильность которой поддерживаются благодаря внутренним коммуникациям. Региональная политическая повестка в этом контексте выступает в качестве механизма (плана действий) самореференции регионального дискурса, поддерживающего существование и стабильность региональной социальной системы через воспроизводство значимых для региона тем в процессе внутренней коммуникации. Она формирует устойчивое информационное ядро, способствующее интеграции и согласованию дискурсов, адаптированных к специфике региона, успешно воспринимаемых и усваиваемых местным сообществом.

Для анализа и классификации акторов, формирующих региональную политическую повестку, авторы использовали компаративный подход. Это позволило выделить основные категории участников процесса, определить их роль в создании и продвижении разных дискурсов.

Региональная политическая повестка: подходы к осмыслению. Процесс концептуального осмысления феномена политической повестки начался в научной мысли в первой четверти XX века. У его истоков стояли исследователи из разных наук, а интересовали их отдельные аспекты формирования общественного мнения.

Одним из первых, кто стал изучать механизмы формирования мнения масс, считается американский журналист и социолог У. Липпман. С его точки зрения, в основе мира представлений человека о реальности, который формируется социальным окружением и является неким инструментом её упрощения, лежит система стереотипов [Липпман]. Влияние на мир представлений людей посредством изменения совокупности сложившихся стереотипов позволяет СМИ, задача которых формировать новый и выгодный им способ восприятия мира. Также У. Липпман отмечал, что СМИ избирательны в трансляции различных событий: из всей совокупности полученной информации они выбирают ту, которую потенциально можно незаметно исказить и представить обществу в определенном ключе. С этой точки зрения «реальное положение дел и представляемая с помощью СМИ картина мира различны, но сосуществуют друг с другом» [Кисляков: 158].

Примечательными для анализа в рамках нашей работы являются исследования П. Лазарсфельда. В 1940-х годах он на основе проведенного во время президентских выборов в США исследования, посвященного изучению воздействия массмедиа на общественное мнение, разработал теорию ограниченных эффектов, выявив, что необходимо воздействовать на мнение каждой группы общественности отдельно. П. Лазарсфельд объяснил это существованием своих лидеров мнения в каждой подгруппе, их социально-статусным различием и наличием в группах фильтров, отсекающих и интерпретирующих информацию. В связи этим необходимо модифицировать содержание транслируемой информации применительно к конкретной группе [Лазарсфельд].

В свою очередь, по мнению Г. Лассуэлла, эффективность пропаганды объясняется уязвимостью сознания «среднего человека». Разного рода экономические потрясения и нарастающие политические конфликты неизбежно приводят к массовому психозу, что делает людей восприимчивыми даже к примитивным формам пропаганды. Поэтому для эффективного манипулирования массовым сознанием представителям медиа необходимо разрабатывать подробные стратегии длительных кампаний, внедряя и культивируя новые идеи

и образы. Постепенно создаются символы, ассоциирующиеся с определенными эмоциями, и в случае успешного внедрения такие символы становятся эталонными [Аргун].

В 1960-е годы закрепляются преимущественно две точки зрения относительно того, как формируется информационная повестка (повестка дня): 1) влияние на этот процесс оказывает в основном СМИ; 2) ее формирует социальное окружение.

Считается, что понятие информационной повестки (повестки дня) в научный оборот ввели Д. Шоу и М. МакКомбс в рамках собственной теории установления повестки дня (Agenda-setting theory). Под повесткой они понимали «набор сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными в тот или иной отрезок времени» [Дзялошинский, Дзялошинская: 468]. По мнению исследователей, СМИ оказывают влияние на аудиторию не посредством целенаправленного формирования определенных установок, внедрения взглядов и идей, изменяющих их поведение, а опосредованно, через освещение событий, которые находят «отклик» у аудитории и начинают восприниматься ей в качестве наиболее важных. Благодаря этому «отклику» и формируется определенная повестка дня и отношение к ней. По мнению Д. Шоу и М. МакКомбса, перечень важных проблем откладывается в сознании аудитории не вследствие целенаправленного осмысления их сущности, а по причине высокой частотности их упоминания в СМИ.

Отдельно стоит упомянуть концепцию Д. Когена, описывающую процесс реструктуризации информационной повестки. Согласно ей, равномерное распределение внимания аудитории между различными проблемами не представляется возможным. При фокусировании СМИ в новостных материалах на новом вопросе, предыдущий утрачивает свою актуальность и начинает стремительно терять внимание аудитории. Однако если между двумя обозначенными проблемами еще каким-то образом можно балансировать и сохранять внимание аудитории, то при трансляции третьей проблемы сохранить интерес к первой уже невозможно [Дьякова: 151].

Существенный вклад в исследование особенностей формирования повестки дня внес Дж. Кингдон. Он определил пять этапов её формирования: «распознавание проблемы, определение уровня её значимости, подбор разных альтернатив политики, выбор конкретного варианта решения и возникновение политической арены, на которой акторы («политические интерпренеры») конкурируют в установлении повестки дня» [Кисляков: 159].

Применительно к настоящему исследованию отметим также концепцию информационной повестки, предложенную М. Кастельсом. Согласно его мнению, массмедиа «навязывают» своей аудитории перечень наиболее актуальных новостных тем. М. Кастельс выделил несколько эффективных технологий воздействия (фрейминг, прайминг и скандал), обуславливающих формирование в массовом сознании склонности к иррациональным формам и содержанию информации, искажающих материальную реальность СМИ. Субъекты, использующие данные практики, как правило, подконтрольны ведущим публично-властным органам, транснациональным корпорациям и банкам [Буркова].

В результате исследований², проведенных Е.Г. Дьяковой и А.Д. Трахтенберг, выявлено основное отличие роли российских СМИ от англо-американских —

² В отечественной науке также разрабатывались отдельные концепции осмысления феномена информационной и политической повестки. Интерес для авторов представили

осведомление государства о беззакониях, а не освещение в обществе нынешней ситуации в пространстве официальных органов власти. Также при анализе социокультурных механизмов установления повестки дня исследователи выявили, что ее формирование осуществляется СМИ не всегда самостоятельно, а посредством оказания влияния на их деятельность иных структур через систему формальных и неформальных связей [Дьякова, Трахтенберг]. Это последнее замечание для нашего исследования является ключевым. С нашей точки зрения, современные СМИ по разным причинам утратили самостоятельность в формировании информационной повестки. В настоящее время их ресурсы в политическом измерении используются для переупаковки необходимых власти смыслов, донесении этих смыслов и значений до аудитории.

Стоит согласиться с Н.Ф. Пономарёвым, что одним из механизмов формирования повестки является употребление властью намеков в процессе конструирования политического дискурса [Пономарев: 93]. Возможность осуществлять управление последним выступает одним из ключевых инструментов позиционирования действующей власти в пространстве социальной реальности и в целом обеспечения ее стабильности в определенном государстве или регионе. Исследователь делает важное замечание — внедрение политической повестки в сознание масс осуществляется не напрямую, а посредством обеспечения условий, при которых общественная повестка «органично» будет сближаться с политической [Там же: 95]. Такие условия можно создать только в рамках единой информационной стратегии по управлению повесткой, ключевыми составляющими которой выступают «сужение проблемного поля» и «продвижение правильных интерпретаций социальных феноменов», в том числе посредством медиафрейминга и постоянных рефренов [Там же: 96].

(Региональная) политическая повестка: проблема дефиниции. Прежде чем предложить рабочие определения понятиям «политическая повестка» и «региональная политическая повестка», сделаем ещё несколько замечаний. В русском языке слово «повестка» имеет ряд значений. С одной стороны, это определенного рода извещение, которое предписывает выполнить какие-то *действия*. Например, явиться в суд или военкомат. С другой стороны, повестка — это определенный перечень *вопросов и тем* для обсуждения или даже план действий, которые необходимо предпринять для решения конкретных и актуальных задач. Соответственно, все, что снимается с повестки, — перестает быть актуальным. Английское “agenda” — повестка дня — восходит к латинскому глаголу *agere* — действовать — и тоже подразумевает «план действий». Таким образом, повестка всегда предполагает действие. В нашем случае инструментальный подход также может быть наиболее удачным при определении понятия.

Политическую повестку в широком смысле мы предлагаем рассматривать как *совокупность связанных с концептом власти дискурсов и коммуникативных событий, целенаправленно воздействующих на информационное пространство для актуализации конкретных тем, нарративов и интерпретаций*.

В узком плане это, безусловно, стратегия и тактика (план действий) воздействия на информационное пространство для создания или выделения в нем

работы Е.Г. Дьяковой, М.В. Данилова, А.А. Казаковой и Е.Б. Шестопал. В целом выделенные нами отечественные исследователи опирались на трактовку повестки Д. Шоу и М. МакКомбса. Отметим для нашего исследования определение повестки, предложенное Е.Г. Дьяковой: «представление о том, что в данный момент является важным и чему следует уделять особое внимание» [Дьякова: 150].

важных для власти тем и событий, привлечения внимания к необходимым интерпретациям и приоритезация сообщений за счет их многократного повторения.

Учитывая вышесказанное, под региональной политической повесткой можно понимать и *совокупность дискурсивных практик власти, формирующих у регионального сообщества приоритетное внимание и отношение к определенным темам с целью легитимизации и укрепления доверия к власти.*

Региональный дискурс, повестка и акторы: результаты и обсуждение. Рассматривая региональную политическую повестку как совокупность дискурсивных практик власти, следует дать несколько уточнений по самому региональному дискурсу. Эта проблематика довольно подробно исследовалась нами ранее [Докучаев], поэтому в настоящей статье дадим лишь базовые подходы к осмыслению регионального дискурса, под которым мы понимаем *тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в регионе.*

Критический дискурс-анализ позволяет рассматривать региональный дискурс и как важную форму социальной практики. Региональный дискурс одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, социальные взаимоотношения (в том числе отношение к власти), идентичности. В то же время сам дискурс формируется другими социальными практиками, находясь таким образом с ними в диалектических отношениях.

Региональный дискурс в контексте настоящей статьи следует также рассматривать и как дискурс-строй — общую платформу дискурсов (экономического, социального, политического, культурного и т. д.). Следовательно, любой дискурс внутри региона (как коммуникативное событие в системе) будет рассматриваться как паттерн значений внутри регионального дискурса.

Региональная политическая повестка делает региональный дискурс сфокусированным на самых актуальных и приоритетных для общества темах, которые призваны удовлетворить потребности аудитории в информации, вызвать действие или поддержать бездействие (например, снизить риски протеста). В этом плане региональная политическая повестка в рамках тематического развертывания и реализации в дискурсе должна учитывать *описание действительности и ее интерпретацию, регулирование деятельности адресатов, оценку текущей ситуации и прогнозирование положения дел.*

Региональная политическая повестка является отражением ключевых задач и вызовов, стоящих перед регионом и региональной властью. Управление повесткой предполагает генерацию, структурирование и селекцию ин(форма)ции с последующей передачей её адресатам через все доступные системе средства коммуникации. Формирование региональной политической повестки возможно в условиях тесного взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти. При этом важную роль в обеспечении интереса со стороны местных жителей играют и различные сегменты гражданского общества, ведь они могут как поддерживать обсуждение актуальных для региона проблем, так и, напротив, препятствовать этому и акцентировать внимание на других темах, приводя региональное информационное пространство в гетерогенное состояние.

Представляется возможным классифицировать акторов региональной политической повестки дня по нескольким основаниям.

По форме влияния на формирование повестки — непосредственные, опосредованные и гибридные акторы. К первым относятся акторы, прямым образом вовлеченные в процесс принятия решений и формирование

ключевых направлений работы органов власти. Их действия прозрачны для общества, а результаты влияния довольно просто идентифицируются. К таким акторам можно отнести, например, Президента как субъекта, обладающего наиболее широкими полномочиями исполнительной власти, и высших должностных лиц субъектов РФ (главы республик, губернаторы и мэры городов федерального значения).

К опосредованным же можно отнести акторов, оказывающих косвенное влияние на формирование повестки посредством акцентирования внимания местного населения на определенных проблемах. Они не обладают властными полномочиями и не могут определять ключевые направления работы региональных и муниципальных органов власти, но объём их медийных ресурсов, определяемый популярностью среди местного населения, позволяет привлекать внимание к различным темам. К подобным можно отнести, например, СМИ, различные общественные организации и инфлюенсеров (лидеров общественного мнения).

Гибридные акторы также не обладают властными полномочиями, но они могут при этом не только возбуждать у общественности интерес к различным вопросам, но и лоббировать волнующие их проблемы за счет обладания ресурсами воздействия на представителей власти. Это, например, церковь, бизнес-сообщества и политические партии.

По уровню системности воздействия — *регулярные и стихийные (нерегулярные) акторы*. Регулярные акторы осуществляют свою деятельность на постоянной основе, прибегая к заранее разработанным стратегиям. Их деятельность планомерна, предсказуема и направлена на достижение долгосрочных целей. К ним можно отнести, например, государственные органы власти, СМИ и политические партии. Стихийные же акторы действуют эпизодически, как правило, в период каких-либо резонансных событий, их влияние носит временный характер. Среди них можно выделить, например, гражданских активистов.

По целям деятельности — *реальные и номинальные акторы*. Реальные акторы предпринимают целенаправленные действия по формированию региональной политической повестки. Они идентифицируют наиболее острые и важные проблемы региона, опираясь на результаты работы системы круглосуточного мониторинга социальных сетей («инцидент-менеджмент»), данные социологических исследований и информационно-аналитические отчеты. Для достижения конкретных и измеримых результатов в ходе решения выявленных проблем реальные акторы используют все доступные административные и финансовые ресурсы. Кроме того, они обладают высокой узнаваемостью и авторитетом в регионе, что, несомненно, способствует закреплению в текущей повестке обозначенной в публичных заявлениях проблемы и побуждает население к ее обсуждению. Роль подобного актора выполняет, например, глава субъекта РФ.

Деятельность же номинальных акторов зачастую направлена на создание видимости формирования повестки и отвлечение внимания населения от реальных и чувствительных проблем. Их действия могут быть неосознанными. Например, лояльным к действующей власти лидерам общественного мнения субъекты региональной политической элиты задают набор приоритетных для публикации тем, которые в дальнейшем послужат возбудителем активного обсуждения среди населения, и тем самым смещают фокус внимания жителей с более уязвимых вопросов, то есть запускают процесс реструктуризации информационной повестки.

Однако есть и акторы, деятельность которых в этом случае носит осознанный характер. Например, внесение непопулярных или сложно реализуемых инициатив субъектом, обладающим не внушительным объемом властных ресурсов. Подобные предложения не подразумевают актуализацию и укрепление поднятой проблемы в текущей повестке, а вносятся лишь для имитации политической деятельности или гражданского активизма, которые в перспективе послужат инструментами увеличения объема политического капитала субъекта. В данном примере речь идет прежде всего о повышении узнаваемости актора, формировании и закреплении за ним образа «борца с проблемой».

По степени осознанности воздействия — «сознательные» и «бессознательные» акторы. К первым относятся акторы, намеренно формирующие повестку. Их деятельность основана на четком понимании того, чего они хотят достичь. К ним относятся, например, региональные органы власти и политические партии. Вторые же выступают как акторы, основная цель деятельности которых может быть не связана напрямую с формированием повестки. Однако их действия или высказывания могут вызвать общественный резонанс.

По содержательной роли — конструктивные и деструктивные акторы. Конструктивными акторами являются субъекты, деятельность которых направлена на улучшение существующего положения, решение проблем регионального масштаба и поддержку социально-политической стабильности в регионе. Их число составляют, например, органы региональной власти и общественные организации. Деструктивные же акторы своей деятельностью, напротив, подрывают стабильность, усугубляют существующее положение в регионе, усиливают социальную напряженность. К ним можно отнести враждебно настроенных по отношению к государству субъектов, осуществляющих деятельность, направленную на дестабилизацию обстановки. Деятельность эта может осуществляться как извне, например, посредством внедрения через социальные сети в сознание местного населения образа врага в лице собственного государства, так и внутри, через организацию деятельности зарубежных НКО и их агентов на территории региона.

По территориальной аффилиации — региональные (автохтонные) и нерегиональные акторы. Региональные акторы находятся непосредственно в регионе, имеют с ним тесную связь. Они активно участвуют в жизни региона и оказывают влияние на региональную повестку. Нерегиональные акторы находятся за пределами региона, но могут играть важную роль в формировании как его повестки, так и национальной повестки в целом посредством освещения каких-либо резонансных событий.

Вместо заключения. Безусловно, предложенная классификация не может претендовать на окончательную или единственно верную. Скорее она учитывает конкретные статусы и роли в социальной системе по степени влияния на региональный дискурс. Очевидно, что оперативное управление региональной политической повесткой осуществляется структурами власти, которые ни по каким формальным признакам к акторам не относятся, но тем не менее именно они значительно влияют на генерацию, селекцию и, что важнее всего, структурирование информации и доставку ее до конечного потребителя. Речь прежде всего о тех структурах, которые работают в пространстве информационной политики в регионах и выступают посредниками между конкретными акторами, населением и средствами массовой коммуникации (департаменты и управления информационной или внутренней политики, пресс-службы и пр.).

Деятельность региональных акторов создает определенную динамику в политической жизни благодаря развитию цифровых технологий. Новые медиа сегодня способствуют не только ускорению процессов установления политической повестки, но и позволяют оперативно фиксировать отношение местного населения к различным проблемным темам. Это делается не только в рамках социологических исследований, но, например, и при работе с обратной связью. Так, Центры управления регионом, которые есть во всех субъектах, занимаются мониторингом, обработкой и анализом обращений и сообщений жителей в социальных сетях, обеспечивают межведомственное взаимодействие органов власти для максимального сокращения времени получения ответа и решения проблемного вопроса гражданина.

Тем не менее возникают и определенные ограничения в рамках управления региональной политической повесткой. Информационное пространство и без того наполнено крупными объемами данных, а сегодня количество совершенно разной информации буквально образует в нем хаос. В таких условиях становится затруднительно захватить и удержать внимание местного населения к определяемым региональными органами власти проблемным вопросам. Возникают сложности и в борьбе с деструктивными акторами, применяющими современные технологии медиаманипулирования (интернет-тролли, социальные боты, фейки и т. п.). Тем не менее работа с политической повесткой в регионах России ведётся довольно эффективно, не только в части формирования массива позитивных и нейтральных инфоповодов (тем), но и в рамках отработки информационных рисков.

Список литературы / References

- Аргун Л.Л. Пропаганда как инструмент влияния на политическое поведение в теории Г. Д. Лассуэлла // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 7. С. 333—338.
(Argun L.L. Propaganda as an instrument of influence on political behavior in the theory of G.D. Lasswell, *Social and Humanitarian Knowledge*, 2021, no. 7, pp. 333—338. — In Russ.)
- Буркова Л.В. Трактовка М. Кастельсом влияния современных СМИ на массовое сознание в сетевом обществе // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 310—312.
(Burkova L.V. M. Castells' interpretation of the influence of modern media on mass consciousness in the network society, *Sociopolitical sciences*, 2018, no. 2, pp. 310—312. — In Russ.)
- Дзялошинский И.М., Дзялошинская М. И. Личная повестка дня: исследуем приоритеты аудитории // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 4. С. 465—481.
(Dzyaloshinsky I.M., Dzyaloshinskaya M. I. Personal agenda: exploring the priorities of the audience, *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, no. 4, pp. 465—481. — In Russ.)
- Докучаев Д.С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 70—78.
(Dokuchaev D.S. Regionalism as a political discourse: methodology of interpretation, *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 2012, no. 4, pp. 70—78. — In Russ.)
- Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения российской академии наук. 2002. № 3. С. 144—168.
(Dyakova E.G. Mass communication and power in the theory of agenda setting, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2002, no. 3, pp. 144—168. — In Russ.)

- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Социокультурные механизмы установления повестки дня // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения российской академии наук. 2001. № 2. С. 166—191.
- (Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. Sociocultural mechanisms of agenda setting, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2001, no. 2, pp. 166—191. — In Russ.)
- Кисляков Е.А. Политическая повестка в зарубежных исследованиях: концептуальный и прикладной ракурс // Журнал политических исследований. 2019. № 4. С. 157—163.
- (Kislyakov E.A. Political agenda in foreign studies: conceptual and applied perspective, *Journal of Political Research*, 2019, no. 4, pp. 157—163. — In Russ.)
- Лазарсфельд П.Ф., Берельсон Б., Год Х. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании / пер. с англ. М.Ю. Завгородней и др. Ульяновск: УлГУ, 2018. 152 с.
- (Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign, transl. from English by M.Yu Zavgorodnaya and others, Ulyanovsk, 2018, 152 p. — In Russ.)
- Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- (Lippman W. Public Opinion, transl. from English by T.V. Barchunova, Moscow, 2004, 384 p. — In Russ.)
- Пономарев Н.Ф. Медиафрейминг как ключевая дискурсивная стратегия // Власть. 2013. № 9. С. 93—97.
- (Ponomarev N.F. Media framing as a key discursive strategy, *Vlast*, 2013, no. 9, pp. 93—97. — In Russ.)

REGIONAL POLITICAL AGENDA: CONCEPT, ACTORS, AND FORMATION MECHANISMS

Denis S. Dokuchaev, Kirill A. Strobykin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
den-dokuchaev@mail.ru, kirill.strobykin@mail.ru

Abstract. This article explores the regional political agenda as a key element of the regional information space. The authors offer a theoretical interpretation of this phenomenon through the lens of Niklas Luhmann's theory of social systems and critical discourse analysis. The regional political agenda is examined as a self-reference mechanism within regional discourse and is defined as a set of discursive practices of power that shape the regional community's prioritized attention and attitudes toward current issues with the aim of informing, legitimizing, and strengthening trust in the authorities. The study identifies the main actors involved in the formation of the regional political agenda (government bodies, media, business community, church, etc.) and develops their classification based on various criteria (form of influence, systemic nature, objectives, substantive role, and others).

Keywords: politics, political communication, region, regional information space, agenda, political agenda, regional policy, regionalism, regional discourse, regional political agenda, self-reference, agenda actors

For citation: Dokuchaev D.S., Strobykin K.A. Regional political agenda: concept, actors and formation mechanisms, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 165—175.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 01.04.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Докучаев Денис Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий отделением журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, den-dokuchaev@mail.ru, SPIN: 9445-2952

Dokuchaev Denis Sergeyevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Head of department of journalism, advertisement and public relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, den-dokuchaev@mail.ru

Стробыкин Кирилл Александрович — магистрант кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kirill.strobykin@mail.ru, SPIN: 8553-1706

Strobykin Kirill Alexandrovich — Master's student of department of sociology, social work and personnel management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kirill.strobykin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 176—184.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 176—184.

Научная статья

УДК 111.86:14.38.5:14.38.3

EDN <https://elibrary.ru/saxypz>

DOI: 10.46726/И.2025.2.18

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИКИ И КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ ПОЛЯ

Анна Сергеевна Николаева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

anikolaeva84@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену современного медиадискурса. В качестве методологической базы выступает системно-синергетический подход. Автор рассматривает медиадискурс в контексте представлений об информационной сфере (семиосфере). Представлен опыт моделирования информационного поля на основе актуализации стандартной модели фундаментального взаимодействия в физике и квантовой теории поля. Сформулирована системно-синергетическая объяснительная модель динамики медиадискурса. Дано релевантное системное определение современного медиадискурса. Зафиксированы принципы функционирования современного медиадискурса и факторы его организованности — нелинейность, открытость, транзитивность, самоорганизация, адаптивность, устойчивость. Исследование раскрывает возможности расширения методологии социальных наук для анализа механизмов коммуникативного взаимодействия и управления процессами при формировании медиадискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, информационное поле, поле Хиггса, информационный квант

Для цитирования: Николаева А.С. Модель современного медиадискурса в контексте синергетики и квантовой теории поля // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 176—184.

Вместо введения. Современный медиадискурс представляет собой сверхсложную процессуальность, характеризующуюся особыми онтологическими, гносеологическими, аксиологическими и прагматическими аспектами. Рассмотрение этих измерений позволяет глубже понять природу медиадискурса и его влияние на общественные процессы.

Формирование концепции современного медиадискурса требует комплексного подхода, основанного на синтезе открытий 2010—2020-х годов в различных сферах научного знания. Междисциплинарность имеет решающее значение для разработки эвристичных решений проблем информационной эпохи. Исследование фундаментальных взаимодействий медиадискурса в рамках современной научной картины мира выходит далеко за рамки теории коммуникации, социологии, политологии и политических коммуникаций, психологии, антропологии, семиотики, теории информации и прикладных медиаисследований.

Современная научная картина мира сформирована открытиями в области физики конца XIX века — начала XX века, прежде всего, новой концептуальной теорией взаимосвязи вещества и энергии. В конце XX века были

сделаны значимые открытия в физике элементарных частиц: квантовая механика сделала существенный шаг в объяснении основ фундаментальных взаимодействий и пространственно-временных отношений.

В социальной философии в начале третьего тысячелетия происходит поворот от локально-цивилизационного видения к моделям глокализации общественных процессов по Р. Робертсону [Robertson], развиваются глобальные концепции соответствующего порядка, в числе которых концепции глобального информационного общества; открытого общества; устойчивого развития; ноосферы; управляемого хаоса и др. [Кузьменко: 48—100]. Сегодня исследования базируются на представлении о глобальном сетевом пространстве и тенденциях его развития в рамках информационной революции и шестого технологического уклада — конвергенции нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (так называемая НБИКС-конвергенция). Развивая ноосферную парадигму В.И. Вернадского, информационное общество рассматривается как подсистема ноосферы с действующим в ней основным ноосферным законом: «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» [Дмитревская, Портнов, Смирнов: 7]. Гносеологический аспект ноосферной парадигмы состоит в необходимости познания законов бытия информации и энергии для того, чтобы отличать информацию, способную генерировать созидательную энергию в пространственно-временном континууме, и дезинтегрирующее применение механизмов управления информационно-энергетическими процессами.

Информациосфера в контексте современного естествознания. «Естественнонаучные» приемы, наряду с математическими, заняли свое место в описании и прогнозировании социальной динамики. Теоретическое основание тому можно усмотреть как в «социальной физике» О. Конта [Конт], так и в недрах синергетики [Хакен: 359—362]. В рамках исследования современного медиадискурса представляется перспективным моделирование и применение результатов последних открытий естественных наук, в частности, физики, к динамике информациосферы. Принятое нами направление позволяет расширить методологическую базу социальных наук и, таким образом, по иному подойти к описанию организованности медиадискурса и закономерностей его развития.

Наука представляет как вещество, так и поле состоящими из взаимодействующих и взаимосвязанных частиц, а мир предстает как система самоорганизующихся процессов длящейся ко-эволюции систем в живой, неживой природе и социуме. В свою очередь информация рассматривается как фундаментальное свойство Вселенной, наряду с материей и энергией, она пронизывает все существующие процессы и структуры и участвует в их организации и функционировании: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [Винер: 201]. В дальнейшем исследователи обратили внимание на особые формы информационно-энергетического процесса, в результате которого информация приобретает форму энергии, производящей изменения в состоянии системы. М. Вонгсон, развив идеи Г. Ландуаэра и К. Шеннона, обосновал принцип эквивалентности массы, энергии и информации, согласно которому информация переходит в массу или энергию в зависимости от ее физического состояния, таким образом, определив информацию «пятым состоянием материи» [Vorson]. Таким образом, информация, как и другие виды энергии, может передаваться, храниться и обрабатываться.

В фокусе данной статьи — рассмотрение информационного процесса как системообразующего свойства коммуникативной системы в рамках действующей квантовой теории поля, равно как и формирование базовой модели (по аналогии со стандартной моделью фундаментального взаимодействия в

физике элементарных частиц¹). Актуализация стандартной модели фундаментальных взаимодействий и механизма Браута-Энглера-Хиггса позволяет глубже понять природу информационного поля и принципы его функционирования. С этой точки зрения медиадискурс выступает как подсистема информационного квантового поля. Подобно тому, как бозон Хиггса является квантом поля Хиггса, который придаёт массу другим элементарным частицам, информационный квант может быть рассмотрен как фундаментальная единица информации в квантовом информационном поле, который определяет свойства и механизмы информационно-энергетического взаимодействия элементов.

Квантово-информационное моделирование медиадискурса. Организованность современного медиадискурса в контексте сделанных замечаний может быть представлена следующим образом. Существует квантовое информационное поле, в результате взаимодействия с которым по энергетическому принципу информационный квант приобретает массу и предопределяет отношения в рамках информационного процесса.

Возникает возможность для создания модели информационного поля (включая процессы передачи и обработки информации в медиадискурсе), с учетом влияния различных факторов (скорости распространения информации, ее плотности и интенсивности, а также наличия каналов обратной связи между участниками коммуникации). Основой этой модели является представление о том, что медиадискурс действует в информационном квантовом поле, которое пронизывает все информационное пространство. По аналогии с принципом Браута-Энглера-Хиггса в информационном поле в результате коммуникативного взаимодействия акторов и аудитории в определенном пространственно-временном и семиотическом контексте происходит набор «массы», и информация приобретает актуальность, значимость, резонанс. В результате взаимодействия элементов поле наделяет информационные кванты (тексты) определенной «массой», то есть значимостью, влиятельностью или весом.

Под текстом в данном случае мы понимаем любую форму коммуникации как осмысленную последовательность любых знаков, а квантовое поле представляет собой наиболее фундаментальную и универсальную форму материи, где с каждой материальной частицей связано новое поле — поле амплитуд вероятностей². Применительно к информационному процессу фундаментальная

¹ Наиболее разработанной и подтвержденной экспериментально на сегодняшний день является стандартная модель фундаментального взаимодействия в физике элементарных частиц. Поле Хиггса было предложено в 1964 году как новый вид поля, заполняющего всю Вселенную и придающего массу всем элементарным частицам. Тогда же была выдвинута гипотеза о существовании отдельной частицы этого поля [Higgs: 508—509.] Взаимодействие с полем Хиггса и образование массы у частиц известно как механизм Браута-Энглерта-Хиггса. Разработка Стандартной модели завершалась открытием в результате экспериментов на Большом адронном коллайдере (Швейцария) бозона Хиггса в 2012 году как фундаментальной переносящей силу частицы поля Хиггса, которая отвечает за придание другим частицам их массы. При этом любая частица понимается как волна в поле, в котором происходит спонтанное нарушение симметрии. Частицы, входящие в субатомную модель (кварки, лептоны и промежуточные векторные бозоны), приобретают массу путем взаимодействия с полем Хиггса, которое является переносчиком особого взаимодействия — «пятой силы» (помимо электромагнитных слабых и сильных взаимодействий).

² См. подробнее: Ширков Д.В., Казаков Д.И. Квантовая теория поля // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/kvantovaia-teoriia-polia-b74143/?v=7827076> (дата обращения: 12.01.2025).

проблема коммуникации в квантовом поле заключена в том, чтобы выбранное в одной точке из возможного набора сообщение могло быть точно воспроизведено в некоторой другой точке³.

Применительно к описанным выше принципам квантового взаимодействия и результатам исследований функций и особенностей поля Хиггса [Тойчуев: 1358—1360] рассмотрим *ряд факторов организованности информационного процесса*.

В-нулевых, применительно к развиваемой нами концепции современного медиадискурса информационная среда представляет собой *пространственно-временной и семиотический контекст*, в котором протекает коммуникативный процесс в сфере средств массовой информации.

Во-первых, *информационное поле*, понимаемое как пространство, в котором происходит производство, обработка, хранение, обмен и потребление информации, — *однородно и равномерно* распределено в пространственно-временном континууме.

Во-вторых, *информационный вакуум*, как и физический вакуум, *не является абсолютной пустотой*, а имеет самое низкое энергетическое состояние, не равное нулю (поскольку значение «0» обозначало бы отсутствие поля).

Информационный вакуум как единая информационная среда представляет собой бесконечный набор информации в пассивном или равновесном состоянии, а информационный квант (текст) как часть квантового информационного поля приобретает вес («массу») в результате действия механизма спонтанного нарушения симметрии.

В-третьих, *информационные кванты (тексты) существуют в информационно-энергетическом поле, действующем по принципу поля Хиггса, взаимодействие с которым наделяет их «массой»*.

В контексте теории медиадискурса это означает, что определенные нарративы или источники информации могут получать больший вес, чем другие, в зависимости от интенсивности взаимодействия с информационным полем. Согласно модели, *тексты, которые сильнее взаимодействуют с полем, получают больший вес* (масса пропорциональна напряженности поля, умноженной на силу/интенсивность взаимодействия). Следовательно, чем сильнее взаимодействие информационного кванта (текста) с информационным полем, тем больший вес и влияние он приобретает в общем информационном ландшафте. Этот фундаментальный принцип лежит в основе механизма формирования информационной повестки, под которой мы понимаем набор тем, занимающих приоритетное место в средствах массовой информации или в общественном мнении в определенный период времени [Николаева].

В-четвертых, основой информационного процесса является *бесконечное движение (обмен информацией)*, где бесконечность суть процесс нарушения симметрии и стабилизации на новом уровне.

³ Решение этой проблемы К. Шеннон в 1948 году обозначил через проектирование такой системы, при котором она работает при каждом возможном выборе, при том, что на момент проектирования этот выбор неизвестен [Shannon: 379—423]. В дальнейшем синергетическая концепция позволила завершить решение этой коммуникативной проблемы через моделирование качественных изменений и вводом параметра наблюдателя (И. Пригожин) для открытых систем, которые обмениваются энергией, информацией и веществом. Современная коммуникативная теория общества (Н. Луман) оперирует уже одним из главных принципов социальной системы — самонаблюдением, наличием наблюдателя второго порядка и удвоением реальности [Луман: 13].

Таковы механизмы действия стабилизации и дестабилизации при выработке новой информации согласно концепции семиосферы Ю.М. Лотмана. В процессе обмена между участниками коммуникации действует закон зеркальной симметрии, обеспечивающий выработку текстов, новых смыслов, перевод текстов и семиотизацию фактов (семиозис) в семиосфере, которая определена как «континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [Лотман: 12]. При достижении компромисса и формировании некоего среднего ядра достигается стабилизация, а при экстремальном доминировании одной из тенденций происходит дестабилизация. Пройдя все этапы, цикл завершается новой компромиссной стабилизацией [Там же: 49].

В-пятых, информационный квант (текст) приобретает вес в результате собственного взаимодействия с информационным полем и вследствие квантово-информационного преобразования энергии *становится самостоятельным источником энергии для дальнейшего информационного процесса.*

В результате взаимодействия текстов в квантовом информационном поле происходит приращение информации. По сути, коммуникативный процесс приводит к изменениям в каждом из взаимодействующих объектов информационного поля, а не к простому сложению количества содержащейся в системе информации. Конвертация дополнительной информации порождает энергию, которая используется для продолжения коммуникации. Этот процесс носит постоянный, длящийся характер, коммуникация воспроизводится непрерывно на основе собственных результатов — в этом смысл аутопойезиса в социальных системах по Н. Луману.

Более того, коммуникация — главный, определяющий тип операции для всех социальных систем, а общество как социальная система воспроизводится на основе аутопойезиса коммуникации: «Так в сфере массмедиа возникает аутопойетическая, самовоспроизводящаяся система, более не зависящая от передачи в процессе интеракций между присутствующими. Лишь благодаря этому возникает оперативная замкнутость, вследствие которой система воспроизводит собственные операции из себя самой...» [Луман: 30]. Таким образом, информационные системы, каковой является и система медиадискурса, представляют собой непрерывно существующие самоорганизующиеся социальные системы, обеспечивающие неразрывность и непрерывность информационного процесса и коммуникативного взаимодействия в пространственно-временном континууме.

Наконец, в-шестых, *возможно ли «выключить» информационное поле и положить, таким образом, конец коммуникации?*

Еще на этапе подготовки к экспериментам на ускорителях частиц ученые всего мира предпринимали попытки моделирования «судного дня», и одной из гипотез, над которой работала Комиссия по безопасности ЦЕРНа, стал вакуумный распад и как следствие — новое стабильное состояние Вселенной. Выводы ученых на этом этапе подтвердили безопасность экспериментов на любом из современных адронных коллайдеров⁴.

⁴ Современные коллайдеры не способны выделить столько энергии, сколько, к примеру, генерируют каждую секунду 100 миллионов столкновений ионов космических лучей с ионами верхних слоев атмосферы Земли [Сэмпл: 113—115]. Инфляционная теория выдвигает гипотезу космической инфляции при достижении потенциала Хиггса свыше 10^{10} ГэВ при нулевом значении поля, что приведет к дестабилизации

По аналогии любая коммуникативная система, действуя в информационном поле с ненулевым напряжением, всегда будет стремиться к новой симметрии. Синергетическая парадигма представляет этот процесс перехода через точку бифуркации динамическим глобальным изменением состояния элементов социальной системы, но не прекращением информационного процесса и коммуникативного взаимодействия.

Системно-синергетическая модель современного медиадискурса. Зафиксируем наиболее общее системное определение, где *медиадискурс выступает как совокупность процесса производства и результатов коммуникативной деятельности в сфере средств массовой информации, то есть взятые во взаимосвязи предмет (тема), субъект (автор), объект (аудитория) и способ производства высказывания в медиасреде в определенном пространственно-временном и семиотическом контексте*. Таким образом, выделяются системные уровни медиадискурса: концептуальный — информационный процесс как уровень системообразующего свойства; структурный — коммуникативное взаимодействие как уровень системообразующего отношения; субстратный уровень занимает информация (тексты).

Синергетическая парадигма предоставляет эффективный инструмент для анализа медиадискурса, помогая выявить закономерности и тенденции его развития. С точки зрения системно-синергетического подхода медиадискурс выступает как самоорганизующаяся открытая нелинейная диссипативная динамичная система. Управляющие параметры медиадискурса включаются на концептуальном уровне протекающего информационного процесса (кодирование/декодирование и переработка информации в рамках данной семиотической системы); на уровне коммуникативного взаимодействия между элементами системы (каналы коммуникации и обратная связь, позиция акторов (авторов) и реализация ими властных полномочий, технологий управления, идеологии); на субстратном уровне — в принципах «свёртывания» информации в медиапродукт.

Обратим внимание на уровень коммуникативного взаимодействия и реализацию властных полномочий акторов медиадискурса. В теории языка и власти Н. Фэркло акторы коммуникации оперируют тремя типами ограничений, которые могут применять по отношению к невластным участникам: ограничения по содержанию, социальным отношениям и субъектам. Эти ограничения применяются систематически, оказывают долгосрочное воздействие на знания и убеждения, социальные отношения и социальную идентичность института или общества [Fairclough: 74—75]. В концепции Н. Фэркло дискурс определяет главные сферы жизни общества: он формирует ментальность и представление о мире, проводит социальную идентификацию и социальное позиционирование, определяет индивидуальность человека. Этот подход является логичным развитием концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман: 70].

На структурно-функциональном уровне в зависимости от целей субъекта конструирования социальной реальности, прежде всего, мы имеем в виду два направления воздействия — интегративное и дезинтегративное. Интегративная функция медиадискурса позволяет структурировать, создавать ядро,

вакуума. Однако ученые называют этот процесс энергетически невыгодным, а действие механизма спонтанной симметрии при достижении нового энергетического минимума приведет поле Хиггса в новое равновесное состояние.

транслировать, поддерживать и воспроизводить содержащиеся в общественном сознании знания, оценки, представления и идеи, содействовать объединению и мобилизовать, мотивировать индивидов и группы людей на определенные виды деятельности. Дезинтегративная функция, напротив, реализуется в виде технологий манипулирования общественным сознанием и разрушения стройной ценностно-ориентационной системы общества, девальвации ранее сформированных конструкций, демобилизации и демотивации, повышения уровня катастрофизма, который может привести к краху социальной системы. К примеру, в рамках проблематики информационно-когнитивной безопасности выведены специфические технологии разрушения дискурса — деструкция и управление страхами [Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: 66—67].

В рамках системно-синергетического подхода возникает возможность сформулировать *принципы организованности современного медиадискурса*: нелинейность, открытость, транзитивность, самоорганизация, адаптивность, устойчивость. Медиадискурс развивается нелинейно, то есть не всегда предсказуемо и последовательно, открыт для внешних воздействий и может изменяться под их влиянием, подвержен кризисам и конфликтам. Самоорганизация проявляется в способности медиадискурса к формированию новых структур и паттернов на основе взаимодействия различных элементов системы, что позволяет адаптироваться к изменениям и находить новые формы и способы функционирования. Адаптивность, в свою очередь, обеспечивает гибкость и способность медиадискурса приспосабливаться к новым условиям внешней и внутренней среды. Устойчивость же гарантирует сохранение основных характеристик и функций медиадискурса даже в условиях кризисов и конфликтов.

Вместо заключения. Современный медиадискурс — это многомерное гетерогенное квантовое информационное поле. В медиадискурсе фундаментальное взаимодействие строится на основе механизмов квантового поля с характерными особенностями энергетического обмена. Медиадискурс как часть информационного поля выступает одновременно в качестве процесса и результата коммуникативной деятельности в медиасфере, и в качестве среды формирования общественного мнения и шире — политического сознания.

Поле Хиггса, фундаментальная физическая концепция, провоцирует на эвристичную аналогию для понимания функционирования современного медиадискурса. Подобно тому, как поле Хиггса наделяет элементарные частицы массой, медиадискурс как поле формирует информационный поток и придает текстам ценность, значимость и вес. Динамическое информационное поле пронизывает все уровни коммуникативного взаимодействия в социальной системе, влияя на производство, распространение, интерпретацию информации. В свою очередь, функцией медиадискурса становится не только отражение, но и конструирование социальной реальности.

Конечно, предложенная модель фрагментарна и ограничена, прежде всего, теми формализованными задачами, которые мы решаем в рамках своего исследования. Однако социо-физическая и социо-философская методологии вкупе позволяют описать и смоделировать социальные взаимодействия в сложных системах, таких как медиадискурс, а также сформулировать принципы устойчивости социальных систем.

Список литературы / References

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
(Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge, Moscow, 1995, 323 p. — In Russ.)
- Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 331 с.
(Viner N. Cybernetics, Moscow, 1968, 331 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (Часть вторая) // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 2. 150 с.
(Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov D.G. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems (Part two), *Noospheric Studies*, 2002, no. 2, 150 p. — In Russ.)
- Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. 300 с.
(Kefeli I.F., Yusupov R.M. Information, psychological and cognitive security, St. Petersburg, 2017, 300 p. — In Russ.)
- Конт О. Курс положительной философии. Философия физики: научная литература. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1901. 166 с.
(Comte O. Course of positive philosophy. Philosophy of physics: scientific literature, St. Petersburg, 1901, 166 p. — In Russ.)
- Кузьменко К. А. Компаративистский социально-философский анализ социальных концепций и социальных стратегий глобализирующегося общества // Вестник Института развития ноосферы, 2019. № 5 (7). С. 48—100.
(Kuzmenko K. A. Comparative socio-philosophical analysis of social concepts and social strategies of a globalizing society, *Bulletin of the Noospheric Development Institute*, 2019, no. 5 (7), pp. 48—100. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 тт. Таллин: Александра, 1992. Том I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 247 с.
(Lotman Y.M. Selected articles in 3 vols, Tallinn, 1992, vol. I: Articles on the semiotics and topology of culture, 247 p. — In Russ.)
- Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
(Luhmann N. The reality of mass media, Moscow, 2005, 256 p. — In Russ.)
- Николаева А.С. Медиадискурс и формирование информационной повестки: факторы и тренды современности // Региональная журналистика, реклама и связи с общественностью: вызовы и решения: Сборник статей и материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 28–31 марта 2023 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 103—114.
(Nikolaeva A.S. Media discourse and the forming the information agenda: modern factors and trends, *Regional journalism, advertising and public relations: challenges and solutions*, Ivanovo, 2024, pp. 103—114. — In Russ.)
- Сэмпл И. В поисках частицы Бога, или Охота на бозон Хиггса / пер. с англ. Т. Лисовской. Москва: КоЛибри. 2012. 413 с.
(Sample I. In search of the God particle, or the hunt for the Higgs boson, Moscow, 2012, 413 p. — In Russ.)
- Тойчуев Р.М. Об устройстве, функциях и особенностях поля Хиггса // Успехи современного естествознания. 2015. № 1—8. С. 1358—1360.
(Toychuev R.M. On the structure, functions and features of the Higgs field, *Successes of modern Natural Science*, 2015, no. 1—8, pp. 1358—1360. — In Russ.)
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
(Haken G. Synergetics, Moscow, 1980, 406 p. — In Russ.)
- Fairclough N. Language and Power, New York: Longman Inc., 1996, 259 p.

Higgs Peter W. Broken symmetries and the masses of gauge bosons, *Physical review letters* 13, 1964, no. 16, pp. 508—509.

Robertson R. Globalization: social theory and global culture, London: Sage Publications, 1992, 211 p.

Shannon C.E. A mathematical theory of communication, *The Bell system technical journal*, 1948, vol. 27, no. 3, pp. 379—423.

Vopson Melvin M. Experimental protocol for testing the mass-energy-information equivalence principle, *AIP Advances*, 2022, vol. 12, iss. 3, 6 p.

A MODEL OF MODERN MEDIA DISCOURSE IN THE CONTEXT OF SYNERGETICS AND QUANTUM FIELD THEORY

Anna S. Nikolaeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of modern media discourse. The methodological basis is a system-synergetic approach. The author considers media discourse in the context of ideas about the information sphere (semiosphere). The experience of modeling the information field based on the actualization of the standard model of fundamental interaction in physics and quantum field theory is presented. A system-synergetic explanatory model of the dynamics of media discourse is formulated. A relevant systemic definition of modern media discourse is given. The principles of functioning of modern media discourse and the factors of its organization are recorded — nonlinearity, openness, transitivity, self-organization, adaptability, stability. The study reveals the possibilities of expanding the methodology of social sciences to analyze the mechanisms of communicative interaction and process management in the formation of media discourse.

Keywords: media discourse, information field, Higgs field, information quantum

For citation: Nikolaeva A.S. A model of modern media discourse in the context of synergetics and quantum field theory, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 176—184.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 01.04.2025.

Информация об авторе / Information about author

Николаева Анна Сергеевна — аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anikolaeva84@rambler.ru, SPIN: 3999-1764

Nikolaeva Anna Sergeyevna — postgraduate student in Social and Political philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 185—191.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 185—191.

Научная статья

УДК 111.86:316.7

EDN <https://elibrary.ru/sgjafe>

DOI: 10.46726/И.2025.2.19

ГЛОБАЛЬНЫЙ АУДИТ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАЧЕСТВА

Артем Оганесович Асланян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

artem.aslanyan.97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции философии Римского клуба и его идейного лидера Аурелио Печчеи в контексте представлений о человеческом качестве. Отмечено, что проблематика человеческого качества неизменно присутствует в контексте глобальной рефлексии. Проанализировано категориальное пространство современной философии аудита через компаративный анализ категорий «человеческий капитал» и «человеческое качество». Выявлена фундаментальная экзистенциальная проблема современного человека — асинхронность бытия и мышления, определена социокультурная эффективность их синхронизации. Показан ноосферный потенциал проблематизации мир-системы в контексте техносферы как четвертого дестабилизирующего элемента. Разобраны новые роли человека — арбитра и аудитора — в рамках философии Римского клуба. Представлены основания «аудиторской философии» Римского клуба. Предложен новый тип аудита в сфере духовного производства — ноосферный аудит. Сделан вывод об эвристичности постановки проблемы аудита системообразующих свойств и отношений.

Ключевые слова: Римский клуб, высшее образование, философия аудита, духовное производство, человеческое качество, глобальный аудит, глубинный аудит, ноосферный аудит

Для цитирования: Асланян А.О. Глобальный аудит и гуманитарная экспертиза: к вопросу оценки человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 185—191.

Вместо Введения. XX век вошел в глобальную историю как век мировых катастроф, чем-то напоминающий ситуацию «войны всех против всех». Вместе с тем именно он оказался веком новой (после эпохи Возрождения) человеческой революции [Смирнов]. Фокус этой «коренной ломки» связан не столько с изменением качества человека (хотя и «евгенический» дискурс имел место), сколько с трансформацией человеческого качества. Подобная бинарная проблематизация привела, соответственно, к формированию парадигм техногенного (техносферного) человека [Храпов], трансгуманизма [Юдин], с одной стороны, и теории ноосферного человека [Меликян], с другой.

Одним из первых¹ обратил внимание на феномен человеческого качества Аурелио Печчеи [Печчеи] — первый президент Римского клуба, международной

© Асланян А.О., 2025

¹ В философско-антропологическом ключе, наверное, эта заслуга принадлежит Пьеру Тейяру де Шардену — автору книги «Феномен человека», задуманной в конце

общественной организации, в фокусе внимания которой оказались так называемые глобальные проблемы современности.

В предлагаемой таблице представлена критериальная динамика оценки деятельности человечества Римским клубом, которая показывает изменение системообразующего свойства «глобального» аудита.

Критериальная матрица глобального аудита в 1972, 1992 и 2012, и 2017 годах

Кластер аудита / год	1972	1992	2012 и 2017
Экологический и технологический	исчерпаемость ресурсов, резистентность среды, устойчивость экосистем	экологичность технологий, альтернативность ресурсов	изменчивость климата
Экономический и политический	устойчивость роста, «зеленость» экономики, доступность ресурсов	конвенциональность охраны окружающей среды	низкоуглеродность экономики
Демографический и социальный	численность населения, урбанизация цивилизации	«союзность» стратегии и тактики, субъектность глобальных проблем	миграционность / подвижность народонаселения
Образовательный и культурный	доступность образования и здравоохранения	экологичность сознания, ответственность поведения	комплексность науки и образования, устойчивость глобального социума

Хроника докладов Римского клуба, отчет которых начался в 1972 году, демонстрирует, что проблематика человеческого качества имплицитно присутствует в контексте глобальной рефлексии. Она отчетливо видна, например, в следующих докладах: 1977 — «Цели для человечества» (“Goals for Mankind”), 1978/79 — «Нет пределов обучению» (“No Limits to Learning”), 1988 — «Революция босоногих» (“The Barefoot revolution”), 2000 — «Человечность побеждает» (“Menschlichkeit gewinnt”), 2002 — «Искусство связанного [системного] мышления» (“The Art of Interconnected Thinking”). Вместе с тем, анализируемая проблематика «сходит на нет»: начиная с 2000-х, фокус внимания сосредотачивается на комплексной экономической, демографической, социальной и экологической устойчивости. Заметим здесь, что собственно философия Римского клуба представлена непосредственно программной работой Аурелио Печчеи [Печчеи], тогда как сами доклады Римскому клубу представляют собой ее «эмпирическую конкретизацию».

Реалии актуального технологического уклада заставляют пересмотреть место и роль человеческого качества в контексте парадигмы устойчивого развития. Особенно это значимо для России, которая, наверное, первой среди цивилизационных гигантов обратила внимание на приоритет духовных ценностей над материальными, на опережающее развитие духовного производства по сравнению с материальным. В этой логике проблематика глобального аудита человеческого качества обретает актуальное звучание [Smirnov, Artemyeva].

1930-х годов, но изданной посмертно в 1955 году. Хотя истоки дискурса «качественного понимания» человека можно обнаружить и в творчестве Макса Шелера, обозначившим «положение человека в космосе» (ср. оборот А. Печчеи — «положение человека в мире»).

Человек в философии аудита: ресурс, капитал, или потенциал? Современная философия аудита чаще всего оперирует терминами «аудит персонала организации», «аудит человеческих ресурсов», «аудит человеческого капитала», «аудит человеческого потенциала». Человек в обозначенных подходах предстает как персонал, как ресурс, как капитал, иными словами — в своей «экономической» форме. Ближе всего к нашему дискурсу качественного понимания вещей оказывается аудит человеческого капитала, где индивид мыслится как совокупность способностей и навыков работников, влияющая на их производительность [Авдеева].

Для нас принципиально важным является тот момент, что при «определенных специфических условиях человеческий капитал может приобретать иррациональную форму», прежде всего, когда «речь идет об эффективном использовании ценных качеств человека, преимущественно в высших формах деятельности в рамках нерентабельного производства (например, в науке, культуре и искусстве, государственном и муниципальном управлении, благотворительности, воспитании и образовании...)»² [Хайкин]. Именно в этом контексте и можно вести речь об аудите духовного производства. Категория человеческого капитала сохраняет выраженный экономико-генный оттенок, но постепенно отходит на второй план в рамках перехода «от неэкономического сознания к неоэкономическому сознанию» [Одинцова]. С учетом сказанного термин «человеческое качество» рассматривается нами как более философско-ориентированный и, в силу этого, более адекватный исследуемому тезуарусу.

Человеческое качество и проблема асинхронности бытия. Поистине экзистенциальная проблема современного человека — это проблема асинхронности бытия и мышления. А. Печчеи фиксирует эту ситуацию так: человек «оказался неспособным... идти в ногу и... приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир» [Печчеи: 43]. В свете соотношения бытия и сознания (мышления) ее можно представить следующим образом: то человеческая (в том числе и научная) мысль не поспевает за скоростью технического прогресса, то динамика сознания опережает технологический уклад. В глобальном (планетарном) смысле моменты синхронизации — крайне редки и мимолетны. «Проблема в итоге сводится к *человеческим качествам* [*человеческому качеству*] и путям их совершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств ... можно добиться изменения всей ... цивилизации» [Там же]. Одним из (светских) социальных институтов, в котором создаются условия «примирения» человека и мира, равно как и генерируются способы совершенствования человеческого качества, является образование. Именно оно пытается, с одной стороны, подтянуть индивида до уровня актуального научного знания, а, с другой, адаптировать науку для еще неокрепшего ума «человека массы». Синхронизация же бытия и сознания дает поразительные (как демонстрирует история) результаты в плане изменения человеческого качества³.

«Четвертый элемент»: последствия для Человека. «Элементарная» философия обнаруживает себя еще в античности и пронизывает всю интеллектуальную историю. Представление мира через призму элементарного состава

² Хайкин М.М. Эволюция теории человеческого капитала. URL: <https://nlr.ru/news/20170427/haikin.pdf> (дата обращения: 01.12.2024)

³ Наиболее ярким примером считаем в этом контексте советскую общеобразовательную и высшую школы. Именно она, с нашей точки зрения соответствует исходному пониманию человеческого качества не как индивидуализированной формы, а как «среднего» качества миллиардов жителей планеты [Печчеи: 73].

весьма разнообразно — от натурфилософской парадигмы (вода, воздух, земля, огонь, камень) до периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева. А. Печчеи формулирует собственную элементарную философию. Мир он представляет как систему трех взаимосвязанных и устойчивых элементов — Природы, Человека и Общества, к которой закономерно присоединился дестабилизирующий четвертый элемент — Техника [Там же: 66]. Фактически здесь итальянский мыслитель говорит о техносфере — сфере техники и технологий, которая стала в XX веке реальным домом человечества.

Переход от тернарности к плюральности (квартарности), по А. Печчеи, изменяет роль человека в этой системе: он обречен на то, чтобы играть *«совершенно новую роль арбитра, регулирующего жизнь на планете, включая и свою собственную жизнь»* [Там же: 71—72]. Мыслитель оговаривается, что роль эта во многом фьючерная, реализуемая лишь в будущем.

Арбитр vs аудитор. Термин «арбитр» (arbitrator) позаимствован из латинского языка и в переводе означает наблюдатель, посредник, третейский судья⁴. Думается, что роль, которую возложил на себя Римский клуб и его участники, далека от «арбитража», но вполне укладывается в содержание понятия «аудитор». Последнее также имеет латинское происхождение — auditor — это человек, слушающий (в широком смысле глагола «слушать») с определенной целью, с целью последующих действий.

Следуя логике А. Печчеи, резонно предположить, что роль скоро роль арбитра пока для человека «не доступна», он вынужден сконцентрироваться на роли аудитора. В семиотическом контексте аудитор предстает как человек (или институция), который воспринимает знаки универсума (термин Х. Ортеги-и-Гассета) с целью его совершенствования.

Дело науки и образования. Роль науки и образования в этом контексте заключается не столько в совершенствовании «отдельных качеств отдельных людей», сколько в более остром восприятии своего нового положения в мире, в повышении осознания глобальной силы и ответственности и, что особенно важно, в совершенствовании способности оценки собственных действий [Там же: 84]. Здесь отчетливее всего озвучивается мысль о том, что итогом целеполагания работы Римского клуба и, собственно, Аурелио Печчеи является социокультурная динамика сознания. В терминологии ивановской философской традиции, здесь речь идет об антропологической транзитивности — от техносферного человека с его сциентистско-технократическим сознанием к ноосферному человеку [Смирнов, Меликян]. Соответственно, глобальный аудит должен иметь своим системообразующим свойством совершенствование способности рефлексии — от локального к глобальному.

«Аудиторская философия» Римского клуба. Анализ докладов Римского клуба (с опорой на позицию Аурелио Печчеи) позволяет зафиксировать некоторые философские критериальные основания оценки человеческого качества (как качества человечества). Среди них следует отдельно назвать такие системообразующие свойства и отношения, которые могут иметь значение для аудирования образовательного пространства.

⁴ При этом бросается в глаза разноречивость языковой рефлексии: от бездействия к «медиации» и, далее, к действию — «(о)суждению». Можно предположить, что такая разворачиваемость термина отражает и масштабируемость самой роли человека от относительно простой (наблюдатель) к сверхсложной (судья).

Первое — это *комплексность* (или глобальность, тотальность) оценки, которая ориентирована на учет максимально возможного (поддающегося оценке) количества внутренних факторов деятельности системы. Второе — это *субъектноцентричность* оценки, что предполагает зависимость целеполагания от аксиологии и праксиологии аудируемой системы. Третье — это *прогностический характер* оценивания, использующий потенциал так называемого опережающего отражения — понимания нынешнего состояния системы через призму ее будущего. Четвертое — это *некатегоричность* (дифференцированность) оценки, которая учитывает потенциальное изменение системы и предполагает соответствующую корректировку, в том числе и процедуры оценивания. Пятое — это *экологичность* оценки, которая принимает во внимание влияние оценки на смежные системы. Названные пять позиций образуют своеобразный пентабазис (который может быть дополнен и иными позициями) современного аудита систем духовного производства, который, с нашей точки зрения, целесообразно обозначить как ноосферный аудит.

Ограничимся здесь лишь несколькими аргументами в пользу подобной постановки вопроса — выделения нового типа аудита. В первую очередь, речь здесь идет о сфере духовного производства, к которой, думается, не совсем применимы критерии оценки производства материального. Во-вторых, объектом оценки оказывается, в конечном счете, сознание / мышление (за исключением институциональной оценки университета в целом), иными словами — ноосферные феномены. В-третьих, предмет оценки в данном случае — это информация (в ее разнообразных формах и измерениях), которая как раз на ноосферном этапе развития занимает уровень системообразующего свойства.

Вместо Заключения. В нашей системе референций ноосферный аудит в высшем образовании понимается как аудит свойств и отношений, носителем которых выступают различные (разноуровневые) акторы образовательной системы — студенты, преподаватели (субъектный уровень) и университет (институциональный уровень) в целом. Концепт-аналогом ноосферного аудита вполне может считаться глубинный аудит⁵, который строится на преодолении поверхностности (серфинговости, в терминологии Т. Черниговской) цифрового плана выражения духовного производства и погружении (дайвинга, в терминологии Т. Черниговской) в сферу свойств и отношений.

Список литературы / References

- Авдеева Д.А. Показатели человеческого капитала в исследованиях экономического роста: обзор // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 26. № 2. С. 240—269.
- (Avdeeva D.A. Human capital indicators in economic growth studies: a review, *Economic Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 240—269. — In Russ.)
- Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. С. 204—221.
- (Leibin V.M. Club of Rome: chronicle of reports, *Philosophy and Society*, 1997, no. 6, pp. 204—221. — In Russ.)

⁵ Термин «глубинный аудит» предлагается во многом в рамках анализа парадигмы «глубокой семиотики», которая предполагает «смещение акцента с описания сущего и преобразовательного активизма к осмыслению как порождению новых возможностей, сценариев реальности и поведения...» [Тульчинский: 50].

- Меликян М.А. Совершенный человек и ноосфера: личностно-персоналистическая репрезентация человеческой революции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
(Melikyan M.A. The perfect man and the noosphere: personal-personalistic representation of the human revolution, Ivanovo, 2016, 200 p. — In Russ.)
- Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Философия человеческого качества: искушение hi-tech и hi-hume искупление // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 174—182.
(Melikyan M.A., Smirnov D.G. Philosophy of human quality: the temptation of hi-tech and hi-hume redemption, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 2, pp. 174—182. — In Russ.)
- Одинцова А.А. От неоекономического сознания к нооэкономическому сознанию: категориальный дискурс философии хозяйства // Философия хозяйства. 2018. № 1 (115). С. 102—118.
(Odintsova A.A. From neoeconomic consciousness to nooeconomic consciousness: categorical discourse of the philosophy of economy, *Philosophy of Economy*, 2018, no. 1 (115), pp. 102—118. — In Russ.)
- Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 313 с.
(Peccei A. Human qualities, Moscow, 1985, 313 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
(Smirnov G.S. Formation of the noosphere: world intelligentsia and global consciousness, Ivanovo, 2016, 428 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Меликян М.А. Ноосферность: концептуальная логика антропологической транзитивности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 109—115.
(Smirnov G.S., Melikyan M.A. Noosphericity: conceptual logic of anthropological transitivity, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2020, no. 1, pp. 109—115. — In Russ.)
- Тулчинский Г.Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и пост-человеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 32—51.
(Tulchinsky G.L. Shift of the humanitarian paradigm, transcendental subject and posthuman personology, *Methodology and History of Psychology*, 2010, vol. 5, iss. 1, pp. 32—51. — In Russ.)
- Храпов С.А. Техногенный человек: Проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66—75.
(Khrapov S.A. Technogenic man: Problems of sociocultural ontologization, *Questions of Philosophy*, 2014, no. 9, pp. 66—75. — In Russ.)
- Юдин Б.Г. Трансгуманизм — наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 5—17.
(Yudin B.G. Transhumanism — our future?, *Chelovek*, 2013, no. 4, pp. 5—17. — In Russ.)
- Smirnov G., Artemyeva A. The cosmoplanetary economy of lost humanity: the postnonclassical version of noospheric ontology (philosophical reflection), *Philosophy and Cosmology*, 2021, vol. 26, pp. 156—168.

GLOBAL AUDIT AND HUMANITARIAN EXPERTISE: ON THE QUESTION OF ASSESSING THE HUMAN QUALITY

Artem O. Aslanyan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, artem.aslanyan.97@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the philosophy of the Club of Rome and its ideological leader Aurelio Peccei in the context of ideas about human quality. It is noted that the problem of human quality is invariably present in the context of global

reflection. The categorical space of modern philosophy of audit is analyzed through a comparative analysis of the categories of “human capital” and “human quality”. The fundamental existential problem of modern man is revealed — the asynchrony of being and thinking, the socio-cultural effectiveness of their synchronization is determined. The noospheric potential of problematization of the world-system in the context of the technosphere as the fourth destabilizing element is shown. New roles of man — arbitrator and auditor — are analyzed within the framework of the philosophy of the Club of Rome. The foundations of the “audit philosophy” of the Club of Rome are presented. A new type of audit in the sphere of spiritual production is proposed. A conclusion is made about the heuristic nature of the formulation of the problem of auditing system-forming properties and relations.

Keywords: Club of Rome, higher education, audit philosophy, spiritual production, human quality, global audit, deep audit, noospheric audit

For citation: Aslanyan A.O. Global audit and humanitarian expertise: on the question of assessing the human quality, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 185—191.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 01.04.2025.

Информация об авторе / Information about author

Асланян Артем Оганесович — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Вологда, Россия, artem.aslanyan.97@mail.ru

Aslanyan Artem Oganessovich — postgraduate student, Ivanovo State University, Volgda, Russian Federation, artem.aslanyan.97@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 192—198.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 192—198.

Научная статья

УДК 111:574.5:004.9

EDN <https://elibrary.ru/tngjmi>

DOI: 10.46726/H.2025.2.20

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНОЛОГИИ НООСФЕРНОГО АУДИТА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Артем Оганесович Асланян, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

artem.aslanyan.97@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья продолжает разработку концепции аудита человеческого качества в контексте представлений о гуманитарной экспертизе. В качестве базовой методологии авторы ориентируются на системный подход (язык тернарного описания). Проанализированы и соотнесены понятия «гуманитарная экспертиза» и «аудит человеческого качества». Уточнены дефиниции понятий «техносферный аудит» и «ноосферный аудит», осуществлен компаративный анализ указанных терминов. Ноосферный аудит определен как концепция, относящаяся к постнеклассической научной картине мира. Определены координаты ноосферного аудита в системе бинарных оппозиций когнитивного аудита и аффективного аудита, констатирующего аудита и формирующего аудита. Выявлены философские основания концепции ноосферного аудита.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, техносферный аудит, ноосферный аудит, когнитивный аудит, аффективный аудит, формирующий аудит, духовное производство, университетский аудит

Для цитирования: Асланян А.О., Смирнов Д.Г. Философия технологии ноосферного аудита: опыт концептуализации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 192—198.

Введение. Философию в контексте современных реалий следует, скорее, мыслить не только как науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, не только как мировоззрение (или его часть), но и как теорию внешнего и внутреннего миропостроения. (При этом построение нельзя отождествить с конструированием. Последнее имеет ярко выраженный механистический (инженерный) характер, тогда как построение соотносится со сферой духовного производства.)

В фокусе нашего внимания — философия технологии (а не как обычно философия техники) — относительно новый срез философского знания, который исследует «взаимосвязь науки, технологии и общества в современных условиях» [Моторина 2011: 7]. При этом философия технологии «доукомплектовывается» прикладным измерением философии — философскими технологиями, которые (и для нас это крайне важно) «выполняют функцию гуманитарной экспертизы» [Там же: 8].

Цель исследования — определить философские основания гуманитарной экспертизы сферы духовного производства, а в терминологии ивановской школы философии сознания и ноосферы — зафиксировать философские основания

ноосферного аудита как аудита человеческого качества. Статья продолжает исследовательскую линию аудита человеческого качества, начатую в предыдущем материале [Асланян, Смирнов].

В системе духовного производства нас интересует сфера образования, в частности высшего. Последняя оказывается неразрывно связана с пространством как экономики, так и (гео)политики. Высшее образование имеет дело со стадией оформления «среднего» человеческого качества, которое оказывается базой человеческого ресурса, человеческого капитала, человеческого потенциала.

Методология. В качестве базовой методологии выступает системный подход, или так называемый язык тернарного описания, разработанный А.И. Уёмовым [Уёмов 1963, 1978], и адаптированный к дискурсу гуманитаристики И.В. Дмитриевской [Дмитриевская 1997]. Данная методология базируется на признании эвристичности традиции качественного понимания вещей, что соответствует избранной нами для анализа сфере духовного производства¹.

Язык тернарного описания позволяет рассмотреть систему высшего образования, равно как и университет на предмет их целостности. Целостность любого образования / институции задается его / ее системностью. Системный подход в этом случае обеспечивает выявление системообразующего свойства, системообразующих отношений и элементов системы. При этом системность предполагает «движение» мысли от свойств и отношений к элементам, а не наоборот. Только так выстраивается целостность: размышление, строящееся от элементов к отношениям и свойствам, методологически «ангажированно», искусственно.

Гуманитарная экспертиза и аудит человеческого качества. В условиях дигитализации не только технологического, но и повседневного уклада значение гуманитарной экспертизы только возрастает. Она характеризуется следующими моментами: ориентацией на опережающее отражение, диалоговую форму и метакомпетентность [Луков: 197]. В контексте университетского аудита гуманитарная экспертиза предстает в качестве социальной технологии. Нам импонирует антропо-семиотическая позиция Г.Л. Тульчинского, согласно которой «за человеком — существом, в общем-то, амбивалентным — надо видеть главное, то, носителем чего он ... выступает» [Тульчинский: 32] — в нашем случае — свойства и отношения. Гуманитарная экспертиза заточена на «соотношение социально-культурного (нормативно-ценностного) и личностного уровней» [Там же: 33], что составляет, на наш взгляд, содержание высшего образования.

Следует подчеркнуть, что «в формировании субъектности гуманитарной экспертизы особую роль играет рефлексия на ее основания, естественно выступающая прерогативой философии» [Киященко, Тищенко: 155]. Философский удел в этом ключе состоит как раз «в рефлексии на методологические и нормативные условия...» [Там же], что и является предметом рассмотрения данной статьи. Предлагаемая формула субъектности «указывает на определенную независимость экспертной субъектности от непосредственной связи с научным рационализмом» [Там же: 153].

С учетом вышесказанного представляется, что понимаемая в философском смысле гуманитарная экспертиза как технология является своеобразной «отсутствующей структурой» (в терминологии У. Эко) парадигмы ноосферного аудита. Она «выстраивается не как законченная процедура, а как процессуальная форма,

¹ Комплементарный нашему подход развивает Т.Н. Соснина в контексте «анализа качественно-количественных параметров продукта в двух вариантах жизненного цикла продукта (в вещественном и невещественном)» [Соснина 2008].

как способ мониторинга глубинного процессуального сдвига, смещения границ человека, его нормы, и постоянного ее восстановления, возрождения в новой реальности» [Синюкова, Смирнов: 45]. Фокус гуманитарной экспертизы сосредоточен на теоретико-методологических основаниях, «дельте» глубинных изменений и их условиях. В теории ноосферного аудита она дополняется комплементарными технологиями.

Ноосферный аудит: проблема понимания и дефиниции. Традиционно аудит, будучи возвращен в недрах экономики (конкретнее — финансов), ориентирован в философском плане на пространственную (количественную) традицию понимания вещей. В пределе он предполагает оцифровку анализируемого объекта, единообразное выражение всех его качеств. В результате мы имеем дело с «измененным свойством» и «измененным отношением». На языке тернарного описания это может звучать так: оцифровка «убивает» системообразующее свойство, понижая масштаб анализа до субстратно-структурного уровня. В системе наших референций это пример техносферного аудита, где главную роль играют вещи-сами-по-себе, взятые отдельно от свойств и отношений, «частью» которых они являются.

Наряду с техносферным аудитом², можно вести речь и о ноосферном аудите. Под ноосферным аудитом мы понимаем *гуманитарную экспертизу свойств и отношений (овеществленных свойств и отношений), носителем которых выступают различные (разноуровневые) акторы той или иной системы*. В системе образования — это студенты, преподаватели (субъектный уровень) и университет в целом / система образования (институциональный уровень).

Возникновение самого понятия «ноосферный аудит» подчиняется не механистической логике (как это может показаться в первом приближении). Качество ноосферности аудита вырастает из самой динамики актуального технологического уклада, в рамках которого количественный акцент сменяется на качественный: имеет сущностное значение не количество информации, а ее качество, не количество информационных структур, а их функционал, не количество субъектов, а их компетентность (иными словами, их качество).

В этой логике размышлений эвристичным представляет позиция, требующая потенциал гегелевской триады «количество — качество — мера». Так, Т.Н. Соснина предлагает рассматривать меру как своего рода зону, в пределах которой определенное качество может модифицироваться [Соснина 2016: 187] (см. также [Современный философский словарь: 281]). Ноосферный аудит, ориентированный на категорию меры, в том числе (а может быть, и в первую очередь) призван ответить на вопрос о возможности совершенствования определенного качества в рамках аудируемой системы.

К характеристике ноосферного аудита: первое приближение. Введение нового термина (за которым скрывается формирующийся феномен) требует «вписания» его в существующую научную картину (мира), научный дискурс. Самый легкий путь — поместить ноосферный аудит в матрицу научных картин (мира). В этой логике он соотносится с постнеклассической

² В методологической плоскости под *техносферным аудитом* мы предлагаем понимать сугубо количественную экспертизу результатов деятельности той или иной системы в их вещественном выражении, отчужденных (в том числе и для удобства анализа) от самой системы. Предмет техносферного аудита — вещи, абстрагированные от присущих им свойств и отношений. (Заметим, что не следует отождествлять техносферный аудит с «комплексной оценкой обеспечения производственной, промышленной и экологической безопасности объектов экономики».)

картиной³: своим предметом он имеет открытые неравновесные системы, будущее которых определяется не столько прошлым и настоящим, сколько будущим. (В этом — опережающем отражении, фьючерной ориентации — как раз и заключается специфика рассматриваемого типа аудита.)

Ноосферный аудит как аудит человеческого качества характеризует синтетический пафос: он обнаруживает себя на пересечении, казалось бы, контрдикторных дискурсов. Таковыми являются, например, когнитивный аудит [Masauly] и эмоциональный аудит [Ясько, Покуль, Гурова], констатирующий аудит и формирующий аудит [Майер].

Когнитивный аудит vs аффективный аудит. Все больше исследователей обращает внимание на сложности оценки последствий технико-технологического «вмешательства» в духовно-нравственную сферу [Черникова: 114], или сферу духовного производства.

Так, на повестке дня оказывается так называемый когнитивный аудит [Пожарицкая], который предполагает оценку (экспертизу) когнитивных процессов в контексте возрастающего влияния на сознание и мышление искусственного интеллекта⁴. Комплементарна приведенному суждению и модель интеллектуального аудита (ИИ-аудита), «методология которого основывается на технологии машинного обучения» [Якимова]⁵.

В сфере психологии активно обсуждается феномен эмоционального аудита как «экспертизы» эмоций и реакций. Последний еще не получил прописки в научном пространстве, но эвристичность такой постановки вопроса не вызывает сомнений с учетом востребованности такого феномена как эмоциональный интеллект.

Теория ноосферного аудита преодолевает крайние позиции рассмотренных концепций: она масштабирует субъектность когнитивного аудита, включая в него всех акторов процесса, сохраняет за мыслящим субъектом когнитивные процессы, которые в рамках интеллектуального аудита предлагаются передать в ведение AI [Там же: 298], включает в предметное поле аффективную составляющую, которая игнорируется в классическом аудите, равно как и в цифровом аудите.

*Констатирующий аудит / Формирующий аудит*⁶. Констатирующий (а может быть, правильное назвать его классическим) аудит сконцентрирован на том, чтобы собрать «анамнез» и, в лучшем случае, поставить «диагноз»

³ Формальным признаком валидности такой атрибуции будет то, что в классической картине (мира) фокус внимания сосредоточен на вещах (элементах), в неклассической — на отношениях (структуре), а в постнеклассической — на свойствах. Именно в постнеклассической картине мира возможен собственно системный взгляд на мир, ибо она востребует все необходимые для этого «данные» — свойства, отношения и элементы.

⁴ И.М. Пожарицкая предлагает следующее определение когнитивного аудита — это «наука, занимающаяся процессами мышления аудитора и ментальными состояниями, связанными с формированием профессионального суждения и формулированием (высказыванием) аудиторского мнения». Полагаем, что данное определение носит субъектно узкий характер. Для нас пространство когнитивного аудита распространяется на всех акторов духовного производства.

⁵ А.И. Попова удачно, на наш взгляд, переходит от формального дискурса «цифрового аудита» к содержательному «риск-ориентированному аудиту» [Попова].

⁶ Предлагаемая оппозиция рядоположена распространенному делению в рамках психологии, где принято различать констатирующий эксперимент и формирующий эксперимент. Подобная ситуация сложилась и в пространстве социологии, где оперируют терминами «формирующий опрос» и «фактологический [factual] опрос». (Вероятно, в контексте новой геополитической реальности можно говорить и о «формирующий истории», которой сопутствует «история фактологическая».)

аудируемой системе в индикаторах «температуры», «давления», «флюидных показателей» и прочего. Числовая оценка в этом случае бинарна — «практически здоров» (годен) или «болен» (не годен).

Формирующий аудит имеет целью не только зафиксировать положение дел в «системе» на данный момент времени (будучи ориентирован не только на прошлую и настоящую темпоральность), но и оценить потенциал динамики «системы» в плане совершенствования качеств. В самом общем виде цель формирующего аудита «состоит в том, чтобы прочно закрепить сохранение ... ценностей в организациях и наладить постоянный процесс отражения текущего состояния дел и соответствующих решений в пользу дальнейшего развития» [Майер: 22].

Думается, что система образования остро нуждается в когнитивно-аффективном аудите, осуществляемом «по правилам» формирующего модуса. Подобное технико-технологическое сочетание обеспечит комплексную оценку глубины, процессуальности и динамичности этой значимой структуры духовного производства.

Вместо Заключения. Ноосферный аудит образования — его субъектных и институциональных форм — имеет определенные философские — онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические — основания. Во-первых, он обусловлен спецификой духовного производства, где во главе угла стоит не результат, а процесс (как результат). Во-вторых, он ориентирован на модель качественного понимания вещей, то есть в его фокусе оказываются овеществленные свойства и отношения (а не сами «вещи», которые выступают носителями определенных свойств и отношений). В-третьих, он имеет собственное «предметное пространство», возникающее на пересечении «аффективного аудита» и «когнитивного аудита», анализ которого позволяет оценить адекватность элементов («когниций») и отношений (эмоций). В-четвертых, он, с точки зрения целеполагания, является выраженным формирующим аудитом (или констатирующе-формирующим аудитом), корректирующим траекторию развития образования в соответствии с логикой актуального цивилизационного уклада.

Список литературы / References

- Асланян А.О., Смирнов Д.Г. Философия университетского аудита: противоречивость регулятивов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 158—164.
(Aslanyan A.O., Smirnov D.G. Philosophy of university audit: contradictory of regulations, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 158—164. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету / отв. ред. Г.С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
(Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, *Noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, ed. by G.S. Smirnov, Ivanovo, 1997, pp. 8—27. — In Russ.)
- Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Гуманитарная экспертиза: герменевтика субъектности // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. № 2 (63—64). С. 152—165.
(Kiyashchenko L.P., Tishchenko P.D. Humanitarian expertise: hermeneutics of subjectivity, *Personality. Culture. Society*, 2011, vol. 13, no. 2 (63—64), pp. 152—165. — In Russ.)
- Луков В.А. Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 197—200.
(Lukov V.A. Humanitarian expertise: from theory to practice, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2006, no. 4, pp. 197—200. — In Russ.)

- Майер С. Аудит в вузе, ориентированном на семейные ценности: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 3. С. 21—25.
(Maier S. Auditing in a familycentered higher education institution: the german experience of Implementation, *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 21—25. — In Russ.)
- Моторина Л.Е. Философские технологии и философия технологии: соотношение понятий // Философское образование. 2011. № 1 (24). С. 3—8.
(Motorina L.E. Philosophical technologies and philosophy of technology: the relationship of concepts, *Philosophical Education*, 2011, no. 1 (24), pp. 3—8. — In Russ.)
- Пожарицкая И.М. Новая парадигма аудита // Наука и мир. 2013. № 3 (3). С. 137—140.
(Pozharitskaya I.M. New paradigm of audit, *Science and the World*, 2013, no. 3 (3), pp. 137—140. — In Russ.)
- Попова А.И. Смена концептуальных моделей аудита и трансформация его определения на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. 2024. Т. 11, № 4. С. 23—34.
(Popova A.I. Change of conceptual models of audit and transformation of its definition at the present stage, *Accounting. Analysis. Audit*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 23—34. — In Russ.)
- Синюкова Н.А., Смирнов С.А. Этическая и гуманитарная экспертиза: концептуальное различие (методологический аспект) // Человек.RU. 2021. № 16. С. 26—48.
(Sinyukova N.A., Smirnov S.A. Ethical and humanitarian expertise: conceptual distinction (methodological aspect), *Chelovek.RU*, 2021, no. 16, pp. 26—48. — In Russ.)
- Современный философский словарь / под общей ред. В.Е. Кемеров. М.: Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996. 608 с.
(Modern philosophical dictionary, ed. by V.E. Kemerov, Moscow; Bishkek; Yekaterinburg, 1996, 608 p. — In Russ.)
- Соснина Т.Н. Жизненный цикл продукта в аспекте постулатов логистики и теории предмета труда // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2008. № 1. С. 261—268.
(Sosnina T.N. Product life cycle in terms of logistics postulates and the theory of the subject of labor, *Samara State Aerospace University Bulletin*, 2008, no. 1, pp. 261—268. — In Russ.)
- Соснина Т.Н. Качество — количество: сущность, варианты классификации, единство в понятии «мера» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 4—1. С. 184—189.
(Sosnina T.N. Quality — quantity: essence, classification options, unity in the concept of “measure”, *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 18, no. 4—1, pp. 184—189. — In Russ.)
- Тулъчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2010. № 3 (29). С. 28—38.
(Tulchinsky G.L. Humanitarian expertise as a social technology, *Scientific notes of the St. Petersburg Academy of Management and Economics*, 2010, no. 3 (29), pp. 28—38. — In Russ.)
- Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
(Uemov A.I. Systems approach and general theory of systems, Moscow, 1978, 272 p. — In Russ.)
- Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 184 с.
(Uemov A.I. Things, properties and relations, Moscow, 1963, 184 p. — In Russ.)
- Черникова И.В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. С. 101—116.
(Chernikova I.V. Cognitive sciences and cognitive technologies in the mirror of philosophical reflection, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2011, vol. 27, no. 1, pp. 101—116. — In Russ.)
- Якимова В.А. Возможности и перспективы использования цифровых технологий в аудиторской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 287—318.

- (Yakimova V.A. Possibilities and Prospects of Using Digital Technologies in Auditing Activities, *Bulletin of St. Petersburg University. Series: Economics*, 2020, vol. 36, no. 2, pp. 287—318. — In Russ.)
- Ясько Б.А., Покуль В.О., Гурова А.А. Технология аудита как информационный ресурс программ развития профессиональной мотивации персонала // *Организационная психология и психология труда*. 2022. Т. 7, № 2. С. 182—203.
- (Jasko B.A., Pokul V.O., Gurova A.A. (2022). Audit technology as an information resource of personnel professional motivation development programs, *Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 182—203. — In Russ.)
- Macaulay Marc T. How cognitive tech is revolutionizing the audit, *Financial Executive*, 2016, vol. 32, no. 1, pp. 18—24.

PHILOSOPHY OF NOOSPHERIC AUDIT TECHNOLOGY: AN EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZATION

Artem O. Aslanyan, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovdg@ivanovo.ac.ru, artem.aslanyan.97@mail.ru

Abstract. The article continues the development of the concept of human quality audit in the context of ideas about humanitarian expertise. As a basic methodology, the authors focus on the system approach (the language of ternary description). The concepts of “humanitarian expertise” and “human quality audit” are analyzed and correlated. The definitions of the concepts of “technosphere audit” and “noospheric audit” are clarified, a comparative analysis of these terms is carried out. Noospheric audit is defined as a concept related to the post-non-classical scientific picture of the world. The coordinates of noospheric audit in the system of binary oppositions of cognitive audit and affective audit, ascertaining audit and formative audit are determined. The philosophical foundations of the concept of noospheric audit are revealed.

Keywords: humanitarian expertise, technosphere audit, noosphere audit, cognitive audit, affective audit, formative audit, spiritual production, university audit

For citation: Aslanyan A.O., Smirnov D.G. Philosophy of noospheric audit technology: an experience of conceptualization, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 192—198.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 01.04.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Асланян Артем Оганесович — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Вологда, Россия, artem.aslanyan.97@mail.ru

Aslanyan Artem Oganosovich — postgraduate student, Ivanovo State University, Vologda, Russian Federation, artem.aslanyan.97@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, SPIN: 4973-7227

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2025. Вып. 2

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 18.06.2025 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,6. 3,6 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год